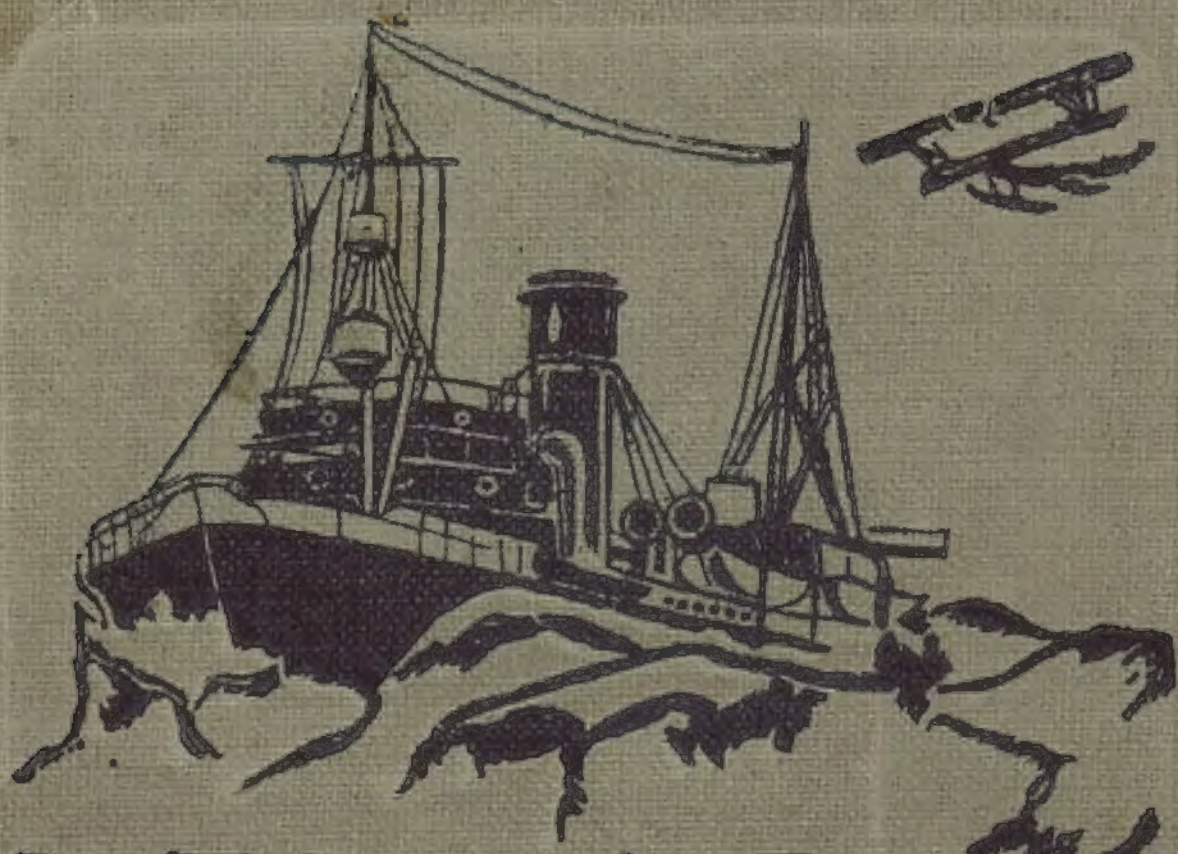
Б. ЛАВРОВ



ПЕРВАЯ ЛЕНСКАЯ

Шк В-14
По 2
Ря 2 6

Акт № 1

Проверено-55

ПРОВЕРЕНА

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

К.Г.				
4-Л.13-П				
				√

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 476 -20000

ПРОВЕРЕНА
1952 г

Б. Л. АВРОВ.

В-14
2 2
6
Проверена 56 г.

Б. ЛАВРОВ

ПЕРВАЯ ЛЕНСКАЯ

ОЧЕРКИ О ПЕРВОМ КАРАВАНЕ СОВЕТСКИХ СУДОВ, ПРОШЕДШИХ ЧЕРЕЗ СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН К УСТЬЮ РЕКИ ЛЕНЫ

★

3489
ГЛАВНАЯ МОРСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Инв. № 1 1936 г.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1936

Редактор Я. Ипполитов
Технический редактор Г. Освальд
Корректор С. Локшина

Переплет худ. К. Яницкого

Сдано в производство 27/XII 1935 г. Подписано к печ. 10/VI 1936 г. МГ-195 Инд. Ю-2. Формат 82×110¹/₃₂. 18¼ п. л. 16,13 уч. авт. л. Уполн. Главлита Б-21984. Заказ 1002. Тираж 15 000.

17-я ф-ка нац. книги ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Шлюзов. наб., 10.

Цена 4 р. 80 к. Переплет 1 р.

ВВЕДЕНИЕ

В дореволюционное время Север был известен преимущественно как место политической ссылки и как район, где местные туземные племена подвергались особенно грубой и беззастенчивой эксплоатации.

Вековые лесные массивы, горные богатства, огромные количества рыбы и морского зверя оставались нетронутыми. Только хищнически истреблялся ценный пушной зверь и первобытным способом разрабатывались золотые месторождения.

Попытки развития северной промышленности, начатые наиболее передовыми представителями сибирской буржуазии — Сидоровым и Сибиряковым, встречали самое грубое противодействие со стороны царских администраторов.

Единственный выход для этих богатств — Северный морской путь — также не встретил здесь поддержки. Север был целиком принесен в жертву колониальной политике правительства, продиктованной столичными биржевиками.

В семидесятых годах прошлого столетия сибирский промышленник Сидоров направил тогдашнему «наследнику престола» докладную записку «О средствах вырвать север России из его бедственного положения».

Эта записка не осталась без ответа. Генерал Зиновьев наложил на ней исчерпывающую и решительную резолюцию: «Так как на Севере хлебопашество невозможно и никакие другие промыслы немыслимы, то, по моему мнению и мнению моих приятелей, необходимо народ удалить с Севера во внутренние страны государства. А вы хлопочете наоборот и объясняете о каком-то Гольфштреме, которого на Севере быть не может. Такие идеи могут проводить только помешанные».

Несколько позднее правительство все же пошло на уступки. В 1877 году был разрешен беспошлинный провоз

товаров через Северный морской путь в устья рек Оби и Енисея. Кое-какие суда пришли из-за границы с импортными товарами и вывезли несколько десятков тысяч пудов сибирской пшеницы. Но тут забили тревогу московские биржевики, для которых выгодно было держать Сибирь на положении колонии. По их ходатайству, льготы для судоходства по Северному морскому пути сначала были сильно ограничены, а затем и совершенно отменены. Карское море вновь опустело.

Не лучше дело обстояло и в позднейшее время. В 1908 году группа сибирских купцов возбудила перед властями ходатайство о частичном порто-франко в устьях Оби и Енисея, указывая на всю выгодность этого мероприятия для развития производительных сил Севера, в частности для лесной промышленности.

В ответ на это министр финансов Коковцев написал: «Тот ли это лес, который может выдержать конкуренцию, не говоря уже скандинавского или канадского леса, но даже леса хотя бы Архангельской губернии? Континентальный климат Сибири губительно отзывается на росте деревьев, от сильного мороза древесина их разрывается...»

Отсюда последовал вывод: «Министерство финансов не решается возлагать надежды на экспорт леса за границу и могущие произойти от сего выгоды для Сибири».

Так еще раз бюрократическим росчерком пера, при содействии буржуазной науки, был похоронен и Северный морской путь, и сибирский лесной экспорт.

Эти исторические цитаты звучат особенно курьезно теперь, когда через Карское море в устья Оби и Енисея ежегодно проходят десятки кораблей, когда проложены пути к устью реки Лены и даже Берингову проливу.

Советское правительство, в лице Сибревкома, сразу же после изгнания банд Колчака из Сибири глубоко и всесторонне занялось разрешением проблемы Севера в целом.

В 1920 году был организован Комитет Северного морского пути при Сибревкоме (Комсеверпуть), в 1922 году — Управление по обеспечению безопасности кораблевождения (Убекосибирь) и в 1923 году — Комитет содействия малым народностям при ВЦИК (Комитет Севера).

Работа этих организаций дала много положительного для заполярного Севера и Северного морского пути. Изучение шло параллельно с практическим использованием этого пути.

Морские пароходы, сначала в очень ограниченном количестве, начиная с 1921 года, начали проходить ежегодно через Карское море. Они привозили импортные грузы для Сибири и Урала и увозили наиболее рентабельные товары — лен, кожевенное сырье, шерсть и т. п. При этом не только в ценностном, но и в весовом отношении импортные грузы очень часто преобладали над экспортом. Это свидетельствовало о слабом развитии производительных сил Севера и неприспособленности рек и моря к транспортированию малоценных и громоздких грузов.

В 1922 году против 5 837 тонн экспорта было импортировано 7 790 тонн. В следующем году на экспорт пошло только 24 тонны.

С 1924 года началась отправка пиломатериалов. Красноярские заводы послали за границу первые 757 стандартов. Количество совершенно ничтожное. Но и эта партия показала, во-первых, физическую возможность транспортировки леса через Карское море, а во-вторых, определила лицо сибирского леса за границей. Выручennая средняя цена за стандарт пиломатериалов была много выше средней цены скандинавского, канадского и беломорского леса.

Так жизнь опровергла глубокомысленный скептицизм министра Коковцева.

С этого года лес занял доминирующее положение среди экспортных грузов карских экспедиций.

Период с 1924 по 1928 год можно назвать первым периодом хозяйственной эксплоатации Карского моря. Он характеризуется крайне медленным ростом экспорта; почти постоянным преобладанием, даже в весовом отношении, импортных грузов над экспортными; дорогой себестоимостью фрахта и, главное, получением экспорта исключительно с заводов, расположенных по линии железных дорог. Леса Севера, непосредственно тяготеющие к Северному морскому пути, оставались неиспользованными.

Поворотным пунктом явился 1929 год. В этот год был заложен первый дом будущего заполярного города и порта на пустынной протоке реки Енисея — Игарке. Планы работ были значительно расширены как в части транспортных операций через Карское море, так и в части развития северной лесной промышленности.

Консерватизм многих видных специалистов, боязнь новаторства, отголоски идей Коковцева и К° — все это сильно затрудняло развитие работ по освоению Севера.

Указывали на исключительную трудность проводки больших судов через льды, на краткость навигации, на невозможность закончить своевременно все погрузочно-разгрузочные работы в Игарке, на невозможность сплава по Енисею и т. д. Не забыли даже летнюю мошкару тайги, как угрозу для работы заводов на Игарке.

Конечно указания на трудности, стоящие на пути к завоеванию Севера, были совершенно правильны, но совсем неправильно было считать эти трудности непреодолимыми. И они были преодолены. Город и порт Игарка выросли очень быстро. Три лесозавода, фабрика для размола графита, ряд подсобных предприятий и совхоз давали новый тон всему енисейскому Северу.

Экспорт леса начал увеличиваться быстрыми темпами. Центром лесоэкспортных операций стала Игарка и тяготеющие к ней северные лесные массивы. В 1932 году Игарка дала уже 64 процента всего карского экспорта.

Начиная с 1931 года карский лес удерживает за собой первое место в Союзе как по своему качеству, так и по укладке и перевозке на пароходах.

Заметно снизилась за эти годы и себестоимость фрахта за стандарт. Против прежних 100 шиллингов 1932 год дал понижение до 74 шиллингов, плюс к этому 17 рублей советской валютой в оплату ледокола и авиации. В 1933 году валютные расходы выразились в 67 шиллингах на стандарт, а в 1934 году в 58 шиллингах. Не менее резко понизились и страховые ставки за экспортируемые и импортируемые грузы.

Этот период можно назвать вторым периодом в работе по развитию экспортно-импортных операций через Карское море.

В результате хозяйственная возможность и целесообразность работы через Карское море были вполне доказаны. Западная часть Карского моря превратилась в артерию нормальной водной связи севера Сибири и Урала с портами СССР и европейскими портами.

Накопленные знания и опыт позволили выпустить в 1930 году первую лоцию Карского моря на русском и английском языках с подробными картами. Карское море получило свой первый паспорт, где были обозначены если не все, то по крайней мере основные его приметы. Это положило конец экспедиционности плавания. Одиночные корабли, руководимые арктическими исследователями, теперь

сменились десятками лесовозов, выполняющих заранее составленный план грузоперевозок. Ранее почти безлюдные низовья рек Оби и Енисея получили мощный толчок к развитию своих производительных сил. Мертвые богатства Севера впервые стали на службу страны строящегося социализма.

На этой работе выковались кадры северных моряков, изучивших условия полярного плавания и стремящихся в своей работе достичь тех же темпов, какими живет весь Союз.

Естественно, что при этих условиях дальнейшее продвижение на восток Ледовитого океана явилось совершенно логическим шагом. На очереди встал вопрос об организации постоянных плаваний к берегам Якутской республики, вокруг самой северной оконечности Северной Азии — мыса Челюскина.

История знает очень немного примеров прохождения отдельных экспедиций этим путем и не знает ни одного случая прохождения здесь не только грузового каравана, но и хотя бы одного грузового судна.

Первым и наиболее удачным из всех путешествий вокруг Таймырского полуострова было плавание «Веги» в 1878 году под руководством знаменитого полярника Норденшельда. Выйдя из Готенбурга 4 июля, «Вега» 6 августа была на острове Диксон; потеряв здесь четыре дня на стоянку из-за туманов, 19 августа она прошла около мыса Челюскина, почти не встретив льдов. Поход «Веги» осложнялся тем, что ею буксировался речной пароход «Лена». Несмотря на это, 1 сентября пароход этот был у места назначения — в бухте Тикси.

В 1893 году путь Норденшельда повторил Нансен на своем «Фраме». В путевом дневнике Нансен писал: «Мы вошли в Карское море, страшное море. Отправляясь, я всегда говорил, что если мы благополучно пройдем Карское море, мимо мыса Челюскина, то самое трудное будет сделано».

Карское море поставило перед Нансеном большие препятствия. Только 18 августа он миновал остров Диксон. В результате мыс Челюскина был пройден им чрезвычайно поздно — 10 сентября. Как известно, дальнейший путь Нансена лежал к Новосибирским островам, откуда он и начал свой знаменитый дрейф к северному полюсу.

Следующим судном, прошедшим это направление в 1900 году, была шхуна «Заря». Она вышла с острова Диксон тоже чрезвычайно поздно — 18 августа. В результате 26 сентября она стала на зимовку в бухте Кольн-Арчер, не будучи в состоянии бороться с окружающими льдами. Только 25 августа следующего года она освободилась из этого плена и 1 сентября прошла мыс Челюскина.

С таким же успехом или, вернее, неуспехом проделало этот путь в 1914 году судно «Эклипс», вышедшее на поиски погибшего геолога Русанова. «Эклипс» дошел до острова Диксон только 28 августа. У острова Скотт-Гансена льды уже показали большую сопротивляемость. 12 сентября судно зазимовало у мыса Вильде, освободившись от льдов только 11 августа 1915 года.

С 1912 по 1914 год два ледокольных парохода — «Таймыр» и «Вайгач» — пытались осуществить сквозной проход, идя с востока на запад. В 1912 году они не могли дойти до мыса Челюскина приблизительно 150 миль и 9 сентября повернули обратно. Эта попытка была повторена в 1913 году, но окончилась также безуспешно. Подойдя 1 сентября к мысу Челюскина, пароходы вновь повстречались с тяжелыми льдами. 12 сентября был отдан приказ возвращаться во Владивосток.

Важность прохода сквозным Северным морским путем заставила продолжать эту работу и в 1914 году. На этот раз «Таймыр» и «Вайгач» 1 сентября снова были у мыса Челюскина. Состояние льдов оказалось чрезвычайно неблагоприятным. Не дойдя до архипелага Норденшельда, оба судна зазимовали. На следующий год лед пришел в движение около их зимовки 2 августа. Один из ледоколов получил большую пробоину. Состояние льдов и погоды оставалось крайне неблагоприятным. Только 30 августа «Таймыр» и «Вайгач» подошли к острову Диксон, пройдя таким образом путь Норденшельда в обратном направлении, но потеряв для достижения этой цели чрезвычайно много времени.

Для полноты картины о плавании вокруг Таймырского полуострова, до похода «Сибирякова» и «Таймыра» в 1932 году, нам остается только напомнить о походе Амундсена на шхуне «Мод» в 1918 году. Как известно, Амундсен предполагал повторить дрейф Нансена через полярный бассейн. «Мод» вышла с Диксона 4 сентября; через три дня она пришла к архипелагу Норденшельда. Здесь были встречены

значительные льды. Попытка обойти их с севера потерпела неудачу. Держась вдоль берега, шхуна смогла подойти к мысу Челюскина 10 сентября. Можно сказать, что этим ее дальнейшее продвижение закончилось, так как, пройдя далее на восток не более двадцати миль, Амундсен должен был стать на зимовку из-за льдов и простоял до 12 сентября 1919 года.

Этими плаваниями исчерпываются все исторические попытки овладения северо-восточным проходом. В 1932 году этот путь повторил «Сибиряков». 4 августа он был на острове Диксон, 14 августа — на Северной Земле, 27 августа — в устьи Лены и 1 октября — у берегов Берингова пролива. Льдов встречалось мало, и они не мешали продвижению судна нигде, за исключением восточного берега Северной Земли, где льды были более плотные.

Таким образом, не считая «Сибирякова», только два судна — «Вега» и «Фрам» — совершили поход Диксон — Лена в одну навигацию. Причем «Вега» сделала путь Диксон — Лена в семнадцать дней, а «Фрам» — в тридцать дней. Три экспедиции на четырех судах — «Заря», «Таймыр», «Вайгач» и «Мод» — прошли этот путь после зимовки; двум пароходам — «Таймыр» и «Вайгач» — проход с востока не удался совершенно.

Для всех путешествий вокруг Таймырского полуострова характерно то, что чем позднее судно выходит с острова Диксон, тем менее удачным является исход экспедиции. Это показывает, что состоянием льдов запада Карского моря до известной степени предопределяется ледовое положение и его восточной части.

1932 год был благоприятен для плавания на западе Карского моря. «Сибиряков» почти не встречал льдов и на северо-востоке его.

Политическое и экономическое значение овладения этим участком Северного Ледовитого океана чрезвычайно велико.

Обширная Якутская республика и Хатанго-Авамская тундра, населенная более чем тремястами тысяч человек, изобилует разнообразными природными богатствами. Уже на настоящей, далеко не совершенной, стадии наших знаний о богатствах Севера можно говорить о наличии там больших залежей каменного угля, полиметаллических руд, соли, исландского шпата и т. д. Есть основания считать этот район будущим источником снабжения рынков СССР и нефтепродуктами. В самой ничтожной степени используются

также леса Якутской республики, богатства северных рек и моря этого района.

Без освоения Северного Ледовитого океана политический и экономический рост Якутской республики и других местных национальных округов и районов не может итти теми темпами, которые характерны для всего нашего Союза.

Освоенный многолетними работами карских экспедиций запад Карского моря давал все основания для дальнейшего продвижения на восток, к берегам Якутской республики, и через Берингов пролив — на Камчатку и Дальний Восток.

При учете всего этого становится понятным постановление Совнаркома СССР от 20 декабря 1932 года о посылке в навигацию 1933 года первого каравана морских и речных судов из Архангельска к устью реки Лены и парохода «Челюскин» во Владивосток Северным морским путем.

Подготовка экспедиций, идущих в неисследованные зоны суровой Арктики, представляет не меньшие трудности, чем самое плавание.

Надо учесть все будущие случайности плавания во льдах, надо взять все, что нужно для работы и жизни в необжитых пространствах, и не брать ничего лишнего. Надо использовать каждую минуту, потому что Арктика только на очень короткое время открывает узкую дверь в свои необъятные однообразные пространства.

1-я Ленская экспедиция была трудной для осуществления именно потому, что она была п е р в о й. Она не ставила себе задач изыскательского порядка, но по логике вещей она должна была быть одновременно и изыскательской, и хозяйственной. Она должна была дать груз Якутской республике и открыть этой стране ворота через Ледовитый океан в порты СССР.

После освоения западной части Карского моря Енисей и Обь сделались воротами Красноярского края и Омской области для выхода их продукции ко всем портам. Изучение и освоение востока этого моря и моря Лаптевых должны были сделать такими же воротами для Якутской республики реки Лену, Хатангу и др.

Насколько эта задача назрела, видно хотя бы из того, что с каждым днем увеличивались предложения для перевозки грузов в бухту Тикси, в устье реки Лены и в бухту Нордвик, около устья реки Хатанги. Вместе с этим не было ни одного предложения на вывоз грузов оттуда. Это также было симптоматично. Побережье Ледовитого океана остава-

лось еще мертвым. Его богатства были скованы вековым сном. Ленская экспедиция должна была его разбудить.

Три лесовоза — «Володарский», «Товарищ Сталин» и «Правда», — грузоподъемностью в 3 тысячи тонн каждый, были зафрахтованы, чтобы взять на себя перевозку предъявленных грузов на реки Лену и Хатангу. В том же направлении шел «Сибиряков» — на мыс Челюскина, «Русанов» — в бухту Прончищевой, находящуюся на восточном берегу Таймырского полуострова, «Седов» — на Северную Землю и «Челюскин» — к Владивостоку.

Грузы морских пароходов росли. Это вызвало необходимость одновременной переброски на реку Лену двух речных пароходов и громадного лихтера. Существующий флот реки Лены не был в состоянии принять привезенные грузы и доставить их к месту назначения.

Река Обь должна была отдать на реку Лену теплоход «Первая пятилетка» в 1,400 сил и лихтер № 7 грузоподъемностью в 3 тысячи тонн. Река Енисей выделила пароход «Партизан Щетинкин» в 800 сил.

Задачи усложнялись. Там, где не проходило ни одно грузовое судно, должны были пройти несколько судов, в том числе три со слабым речным корпусом.

От Омска до Якутска предстояло совершить путь «Первой пятилетке» с лихтером на буксире. От Красноярска до Якутска лежал путь «Партизана». Расстояние — сказочное даже для плавания в обычных условиях.

Силам Арктики современный полярник может противопоставить метеорологию, авиацию, радио и ледоколы. Вооруженная этой современной техникой, экспедиция может рассчитывать на успех там, где раньше всякие попытки оказывались безнадежными.

Краснознаменный ледокол «Красин» должен итти во главе экспедиции. Испытанный в многочисленных полетах над Карским морем самолет «Дорнье-Валь» обеспечит ее разведкой. Радиостанции острова Диксон, мыса Челюскина, бухты Тикси и радиостанции пароходов позволяли держать непрерывную связь. Метеорологические станции, разбросанные на Диксоне, по многим пунктам Новой Земли, на мысе Челюскина и на Северной Земле, дадут возможность синоптикам пароходов за много времени вперед предсказывать изменение погоды.

Экспедиция готовилась по-серьезному к встрече с серьезным противником.

ПОДГОТОВКА К ЭКСПЕДИЦИИ

«Красин» заканчивал свой ремонт в Ленинграде. Водницкая общественность горячо приняла к сердцу интересы экспедиции. Ее энтузиазм сообщился всем. Вокруг «Красина» день и ночь кипела лихорадочная работа. Формой напоминая громадный утюг, с мощным механизмом, с испытанной в многочисленных ледовых схватках командой, ледокол был надежным бойцом в предстоящем походе. Его капитан, М. Я. Сорокин, постоянный участник карских экспедиций, вел энергичную подготовку.

— Мы к сроку успеем. Не подвели бы только речники. Архангельск тоже сделает свое дело. А вот как в Омске и Красноярске, этого уже я не знаю.

— И повидают же речники горя на море. Им и от берега отойти будет страшно, — заранее потешалась над речниками морская команда «Красина».

Конечно в нашей экспедиции это было «слабое звено». Но во главе речного похода стоял опытный моряк, капитан Модзалевский. Его помощники внушали не меньшее доверие. Все они видели Карское море не раз. Они же привели из-за границы эти изящные речные пароходы в 1931 году в устья Оби и Енисея. На их долю выпала теперь еще более трудная задача — перебросить часть этих пароходов на реку Лену.

Команда состояла из речников-ударников Обского и Енисейского бассейнов. От земли им отойти будет не страшно. Но льды, возможная зимовка, могут иметь для них очень тяжелые последствия. На это звено надо обратить особое внимание.

Итак, флотилия 1-й Ленской экспедиции разбросана по четырем пунктам, отделенным друг от друга колоссальным расстоянием: «Красин» — в Ленинграде, лесовозы — в Архан-

гельске, «Первая пятилетка» — в Омске и «Партизан» — в Красноярске.

Местом их встречи назначен остров Диксон, со сроком прибытия в первых числах августа. К этому времени обычно освобождаются от льда проливы Карского моря, а также Обская губа и Енисейский залив.

Графики похода судов разработаны детально.

★

Омская пристань жила непривычно напряженной жизнью. Время бежало незаметно. Приближался срок отхода судов. Между тем еще многое не было готово. Надо было поставить добавочные крепления на лихтер, получить все научные приборы, запасные части к дизельным машинам «Первой пятилетки» и обеспечить все снабжение судов как для похода, так и на случай вынужденной зимовки.

Все это было послано из Москвы, и все это где-то медленно тащилось в товарных вагонах между Москвой и Омском. Надо было выйти обязательно во-время. Река Иртыш быстро мелела. Нормирующие глубины на перекатах падали с такой быстротой, что не исключена была задержка в пути из-за необходимости перегрузок и других остановок.

На лихтер же возлагали все надежды морские пароходы. Он должен был подвезти уголь на Диксон для их добункеровки. Его опоздание вызвало бы опоздание всего морского каравана.

— Ну, сегодня пришли наконец все наши грузы, — торжествовал завхоз Маслов. — Скоро выйдем.

Увы, торжество было преждевременным. На другой день он в отчаянии стоял над полученной спецодеждой. Шапки годились только на головы школьников, зато сапоги отличались необыкновенной вместительностью. Ватные куртки были налицо, о брюках же сообщалось, что они «досылаются».

Весь этот день сотрудники экспедиции провели в обследовании складских помещений Омска. Местные власти сделали все возможное, чтобы можно было подбирать «спецодежду для команды, а не команду для спецодежды».

Это было исправлено. Но по мере распаковки грузов обнаруживались дальнейшие сюрпризы. Пришел аммонал и к нему бикфордов шнур. Запалов же не было. Они тоже «досылались». Ружья и винтовки были одного калибра, патроны для них — других размеров и т. д.

— Хорошо, что мы грузимся в Омске. А то что бы мы делали, если бы все это было нам передано на Диксоне? — утешали себя сотрудники экспедиции.

Конечно хорошо, что в Омске значительную часть «несоответствий» можно было исправить. Но нехорошо начинали свой первый год работы полярники-снабженцы.

Невозмутимый Шарашов, начальник обского транспорта Главсевморпути, рассуждал просто и резонно:

— Вы лучше уходите скорее, а то вода падает. А дорогой либо шапки к головам притрутся, либо головы к шапкам. Без воды же пропадете.

17 июля «Первая пятилетка» с двумя лихтерами двинулась в путь.

Можно было ехать дальше в Красноярск. Каково же было наше разочарование, когда вечером того же дня в Омске опять показались знакомые лица. Вода все-таки «подвела». В восемнадцати километрах от Омска, на Ново-Зиминском перекате, нормирующая глубина упала до ста шестидесяти сантиметров. Там работал землечерпательный караван, обещая дать нужные глубины через два дня.

— Никак не оторвемся от Омска, — злились моряки. — Скорей бы выйти в море. Пусть льды, пусть что угодно, только бы не эти проклятые мели.

Их негодование было понятно. Все сознавали ответственность перед всей экспедицией. Все старались итти как можно быстрее. Через два дня «Пятилетка» наконец ушла. Она нагоняла пропущенное время на хороших глубинах, но успехи целого дня сводились на-нет при первой же посадке на мель. Служба пути на Иртыше была далеко не на высоте. К этому прибавилось необычное мелководье. Более четырех суток потерял экспедиционный караван на пути к Тобольску.

Впереди предстояли, повидимому, не меньшие затруднения. Радиограммы из Нового Порта — Обской губы — говорили о небывало долгой задержке льда в этом районе и о полной непроходимости его даже для морских судов. Обстоятельства здесь начали складываться неблагоприятно.

В Красноярске «Партизан Щетинкин» с угольным лихтером на буксире также готовился к походу. Дела с его снабжением также обстояли не блестяще, но впереди был город Игарка, где можно было рассчитывать основательно пополниться. Корпус парохода, уже потрепанный в предыдущих плаваниях, был особенно ненадежен при проводке во льдах.

Цистерн для питания котлов пресной водой во время морского перехода на «Щетинкине» не было, и это предопределяло его буксировку, если только ему не представится возможность захода в реки Таймырского полуострова.

Подкрепили корпус судна, установив в форпике айсбимсы. Это все, что можно было сделать на случай встречи со льдами. Вообще же ему не рекомендовалось встречаться с большим скоплением льдов.

Прекрасный речной буксир, он будет выглядеть на море маленькой лодочкой по сравнению с морскими пароходами и даже с «Пятилеткой».

15 июля «Партизан Щетинкин» отошел от красноярской пристани на Игарку. Он, несомненно, придет на остров Диксон своевременно, если залив Енисея уже свободен ото льдов. Лихтер с углем будет базой для первых морских пароходов.

Время дорого. Надо воспользоваться аэропланом, чтобы притти в Игарку и на остров Диксон как можно раньше. Там разгар подготовки к очередной Карской экспедиции. Важно продвижение на восток по Полярному морю, но не менее важно не терять уже завоеванные позиции на его западном участке.

— Наш самолет готов к отлету,— отрапортовал по-военному пилот Липп.

С товарищем Липп мы старые знакомые. Под его управлением самолет проделал ряд больших полетов над Енисеем, над тайгой и тундрой. С ним мы летали в далекий залив Гыдо-Ямо, на реку Юрибей, устанавливая там первую избушку для промышленников этого пустынного побережья. Реки Нижняя Тунгуска, Курейка не раз видели его самолет.

На этот раз он сидел на «скучной» линии: Красноярск—Игарка — Диксон.

— Ничего теперь нового здесь для меня нет. Куда-нибудь подальше бы!

— Попадем и дальше, а теперь пока идем в Игарку, к старым знакомым.

— Есть. Готовы к отлету.

★

Под нами узкой лентой расстилается Енисей. Это огромная река, пятая по величине в мире, протяжением в 4 475 километров. Бассейн Енисея занимает площадь свыше 2 500 тысяч квадратных километров. С Карского моря по

своим глубинам он доступен для морских пароходов до города Игарки, расположенного в 700 километрах от острова Диксон.

Велики и его притоки — Ангара, Подкаменная Тунгуска, Нижняя Тунгуска, Турухан и др.

Правые его берега возвышенны, левые низменны. Поэтому правые его притоки быстры и порожисты, левые же спокойны, широки и часто меняют русла. От старых русел остаются многочисленные озера и протоки.

С высоты самолета прекрасно видна долина Енисея, эта, по выражению Нансена, «страна будущего». Густые леса столпились широкой полосой по обе стороны реки. Отчетливо выделяются красноватые стволы сосен. Ель, пихта, лиственница с трудом различимы на общем ковре, сотканном из разнообразных зеленых оттенков.

Местами идут березняки и осинники. Ближе к реке леса прерываются иногда луговыми пространствами. Сейчас они, вблизи редких деревенек, уже скошены и сложены в маленькие кучки — копны.

Дальше на восток и на запад, за зоной лесов, виднеются ржавые пятна болот и озер. На них лишь изредка виднеются чахлые одиночные стволы лиственниц.

Самолет идет прямой дорогой на север. Он то режет мысы, удаляясь в тайгу, то идет над самым руслом Енисея. Под нами проходят заросли леса, острова, пески и небольшие поселки.

Однако в этой обычной северной картине уже есть и признаки начавшегося оживления.

Внизу виднеется Придвинская судостроительная верфь. Не более трех лет назад здесь была та же тайга, которая видна кругом. Теперь там поселок с 5 тысячами человек. Оттуда выходят те громадные баржи, которые плавают теперь на вольном плесе Енисея в длинных караванах, медленно идущих с грузами на север.

Мой сосед по кабине, художник Рыбников, изумленно показывает то на одно, то на другое поразившее его пятно.

Ярким зеленым пятном выделился Ярцевский совхоз.

Здесь в царское время была небольшая деревушка Ярцево. Теперь около нее раскинулся большой совхоз с посевом в две тысячи гектаров. Под его влиянием организовался здесь колхоз, который также занялся огородами и посевами. Северное земледелие сделало большой шаг вперед.

В закрытой кабине самолета гул мотора не заглушает

речи. Поэтому можно разговаривать не только записками, но и несколько повышая голос.

— Это что там внизу? — то и дело спрашивает сосед.

Под нами прошла река Кас. Видно, как в ее устьи скопились большие неуклюжие плоты леса, готовые к отплытию к далекой Игарке. Это тоже «разбуженный Север». Совсем недавно здесь стояла непроходимая тайга. Теперь в этом районе выросли крупные поселки. Енисей никогда не видел сплава древесины на своем русле. Сибиряки не верили в его возможность. Теперь сотнями тысяч кубометров плывет лес к лесопильным заводам Севера.

Причудливыми, извилистыми зигзагами прорезают тайгу небольшие речки. Они без имени, потому что к большинству из них еще не подошел человек.

Художник Рыбников — давнишний путешественник по европейскому Северу. Побывал он в далеком Онежском районе, был в Карелии. Теперь его потянуло на необжитый азиатский Север. Во время полета он то и дело делает наброски эскизов в свой путевой блокнот.

Погода не совсем благоприятна для полета. В этом году стоит холодное, пасмурное лето. Аэроплан нередко проходит сквозь густые заряды тумана или дождя. Затем он вновь вырывается на солнце. Тогда около крыльев самолета появляются круги радуги.

— Неудобно как-то и зарисовывать это. Не поверят, — сомневается художник.

Остановка намечена около Подкаменной Тунгуски, где самолет должен взять бензин. Скоро она сверкнула своей длинной темной полосой, резко отличаясь по цвету воды от Енисея. Вслед за этим у ее устья показалась и деревня, носящая то же имя.

Она стоит на правом берегу реки. Около берега приткнулись лодки, начиная от крупной грузовой «илимки» и кончая легкой «веткой», на которой плавать можно только одному человеку, и притом с большой сноровкой. Для каждого нового ездока на ней купанье почти обязательно.

На берегу развешаны сети и стоит несколько чумов племени кето, или, как их раньше называли, енисейских остяков.

Самолет, сделав крутой вираж, опускается на воды Тунгуски. Появляется приятное ощущение тишины. Гул мотора, хотя и заглушенный, порядочно надоел.

Небольшой пробег по воде, и поплавки самолета упираются в гальку берега. Можно сходить в деревню, повидать старых знакомых и «наладить» чай, чтобы восстановить силы для дальнейшего полета.

К нам подходят владельцы чумов. Хотя они и привыкли уже к виду аэроплана, но каждый раз самолет доставляет им новое развлечение. На фоне однообразия жизни его прилет — все-таки событие.

Это довольно рослые и крепкие люди. С бесстрастными лицами, не вынимая трубок изо рта, они здороваются с нами, протягивая огрубевшие, твердые руки.

— Здорово, здорово... Хорошо летит, долго летит, — выражают они свое удовольствие на своеобразном русском языке.

На этот раз с ними несколько женщин и дети. В привязанной лодке видны головы двух крупных ездовых собак.

— В интеграл рыбу сдавал, — объясняют они свое присутствие. — Товар в лавке брал, живем хорошо...

Видно, что теперь они живут неплохо. Советская власть возродила это угасавшее племя.

Обложенные ранее тяжелым налогом, теснимые царскими чиновниками и кулаками, они старались уйти как можно дальше от встреч с начальством. Находясь в вечном долгу у спекулянтов и торговцев, спаиваемые водкой, они потеряли всякую надежду на лучшую жизнь.

Памятная книжка Енисейской губернии за 1889 год так рисовала их положение:

«Караконско-остяцкая орда сидит у запоров речек в ямах или в убогих чумах, почти голая и нередко голодная, питаясь только рыбой. Нередко в этой орде бывают случаи людоедства. Значительная часть остяцкого Байхинского рода, проживая в плохих чумах, представляет жалких нищих, пропитывающихся милостыней».

Это никого не беспокоило.

«В чем дело? Низшая раса! Она вымирает, это естественно...» — таково было мнение представителей «высшей» расы, создававших себе богатства самой дикой эксплоатацией народов Севера.

Теперь не то! Социалистическая революция показала и племени кето путь к новой жизни.

— Однако мы скоро поедем. Полетит аэроплан, и поедем, — торопятся они.

У них несложный, но чрезвычайно приспособленный к

обстановке «мотор». Это — две собаки, которые сейчас спят в лодке. Нагруженную лодку они свободно тянут против течения, умело обегая крупные камни и переплывая встречные ручьи.

Мы поднимаемся на приподнятый берег, в самую деревушку.

Местоположение прекрасное. Редко можно найти на Севере такой красивый и привлекательный вид. Деревушка стоит на мысу, образованном слиянием рек Подкаменной Тунгуски и Енисея. Позади и напротив ее раскинулись красивые таежные леса. На открытых пространствах растет хороший травяной покров, откуда глядят разнообразные цветы Севера.

Летом здесь солнце светит довольно часто. При его сиянии особенно красиво сочетание зеленых красок берега с темной окраской воды.

Сама деревушка красотой не блещет. Здесь типичные сибирские постройки. Кое-как срублены стены. На постройку приличных крыш уже нехватило терпения. В некоторых домах они односкатные, в других же хотя и двухскатные, но в большинстве случаев производят впечатление сделанных наспех, со многими недоделками. О хороших, хозяйственных постройках и говорить не приходится. Местный скот волей-неволей должен «привыкать» к суровому климату.

Кажется, что пришли сюда первые поселенцы, наскоро сбили себе временные постройки и заторопились куда-то дальше, на другую работу, чтобы потом закончить постройку, но так ее и не закончили. Потомки же их чувствовали себя вполне удовлетворенными доставшимися им в наследство «архитектурными» сооружениями.

Здесь нет и следа построек, напоминающих собой постройки Кировского (б. Вятского), Вологодского или Архангельского районов. Внимание останавливается только на домах фактории Союзпушнины, радиостанции и школы. Прилично выглядит старый дом кузнеца.

Чистота в деревеньке относительная. В хорошую погоду это скрадывается. В дождливую же осеннюю или весеннюю пору грязь здесь отчаянная.

Основное занятие жителей — охота и рыболовство. Но довольно много и скота — лошадей и коров.

Мы идем «налаживать» чай к своему старому знакомому — заведующему факторией Комелягину.

В просторных, светлых комнатах фактории чисто и

уютно. По-северному, с непритворным радушием, встречают он и его жена нежданых гостей, хотя конечно ничего, кроме излишних хлопот, мы не приносим.

— Ну, вот, так мы и знали. Опять на Север потянуло. Не надоело еще? — встречает нас хозяин дома. — А мы давно уже посматриваем... Пора, пора... Скоро Карская...

На столе удивительно быстро появляется самовар, вслед за ним прекрасная рыба северных рек — жареная нельма.

У нас есть свое угощение, для северных жителей очень желанное. Мы предусмотрительно закупили в Красноярске небольшое количество свежих огурцов и помидоров.

— Ну, скоро вы нас этим удивлять перестанете, — подает реплику один из членов семейства.

— А что, ждете парохода с таким же грузом?

— У нас свои овощи будут не хуже красноярских...

Оказывается, здесь уже организовался крепкий колхоз, и люди, занимаясь охотой и рыболовством, провели также и пробный посев. На поле в два-три гектара засеяны ячмень, лен, картофель, капуста, огурцы, брюква и т. д.

Несмотря на сравнительно холодное время, все это дало прекрасные всходы и прекрасно росло.

— Осенью приедете, угощать будет чем, — уверенно подтверждает Комелягин. — Да и вообще здесь развернуться можно...

Это совершенно справедливо. Здесь есть над чем поработать. В настоящее время около самой деревни геологическая партия Главсевморпути ведет разведку на каменный уголь. На другой стороне реки, в 8 километрах от устья, ясно виден выход другого угольного пласта. Там же обнаружены залежи прекрасной огнеупорной глины. Выше, на притоке Тунгуски, есть гипс, магнетиты и исландский шпат. Уголь молодой. Его теплотворная способность не выше 5 000°, но все же его можно будет использовать для Енисейского пароходства, которое до сих пор пользуется дровами или везет с собою баржи с углем Черемховского бассейна.

— Пора и о лесах ваших подумать, — говорю я.

Но мое замечание присутствующие встречают с некоторым холодком. Это не ново для меня. Очень часто охотничьи деревни с недоверием и опаской смотрят на приближающегося лесоруба: его топор может испортить охоту.

— Ну, лесов-то в других местах побольше. Наши пока можно и не трогать, — вот обычное возражение.

Но это не совсем так. Выше по Енисею, действительно, «лесов побольше», но и леса Подкаменной Тунгуски, где уже есть много перестойного леса, где старый лес губит молодняк, пора поставить на службу советскому государству. Надо однако организовать здесь не выборочную рубку сосны, как вынуждены мы это делать в Ярцевском и других леспромхозах. Пора продвигать на рынок великолепную северную лиственницу, кедр и пихту.

Наш разговор возвращается опять к работе молодого колхоза.

— План наш в этом году выполнен и по пушнине, и по рыбе, — заявляют колхозники. — А к осени и с овощами будем...

Я вкратце рассказываю им содержание доклада профессора Вавилова о проблемах северного земледелия.

«В целом предельной границей вызревания современных самых разных сортов хлебных злаков можно считать широту полярного круга (66°30′ северной широты). Большинство овощных культур, включая картофель, как показал наш и мировой опыт, практически не знает северных пределов» — так заявил профессор в своем докладе.

Это заявление встречается общим одобрением:

— У нас дело развернется! Колхоз — это не единоличник.

Чаепитие закончено. Аэроплан получил нужное количество бензина. Пилот Липп торопит с отлетом. Он хочет ночевать если не в Игарке, то по крайней мере в Туруханске.

— Приедете с Ленского похода, опять заезжайте. Расскажете, как там люди живут...

— Ладно. А вы мне расскажете о вашем колхозе, чтобы было что сообщить в Подкаменной Тунгуске...

★

Самолет снова несет нас сначала над темными водами Тунгуски, а потом над желтоватым Енисеем; резкая черта видна на поверхности в том месте, где они соединяются.

Под нами снова только вода и леса. Начиная с реки Бахты, природа все более принимает северный колорит. Леса становятся мельче, почти не встречается сосны. Лиственница и мелкий березняк становятся преобладающими породами, но и они грудятся около Енисея и его притоков суживающейся полосой. Ржавые пятна болот с чахлой растительностью отвоевывают все больше и больше пространства.

Левый берег дал уже бесчисленное количество озер самой разнообразной формы. Видно, как иногда слетают с них утки и чайки, испуганные шумом нашего мотора.

Погода заметно ухудшается. Аэроплан то и дело пролетает среди низких, сырых облаков. Они скрывают от нас ленту Енисея. Полет становится затруднительным. Однако товарищ Липп настойчиво гонит аэроплан вперед. Он хочет быть обязательно в Туруханске. Это вполне понятно. Неуютно сидеть в холоде и сырости на берегу пустынной реки. Будем лететь, пока редкие просветы дают возможность правильно ориентироваться.

Рыбников задумчиво вертит перед собой лист зарисованной бумаги. Со стороны мне кажется, что он сам в сильном недоумении — где верх и где низ его рисунка.

— Ни за что не поверят, что так это было...

На рисунке — тайга, над ней протянувшаяся вверх дуга радуги, смыкающаяся с нашим аэропланом. Рисунок, действительно, производит впечатление фантастического. Но я подтверждаю, что «так было на самом деле», на тот случай, если москвичи не поверят художнику.

Енисей уже не кажется узкой лентой. Приняв в себя многочисленные притоки с правой и левой стороны, он широко раскинулся в обе стороны, оттеснив дальше таежные и лесо-тундровые пространства. Часто встречаются пески, идущие длинной полосой. Обычно на них стоит несколько чумов племени кето (енисейских остяков). Это рыбаки, выехавшие для летнего и осеннего промысла. С появлением льда они вновь отходят в глубь родной им тайги. Небольшие лодки, разостланные на песках сети, несколько собак около чумов — вот и все их несложное хозяйство.

Нужна большая выносливость, исторически выработавшаяся привычка, чтобы долгими месяцами жить в тесном, дымном чуме среди пронизывающей сырости и холода северной погоды.

Пожалуй, правы те, кто утверждает, что главное богатство Севера — это народы Севера. Они стали теперь жить несравненно лучше в материальном отношении, а главное — почувствовали себя свободными гражданами великой трудовой семьи. Но много еще надо сделать на енисейском Севере, чтобы создать нужные северянину культурно-бытовые условия.

На восток от Енисея виднеются длинные цепи гор. Туда

Чум племени кето (енисейские остяки).

стремится и приречная полоса леса, становясь все гуще по мере приближения к горам. Это берега самого большого притока Енисея — реки Нижней Тунгуски. Самая река, скрытая высокими гористыми берегами, еще не видна. Она откроется около самого Туруханска, под 65°47′22″ северной широты, невдалеке от полярного круга.

Сказочная, но еще малоисследованная река! Длина ее — 3 250 километров. В своем верховьи она отделяется от реки Лены водоразделом всего в тридцать километров. Несмотря на малую разведанность, район Нижней Тунгуски уже сейчас известен как место мощных залежей каменного угля, графита, исландского шпата и огнеупорной глины. Сравнительно удобными водными путями сообщения все эти богатства связаны с Северным морским путем и через него — со всеми портами СССР. Здесь вероятный центр будущей северной промышленности.

Показались луга, покрытые многочисленными копнами сена, низменный мысок, и перед нами открылся Туруханск. Липп добился своего: мы будем ночевать в Туруханске. Самолет круто идет на посадку.

★

Один из центров самой жуткой и беззастенчивой эксплоатации покоренных народов Севера, один из наиболее отдаленных центров ссылки, в том числе и ссылки многих видных революционеров, — таков был дооктябрьский Туруханск.

Для сбора ясака с обитавших в этом районе туземцев в 1607 году было построено зимовье Туруханское.

После пожара исторического города Мангазеи, находившегося в устьи реки Тазы, сюда в 1672 году было переведено все управление Мангазейского воеводства.

Ясак с покоренных народов Севера был троякий: податной — по десять соболей с женатого и холостого, десятинный — каждый десятый зверь всякой породы, и поклонный — в количестве, определяемом «доброй волей и усердием приносителя к особе царской».

К этому надо прибавить произвол собиравших налог царских чиновников и наезды русских торговцев, в прямом и переносном смысле слова грабивших туземное население.

Все это способствовало разорению туземцев и вызывало даже своеобразный протест со стороны московского правительства. В грамоте 1697 года на имя енисейского воеводы писалось: «Многие служилые люди себе и жонам своим делают портища золотые и серебряные, а иные на собольих и лисьих черных мехах. И знатно, что те служилые люди от неправого своего нажитку, кражею нашего великого государя казны или грабежом с иноземцев те богатства свои наживают».

Местное население вымирало или разбегалось.

Как средство для заселения Туруханского края была использована ссылка. По указу 1669 года было повелено: «Ссылать в Сибирь с семьями за одно и два воровства без отсечения рук и ног, уличенных в разбое без убийства — с отрезанием левого уха и отсечением двух пальцев на левой руке».

Туда же посылались «гулящие в Москве и пришлые люди», не имевшие возможности уплатить за это положенный штраф.

В тридцатых годах XIX столетия сюда, в Сибирь, было переведено десять тысяч заключенных из европейских крепостей. После подавления польского восстания в шестидесятых годах население пополнилось тысячами ссыльных поляков.

Здесь отбывали ссылку и некоторые декабристы — князь Шаховской, Бобрищев-Пушкин, поручик Аврамов и др. Разного рода сектанты, не подчинявшиеся господствующей церкви, также оказались в этих местах.

В последнее время перед революцией Туруханск и его окрестности стали ссылкой многих вождей и участников Октябрьской пролетарской революции. Здесь был в ссылке товарищ Свердлов, в станок Курейку, севернее Туруханска, был сослан товарищ Сталин.

Естественно, что хозяйственная жизнь города Туруханска, созданная на такой базе, была не блестяща. Его состояние в 1875 году так описывается в отчете Норденшельда: «Город производит впечатление большой разрушенной деревни, его окрестности наполнены болотами и лужами стоячей воды, в силу чего климат в нем нездоровый. Маленькая церковь и стоящая одиноко покосившаяся башня — единственные здания, которые могут хотя сколько-нибудь претендовать на внимание, все же остальное, за весьма малыми исключениями, ничего более, как развалившиеся избы и мазанки, большей частью необитаемые. Впрочем, в этом несчастном местечке есть почта, лавка, кабаки и пр.» (Норденшельд, «Экспедиция к у. Енисея 1875—1876 гг.»).

Теперь этот город принял другой вид. Октябрьская пролетарская революция вымела царских чиновников, торгашей и попов. Деятельность местного совета, работа кооперации и Союзпушнины, школы и интернаты для туземных детей сильно способствовали культурному росту местного населения. Несколько новых зданий придали городу более парадный вид.

Все же, по существу, это не город. Он производит впечатление несколько большей деревни, чем другие станки на Енисее. Промышленной базы он под собой не имеет. Его заметно забил город Игарка, а в недалеком будущем его будут забивать и новые промышленные центры на Нижней Тунгуске.

Большое оживление придают Туруханску сплавщики, пригнавшие сюда плоты для Игарки. Около плотов напряженно работают несколько небольших пароходов. Енисей здесь широк и штормист. Плоты, проплывшие пороги Тунгуски, порядочно потрепаны. Надо их заново укрепить.

Заведующий лесопристанью товарищ Степанов, вятич, один из первых сплавщиков по Енисею, встречает нас, как старых знакомых.

— У меня и ночуйте. А наши ребята помогут завтра заправить самолет.

Так и делаем. Товарищ Степанов — патриот своего дела. Он верит в леса Сибири и в Игарку как в будущий сибирский Архангельск.

— Теперь все верят в Игарку, а раньше... И сплавлять-де по Енисею нельзя, опасно, и народу не найдем... Мало ли, что говорили. А теперь плывут наши плоты и по Ангаре, и по Енисею, и по Тунгуске. Никто и внимания не обращает.

Рыбников в это время делает набросок Туруханска со стороны Енисея.

— А вы что старье рисуете? Деревня — деревня и есть. Вот бы вам нарисовать наши плоты, как они идут через порог, — это дело...

Солнце в это время в Туруханске уже не заходит. Но, хотя ночи и нет, люди нуждаются в отдыхе. Понемногу городок затихает.

Мы выходим из дома на обезлюдевший берег и уходим по плотам как можно дальше от него, чтобы избежать полчищ комаров и мошек.

Там мы садимся на бревна, глядя на молчаливые старые дома Туруханска и на реку, беззвучно катящую свои волны дальше на север. Вдали виден небольшой табун лошадей, заснувших в самых разнообразных положениях. Часть их дремлет, стоя на ногах, часть лежит, растянувшись на песке. Спят и собаки, закрывши хвостом носы от болезненных комариных укусов.

Странное впечатление производит вид спящего города в свете незаходящего солнца. Вспоминается старая детская сказка о спящей красавице — как заснули все от мала до велика в самых разнообразных позах и спали беспробудно целые годы, пока не явился долгожданный избавитель.

Степанов, покуривая трубку, неспеша сообщает новости начавшейся навигации.

— Сплав наш идет неплохо. Были аварии, но небольшие. Трудно пришлось в этом году только рыбацкому каравану. Больно спешить народ стал, а народ новый — малотолковый.

— А в чем дело?

— Да в том, что пришел к нам караван рыбаков вслед за льдом. Народу там, пожалуй, около тысячи. Пароход, лихтер да промысловых судов немало. Мы им говорим: переждите повыше по реке, еще лед из Тунгуски не весь вышел.

Станем ждать, говорят, этак всю путину пропустим. Пошли дальше. Ну, идите, если вы такие умные. А к вечеру Тунгуска лед дала, да еще какой. Пароход туда-сюда. Не то, брат! Буксир пополам, лопасти винта долой, и готово. Вниз по матушке... Деревянная посуда стала к лихтеру держаться. Да где тут! Кого куда льды разогнали. Надо помощь бы дать. А какая тут помощь, когда льды кругом. Так и понесло к Игарке. Думали, все перетонут...

— Ну, и как же?

— Дали знать на Игарку: ловите, мол, гостей, рыбу больно рано захотели ловить, как бы к рыбам сами не попали. Ну, игарцы мобилизовались. Только толку мало, так и пронесло одно судно за другим мимо Игарки, а одно уже затонуло. Лед подрезал его. На лихтере шкипер, видать, толковый. Во-время, после Игарки, успел бросить якоря. Подбились к берегу, а других дальше понесло. Еще одна посуда затонула. Потом суда стали выбиваться одно за другим к берегу. Не досчитались мы человек десяти. Ну, думаем, все-таки дешево отделались. А потом и эти объявились. Вышли они на берег по льду, пониже, кажется, Дудинки... Люди не пропали, а дело-то сорвалось. Пока чинился пароход да пока собирали свой караван, времени ушло много. Хорошие для лова дни пропустили. На Севере — это не на Волге. Посматривай да послушивай.

— Ну, что же, тут ничем не поможешь. Несчастные случаи везде бывают, и у нас тоже на сплаве... — начинает возражать один из сплавщиков.

— Ты, брат, тоже, видать, из первогодников. Так дело не делают. Хорошо было бы на лесозаготовках, если бы мы тоже к сезону каждый год возили рабочих. Да пока везем их, так горя нахватаешься и время пропустишь. Построили теперь на лесозаготовках деревни, клуб там построили, школу. Чем не жизнь! Куда от такой жизни народ побежит? Вот и весь разговор. План всегда выполняем.

— А рыба-то не на земле живет, а в воде. Как ее зимой возьмешь? — не сдается молодой.

— Построй, брат, ты деревни, где ход рыбы есть, а рыбак ее и зимой найдет. Не найдет, так и на печи полежит, пока новый ход не объявится. Хороший рыбак дело знает. А теперь, посмотри, каких рыбаков возят. Они и весло не знают как взять в руки.

— Зимой там жуть!.. Темная ночь, чистое поле. Не с кем и поговорить!..

— Это другое дело. С непривычки иногда жутко. Только и во льдах рыбакам тоже жутко. Без постоянных поселков на Севере рыбы не взять.

Это, по существу, совершенно правильно. Сезонники—не кадры для Севера. Их завоз дорог, и труд, из-за непривычки к условиям, малопроизводителен. Надо заселить Север, создать нужные условия для жизни. Тогда можно ожидать возврата с Севера затраченных капиталов. Одна техника без людей — не сила...

Енисей здесь уже могучая, широкая река. Он пополнился водой Нижней Тунгуски и Турухана, впадающего в Енисей с левой стороны.

Мертвую тишину прервал шум парохода. Сплавщики начинали свой трудовой день. Помимо обычной работы, сегодня им предстояло проделать и другую работу. Ногинский угольно-графитовый рудник, расположенный на Нижней Тунгуске, переживал весной обычную трудную пору. Нехватало барж для вывоза продукции. Сплавщики предложили использовать свои плоты. Впереди ждал их так называемый Большой порог. Вода прорывается там через горный массив со скоростью 18 километров в час. В 9 километрах от устья находится страшная «корчага» (водоворот). Ее рычание слышно еще издалека. Почти ежегодно несколько человек становятся ее жертвами. Через эти быстрины и водовороты перебросили сплавщики на своих плотах несколько тысяч тонн графита.

— Шахтерам помогали, а когда нужно, они нам помогают,— отвечают сплавщики.— А только за деньги едва ли бы повезли. Страшно на пороге, когда плот вдруг идет под воду. А с графитом он еще тяжелее.

Трехсотсильный «Сплавщик» усиленно работал винтом, выходя на середину реки. За ним вытянулся длинный хвост плотов, посланных на Игарку с верховьев Тунгуски. Индустриализация этой части Севера идет быстрыми шагами.

— И на Курейке этого графита добыли много. Не поймешь только, чей графит лучше: курейцы отстаивают свое, тунгусцы — свое. Весь Союз можно заполнить этим графитом. Только давали бы карандаши скорее. А пока пишем прямо графитом. Обтешешь его, и готово... А вот, кажется, и сам начальник рудника идет, — заметил Степанов.

К нам подходил широкий, плотный человек. Это не начальник рудника, а старший инженер. С ним мы не видались около года.

— Пришел поздороваться с полярниками. На Лену идете?

— На Лену. Будем искать новый графит. Ногинцы говорят, что у вас плохой графит...

— Это наш-то?.. Первый в мире. Углерода больше девяноста процентов. Пусть лучше за своим смотрят... Новый графит нам не страшен.

Мощный графитовый пласт, расположенный на реке Курейке, действительно, прекрасного качества. Не хуже качеством и ногинский графит Нижней Тунгуски. Наша промышленность — металлургическая, электротехническая, химическая и карандашная — имеет здесь неисчерпаемые сырьевые ресурсы.

Начало разработки этого пласта относится к 1862 году. Это сделал энергичный Сидоров, имя которого тесно связано с первыми изысканиями на Севере и с Северным морским путем. Он вывозил графит в Пермь, Златоуст, Петербург (Ленинград), Лондон, Гамбург и Вюрцбург. Преследования, которым подвергались со стороны царского правительства все его начинания, привели его к полному разорению. После него дело переходило в разные руки. С 1912 по 1919 год им занималось товарищество «Туруханский графит». Оно добыло две тысячи пятьсот тонн, из которых часть была вывезена в Гамбург.

В 1922/23 году рудник, переданный губсовнархозу, был законсервирован. С 1925 по 1926 год работы на нем возобновило акционерное общество «Россграфит». Переданный в ведение ВСНХ в 1929 году, рудник был вновь законсервирован. С 1930 по 1932 год работу на нем возобновил Комсеверпуть. Тогда растущая промышленность СССР предъявила на этот графит большой спрос. Теперь рудник опять переходит в руки Наркомтяжпрома.

Естественно, что при таких частых передачах рудник не мог нормально развиваться.

В прошлом графит этот с успехом вывозился за границу. Эта возможность не отпала и теперь.

— Нельзя на Севере часто менять хозяев. Хозяином должна быть та организация, для которой индустриализация Севера является прямой, а не побочной задачей! — таково было общее мнение всех местных постоянных работников.

Выше рудника начинаются великолепные Курейские пороги. В будущем, когда Север дорастет до мощных гидростанций, пороги эти сыграют свою роль в качестве колоссальных источников энергии.

Порог реки Курейки.

Последний порог особенно красив и силен. С шумом падают водопады, образуя огромные воронки и волны. Он непроходим для судов. Его голос, ровный и мощный, слышится на громадном расстоянии. Вода, падающая под большим напором, выбила в твердых камнях углубления. В жаркое лето часть этих камней выходит из-под воды, напоминая своеобразные кресла.

Курейцы гордятся своим порогом:

— В тайге заблудишься, и то всегда выйдешь на его голос.

Дневное время предъявило свои права. Сонное царство окончилось. Снова ожил берег. Аэроплан понес нас дальше на север, к Игарке.

Таежная зона осталась уже позади. Под нами типичная лесотундра и широкий, теперь медленный в течении Енисей. Нет уже пышного ковра из крон разнообразных деревьев тайги. Большую часть пространства занимают коричневые пятна болот, озера с черной водой и низкие кустарники тальника.

Около впадения реки Курейки в Енисей самолет перешел

Лесотундра Игарки до постройки города.

полярный круг. Мы вступили в «переднюю» крайнего Севера.

Игарка показалась сначала только строениями своего совхоза, разместившегося на Самоедском острове, против города. Сама же она еще скрыта глубоко вдающейся в берег изгибистой протокой. Только пройдя через остров, можно увидеть всю панораму Игарки, ее заводы и биржу пиломатериалов.

В 1929 году на этом острове было царство уток, глухарей, куропаток и зайцев. Теперь на этом месте видны раскорчеванные и распаханные поля, парники и теплицы. На луговых пространствах уже сложены стога сена. Оттуда идет на полуденную дойку стадо коров. Хозяйственные постройки и дома вытянулись на возвышенном берегу острова правильной линией.

Через протоку видна вся Игарка.

На улицах — толпы людей, автолесовозы и лошади. Южная часть протоки вся забита прибывшими сверху плотами. На северной ее стороне плоские пловучие пристани ждут морских пароходов.

Самолет садится в протоку и рулит к берегу, к красивому зданию порта.

ИГАРКА

«Игарка соединяет Сибирь с Карским морем. Благодаря Карскому морю Енисей течет на тысячи миль больше того, чем природа намеревалась это сделать. Енисей течет в Балтийское море, до Ленинграда, до Гамбурга, до Антверпена, до Роттердама, до Лондона, до Нью-Йорка.

Игарка обозначает будущность Сибири. Когда мне говорят, что Игарке всего два года, я искренне и глубоко преклоняюсь перед мужчинами и женщинами, которые проявили столько храбрости и гигантской выносливости. Я был бы слепым, если бы не заметил, что Игарка еще неотесана и еще примитивна и что нужны годы сознательного труда, чтобы развить это место до такой степени, как этого желают те, кто первоначально планировал этот город».

Так писал про Игарку 1931 года член английского парламента мистер Маттер, приехавший сюда из Лондона с пароходами Карской экспедиции.

Он правильно оценил роль и экономическое значение Игарки для Восточной Сибири. Но он как турист-иностранец не мог оценить ее политическое значение. Здесь выковались новые кадры северного пролетариата. Здесь было положено начало индустриализации заполярного Севера.

1929 год был переломным годом в работе карских экспедиций. До этого времени в низовья Енисея речные караваны приходили навстречу одиночным морским пароходам. Грузы для них давали райсны, расположенные вдоль линии Сибирской железной дороги. Вековые лесные массивы Севера, его полезные ископаемые оставались мертвым баластом для народного хозяйства нашего Союза. Разного рода звери и птицы оставались главнейшими обитателями этого обширного пространства.

В 1929 году в Игарке был заложен первый дом. Одновре-

Начало строительства на Игарке в 1929 году. Нахаловка.

менно с шумом топора и пилы здесь такие же звуки раздались и во многих северных точках притоков Енисея — на реках Тасеева, Сым, Дубчас, Кас и Нижняя Тунгуска.

В этом же году Игарская протока впервые осуществляла функции морского порта. Сюда пришли морские пароходы, привезшие импортные товары для Сибири и принявшие взамен экспортный груз.

Здесь они почувствовали себя так, как чувствует себя пароход в самой надежной гавани, созданной современной техникой.

Но к Игарскому порту в это время рука человека еще не прикасалась. Его создала сама природа, как бы предусмотрев все требования. Он глубок, свободен от камней и банок, прекрасно защищен от ветров.

Закончились работы Карской экспедиции этого года, ушли морские пароходы, нагруженные экспортным лесом. В воздухе уже летали густые хлопья снега. Север стремительными темпами шел в атаку на юг.

Первый дом на Игарке.

Игарка 1931 года. Улица Сталина.

Речной караван торопливо собирал опустевшие баржи. Туда садились грузчики, рыбаки, плотники, вообще все сезонники всяких квалификаций.

Прощальные гудки пароходов и последние приветствия уезжавших были в этом году особенно сердечны и трогательны. Это и понятно. На совершенно пустынном ранее берегу теперь виднелось несколько свежесрубленных домиков. Там оставались на зимовку двести человек — первое население Игарки.

Ушли пароходы. Дождь сменился мокрым снегом. Болотистая почва стала непроходимой для людей и лошадей. На набережной начали делать сплошной деревянный настил. Потом завыла вьюга, начались сорокаградусные морозы и полярные сумерки. Новые, срубленные из сырого леса, дома были неуютны и плохо держали тепло.

— Встанешь утром, а у тебя волосы к стене примерзли. Стали в шапках спать, — вспоминает о первой зимовке один из старожилов Игарки.

Но ни на один день не останавливались работы. Появился еще ряд домов, заканчивалась монтировка первой на Севере паросиловой станции, а к весне вырос и лесопильный завод № 1.

Зимовали отборные работники. Никто из них не заболел, ни у кого не было прогулов. Избежала зимовка и другой гостьи таких заполярных зимовок — «полярной склоки».

Снова вскрылся Енисей. Весенний подъем воды достиг невиданной ранее высоты — восемнадцати метров. Вода подошла вплотную к новому заводу и сорвала бревнотаску. На заводе продолжали работать, на ходу исправляя повреждение. Новорожденному поселку уже была задана первая экспортная программа — сдать Карской экспедиции две тысячи стандартов пиломатериалов. К 20 июня вновь пришли пароходы из Красноярска. С ними приехали сезонники, но уже в гораздо большем количестве. Под их напором лес отступал от реки. На его месте продолжали расти новые дома и биржа для пиломатериалов.

Скоро появилось и первое высокое здание — пожарная каланча. С нее, через Самоедский остров, были видны и Енисей, и весь город.

Морских пароходов должно было притти вдвое больше, чем в предыдущий год. Должны были притти также и первые плоты из северной части тайги.

Протока в ожидании их начала принимать вид культурного порта. В северной ее части прижались к берегу широкие длинные пристани — причалы для морских пароходов. На берегу появились портовые амбары. В южной части протоки шла подготовка к приему, расстановке и выкатке плотов.

Основная работа кипела на постройке паросиловой станции и на втором лесопильном заводе.

Дело шло туго. Впервые пришлось здесь столкнуться с вечной мерзлотой такой оригинальной структуры.

— Не мерзлота, а слоеный пирог с начинкой из мерзлоты,— в отчаянии говорили инженеры.

— Опереться не на что,— подтверждали техники и десятники.

Вырытый с колоссальными усилиями и опирающийся как будто на твердую породу котлован на другой день оказывался опять заплывшим.

Сплошные цементные «подушки» сковали наконец дно и стены котлована. Опираясь на них, возвышались столбы будущего здания.

Приходили из тайги кочевники из племени кето или эвенки со своими оленями.

— Зачем, начальник, тайгу портил? — с упреком говорили одни.

— Большой базар здесь будет, больно хорошо,— с удовлетворением замечали другие.

Приезжий народ был, что называется, со всячинкой. Наряду с рабочими приехали любители длинных рублей, аферисты и лодыри. Это доставляло всегда много неприятностей. Придет такой человек на работу, и первая мысль у него: чем бы ему сегодня заболеть?

— Товарищ инженер, отпустите к доктору!..

Конечно доктор не дает отпуска здоровому человеку, как бы ему ни угрожали. Но важно то, что таким образом бесполезно растрачивается самое дорогое на Севере — время.

Появились картеж, хулиганство. В сторону этого сброда откололась неустойчивая часть сезонников. Работа срывалась.

— Что с этими хулиганами делать? — огорчались инженеры. — У нас ни милиции, ни суда, ни тюрьмы, вообще ничего, чем можно было бы их напугать.

— Что делать с теми, кто срывает работу, кто дурным примером дезорганизует все производство?

— Выселить немедленно с Игарки, — предлагали одни.

— Куда выселить? В тайгу не прогонишь. Не пароход же для них вызывать.

— Кто не работает, тот не ест. Не давать им пайка! Противопоставить их агитации агитацию и работу партийцев и комсомольцев!

Работа пошла лучше, но неисправимая часть продолжала хулиганить, издеваясь над работниками. Терпение лопнуло.

— Суда и милиции здесь нет. До Красноярска далеко. Слов они не слушают. Поговорим по-другому.

Вечером группа рабочих собрала вожаков-хулиганов.

Хулиганы угрюмо молчали. Видимо, дело дошло до серьезного.

— Завтра тебе выдадут хлеб, уходи из Игарки пешком.

На другой день часть из них стала на работу, а часть ушла в Туруханск. Правда, в первой или второй деревне они украли лодки и вновь спустились на Игарку, но уже с другими настроениями.

Работа пошла вновь по-ударному. На зиму осталось уже две тысячи человек. Карская экспедиция прошла с гораздо лучшими качественными показателями, чем за все предыдущие годы. Игарка выполнила свои экспортные обязательства. Две тысячи стандартов, выпиленных из бревен, присланных северными лесорубами, ушли за границу.

Игарка строилась и одновременно получала ответственные задания на распиловку бревен для экспорта с еще не выстроенных заводов.

Ругались малодушные:

— Никогда в эту проклятую Игарку не поедем.

— Нам таких и не надо, — возражали другие. — Игарка должна себя оправдать. Здесь индустриализация, как на ладони. Ничего не было, а смотри, как бы мы Енисейск скоро не догнали.

— И перегоним. Что в Енисейске? Ни одного завода нет.

Семь тысяч стандартов экспорта — такова была новая программа на 1931 год. Второй завод в это время еще едва поднимался над землей. Установка фундамента в вечной мерзлоте отняла много дорогого времени.

Капитаны заграничных морских пароходов, прибывших на Игарку, удивлялись быстрому росту этого города и энергии рабочих.

«Местные поселенцы, — писал английский капитан в одной лондонской газете, — представляют собою рослых, ши-

Игарка. Заводской центр.

Клуб Игарки.

рокоплечих людей. Одеты они в белые парусиновые брюки и куртку. Они считают себя акционерами всех местных предприятий и всего поселка».

Так оригинально было разъяснено капитаном строительство в рабоче-крестьянском государстве, при диктатуре пролетариата.

На следующий год зимовать осталось уже двенадцать тысяч человек. Туруханск, которому в административном отношении в то время была подчинена Игарка, остался далеко позади.

— Чего мы поедем к туруханцам на совещание? Нас больше, пусть к нам едут, — говорили игарцы.

И туруханцы приехали. Центр заметно перемещался в эту сторону. Постановлением правительства новый поселок был назван городом с самостоятельным районом. Зависимость от Туруханска отпала.

В напряженной работе пролетела зима. Оказались преодолимыми темные ночи, снежные бураны и морозы. Завод № 2, один из лучших в Союзе, построенный инженером Ильиным, должен был весной вступить в эксплоатацию. Ждали с нетерпением первого каравана из Красноярска, который должен был привезти дополнительные строймате-

риалы. Особенно велика была нужда в гвоздях, железе и строительной пакле.

Но силы природы иногда временно торжествуют над усилиями и планами человека. Баржа разбилась на Казачинском пороге. Груз уцелел, но мог притти только в середине лета, т. е. тогда, когда завод должен был уже работать. Экспортная программа срывалась. Положение становилось угрожающим.

— Весь остаток гвоздей и железа — на завод! Послать мальчишек искать растерянные гвозди на постройках! — последовало распоряжение.

Ребята взялись за дело очень ретиво. Сначала они перерывали щепу и мусор около строек, отыскивая там завалившиеся гвозди. Потом начали ходить по домам.

— Дяденька, у тебя в комнате лишний гвоздь есть?

— Какой гвоздь?

— А вон штаны висят на гвозде. Ты можешь и деревянный сделать.

Из-за недостачи материалов завод все-таки опоздал на несколько недель. Только самая напряженная работа могла спасти экспортную программу. В это время получились до-

полнительные наряды «Экспортлеса» для игарских заводов, которые должны были покрыть прорыв красноярских заводов.

— Игарцы должны стоять на страже Карской экспедиции. Покроем прорыв красноярцев, — решили игарцы.

Инженер Ильин, сам энергично работавший на заводах днем и ночью, удивлялся подъему настроения:

— Совсем особый народ. Выдержит ли только кишка до конца!..

«Кишка» выдержала. Семь тысяч девятьсот шестьдесят два стандарта пиломатериалов завод выпилил и сдал Карской экспедиции 1931 года, перевыполнив свой план и покрыв прорыв красноярских заводов.

Молодой северный пролетариат с честью выдержал свое боевое испытание.

Зимой же, когда лес был продан за границей, выяснилось, что по своему качеству карский лес занял первое место в Союзе.

Это было результатом коллективной работы лесорубов, врубившихся в девственные дебри тайги, сплавщиков, пригнавших бревна через пороги Ангары и Енисея, игарских лесопильщиков и грузчиков Карской экспедиции. Эти люди были участниками великого социалистического строительства, пионерами индустриализации енисейского Севера.

Летом тайга переживает праздничное время. Зеленеют лиственницы и березы. Всюду видны самые разнообразные цветы. Жара доходит до 30°. На пышном моховом покрове — густые кусты брусники, черники и других ягодных растений.

Но это время быстро пролетает. В конце августа или начале сентября начинаются первые заморозки. Деревья надевают осеннюю одежду. На корню засыхает трава. Наступает короткая осень с дождями и туманами. Это самое безотрадное время на Севере. На смену осени идет суровая длительная зима. В отдаленных местах ее приближение всегда сопровождается некоторой нервностью.

«Не охватит ли жуткая тоска в этой безотрадной местности, не одолеет ли цынга, не собьет ли с дороги снежная поземка или туман?..»

Такого настроения уже не могло быть в то время в Игарке. Это был вполне оформившийся заполярный город. Школы, клуб на тысячу человек, поликлиника, совпартшкола, магазины Горта, кооперации — все это обеспечивало

1 Мая 1933 года в Игарке.

уже нормальные условия быта. Нужно было только скорее покончить с жилищной теснотой, обусловленной быстрым ростом населения.

Кончилась Карская. Морские пароходы ушли в разные заграничные порты, речные суда потянулись в Красноярск.

Новые лесозаводы получили задание приготовить на экспорт будущего года семнадцать тысяч стандартов. Строился третий завод.

— Карское море еще не освоено, вы погубите все достижения Северного морского пути, — твердили скептики.

— Через Карское море можно провести не одну сотню пароходов,— возражали работники Севера.

В Москве собралась конференция по разбору плана будущей Карской экспедиции.

Борьба за Игарку была одновременно борьбой и за Северный морской путь.

Игарка будет сибирским Архангельском. Такую же Игарку надо создать и в низовьях Оби. Карское море и вливающиеся в него реки являются нормальными водными путями севера Сибири и Урала — таков смысл постановления этой конференции.

На Игарке в это время пошли перебои. Три лесозавода потребовали новых партий рабочих. Их дала сибирская деревня, их дали и города. Но это был уже не тот пролетариат, присутствие которого наложило отпечаток на всю работу Игарки в первые два года ее жизни.

Программа заводов срывалась, к весне задание было выполнено только на сорок процентов.

В плане работ 1932 года стояли обследование и освоение Нижней Тунгуски. В районе реки шли большие лесозаготовки; были найдены каменный уголь и графит. В районе Киренска нащупали хорошую слюду. Во всех этих местах производилась промышленная разведка, соединенная с разработкой. Надо было осмотреть эти работы для составления планов заселения.

Прорыв на Игарке заставил отложить эту поездку до осени. Самолет, уже долетевший до Иркутска, свернул на Ангару и затем на Енисей к северному городу.

Весело тогда жила разросшаяся Игарка. По улицам ходили толпы народа с гармониками и балалайками, в клубе докладывалось «о международном положении», а на заводах ежедневно отмечалось недовыполнение плана распиловки. Где причина срыва?

— Бревна не те подают на распиловку. Пристань и виновата в прорыве,— говорили лесозаводы.

— Ваша работа виновата, а не мы. Что ни распил, то технический брак, — возражала лесная пристань.

— Вообще не тот рабочий пошел, что раньше. Деревенщина и городская гультепа, — приходили к соглашению руководители обоих этих участков.

Надо было переломить настроение безнадежности у руководителей, создать действительное соцсоревнование и ударничество, устранить ряд технических недостатков, а главное — показать каждому заводу картину его работы и давать этой работе ежедневную оценку.

«Игарцы никогда не давали прорыва, — писала игарская газета «На северной стройке», — они заняли первое место в Союзе по качеству своего леса. В этом году Игарка может потерять все результаты своих предыдущих достижений».

Анализ причин прорыва на заводах, выработка нового плана работ и передача его на заводские собрания отняли не много времени.

«Красноярцы в этом году будут помогать игарским заводам», писал представитель «Экспортлеса».

— Никакой помощи не понадобится! — отвечали игарцы.

Заводы добились высших в лесопильном деле показателей. Начала сдавать сплавная пристань. Ударники взяли ее «на буксир». К приходу карских пароходов весь экспортный план был выполнен.

Пароходы пришли в этом году в количестве большем, чем пропустило их Карское море за все предыдущее десятилетие. Среди них были уже пароходы в 5—6 тысяч тонн вместо обычных прежде 2,5—3 тысяч тонн.

Игарский порт развивал лихорадочную деятельность. Днем и ночью слышались пароходные гудки, шум моторов, грохот лебедок. Ночью издалека было видно на небе отражение многочисленных электрических огней Игарки. Здесь бился пульс большого заводского города.

Все это было особенно эффектно после длительной поездки по молчаливому пустынному Енисею. Тунгус был прав: здесь стал «большой базар».

В 1932 году зима рано вступила в свои права. Мороз сковал грязь лесотундры и дал ледяные забереги на воде Енисея. С тревожным криком днем и ночью проносились над Игаркой стаи гусей и уток. Они спешно отступали перед зимой. Загорелось на небе полярное сияние. Наступил октябрь. Около морских пристаней в это время еще стояли в интенсивной погрузке пять больших пароходов. Так долго они никогда не задерживались.

С моря шли тревожные радиограммы:

— Бухта Диксон замерзает, в море идет ледообразование. Торопитесь!..

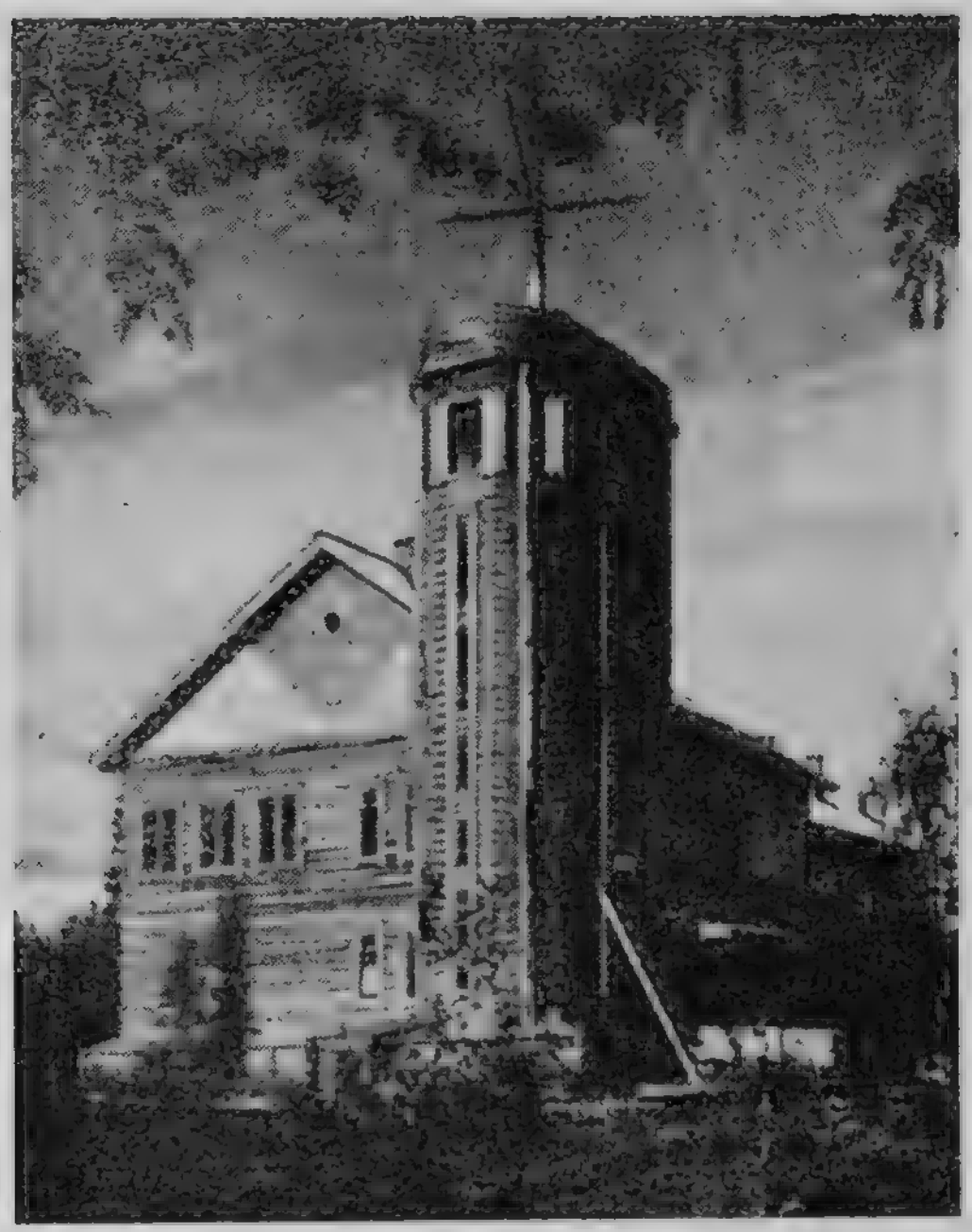
Люди устали. Брезентовые куртки не защищали от холода. Производительность труда падала. Среди сезонников расползлось тревожное настроение:

— Замерзнем в пути, тогда погибать... Надо требовать отправки в Красноярск.

— Какая-то заколдованная баржа. Нисколько не поддается выгрузке. Грузчики окончательно сдали, — рапортовал капитан, заведующий погрузочными работами.

— В Карском море можно плавать весь октябрь. Прежние сроки нас не устраивают. Льды Енисейского залива пробьет «Малыгин», — был ответ.

Но грузчиков и всех сезонных рабочих надо было отпустить как можно скорее. Было бы действительно трагедией, если бы речной караван с тремя тысячами человек замерз



Игарка 1932 года.
Управление порта.

Игарка 1933 года. Горсовет.

где-либо на плесе Енисея, среди глухих лесов, без топлива и продовольствия.

«Сегодня объявляется по всему городу Игарке «день помощи Карской»,— извещали экстренно выпущенные листовки. — Всем собираться около лесозаводов».

Наступила тяжелая, темная ночь. Сухой, острый снег, поднятый сильным ветром, слепил глаза людям и лошадям. Руки распухали от холода. Но с каким-то злобным упорством все стояли на своих местах. Как по конвейеру, шли доски от биржевых штабелей к пароходам.

К утру 6 октября все было закончено. В тот же день ушли из Игарки речные и морские пароходы. Шли, ломая молодой лед, с обмерзшими мачтами и корпусами. Речные пароходы торопились на юг, где еще стояла теплая погода, навстречу же морским пароходам, через льды Енисейского залива, шел ледокольный пароход «Малыгин».

Игарка активно боролась за Северный морской путь и одержала победу. На сорок процентов сократились валютные расходы по фрахтовке морских пароходов. С этого года умолкли скептики. Карские экспедиции, овеянные раньше ореолом полярной экзотики, сменились нормальными «карскими рейсами».

Игарка выработала план будущей своей работы. Ее экспорт пиломатериалов определялся этим планом уже в двадцать три тысячи стандартов. В строй готовилась вступить новая фабрика по размолу курейского графита. Усиленно работал кирпичный завод. Население приближалось к пятнадцати тысячам.

Игарка выросла не случайно. Она создана как морской порт полярного Карского моря. Ее заводы должны были дать нагрузку этому пути. Только через море она могла наиболее выгодным способом приобщиться к хозяйственной системе всего нашего Союза, к внутреннему и внешним рынкам.

★

Игарка стояла и теперь все еще «неотесанной», но уже во многом изменился ее вид. Красивое двухэтажное здание порта с высокой наблюдательной башней возвышалось на месте маленькой избушки. Дальше от него среди леса виднелся ряд других двухэтажных домов.

К берегу прижалась небольшая пристань, около которой сновали многочисленные катера. Тут же находились портовые пароходы — «Промышленник» и «Эвенки».

На пристани нас встретил старый моряк, капитан порта товарищ Усков.

— Давно вас поджидаем. А «Партизан Щетинкин» уже около Подкаменной Тунгуски. О Карской беспокоиться нечего. Проведем, как надо...

Уславливаемся посвятить первый день осмотру Игарки и совхоза, а назавтра собрать отчетное заседание по Карской.

День солнечный, но холодный. Это небывалое явление для Игарки в такой период. Рыбацкий караван, ушедший в низовья Енисея, дошел только до бухты Широкой. Дальше тяжелые льды оказались совершенно непроходимыми. Северный ветер принес с собой холод.

— Ранняя зима будет, — предсказывали охотники. — Даже птица в этом году не гнездилась в тундре. Уже собирается к отлету...

Игарка росла. Строители позаботились придать новым зданиям некоторое художественное оформление. Наиболее красиво оформлены дома городского совета, лесокомбината и порта. Неплохо выглядят и другие дома.

На площади, против здания горсовета, разбит стадион. Молодежь играет там в футбол, волейбол и другие игры.

Дальше идет базарная площадь. На базаре пока только две-три лавки. Они торгуют главным образом ширпотребом местного изготовления: неприхотливой мебелью, глиняной посудой, деревянными кадками, ложками и пр. Есть и меховые изделия, в том числе шубы из собачьего меха.

— Сколько стоит?

— Четыреста рублей лучшая. Цена кооперативная.

— Ладно, пригодится для Ленского похода.

Обошли заводы, работавшие привычными напряженными темпами. На бирже уже лежала большая часть запланированного экспорта пиломатериалов. Там же были сложены так называемые «намет ельники», ящичная и паркетная клепка. Игарка осваивала, и довольно удачно, новые виды экспорта, утилизируя отходы лесопиления.

Строгальный цех одного из заводов, ранее перегруженный работой, стоял законсервированным.

— Почему он стоит?

— А что ему делать? Мы вообще думаем в этом году вывезти его из Игарки.

Это новая песня. Новый хозяин — «Севполярлес» — не понял основного направления заводов в Игарке. Директива

Игарка. Типовой дом (1932—1933 годы).

партии и правительства о приближении заводов к месту сырья должна быть выполнена последовательно и до конца. Нельзя рассматривать Север только как кладовую сырья. Из этих отдаленных мест, где капитал оборачивается очень медленно, надо дать на рынок по крайней мере полуфабрикат, если дать фабрикат действительно представляется невозможным.

Огромная биржа пиломатериалов внутреннего рынка также стояла необработанной, несмотря на наличие станков для выделки мебели, дверей и окон.

Теперь этот лес в необделанном виде хотят посылать в Красноярск рекой.

Игарка — морской город. Только ориентируясь на море, она будет рентабельной.

— Но у нас нет пароходов, — отвечают наркомлесцы.

В Игарке выросло много новых домов, но теснота еще большая. Частично сохраняются бараки, которые строились только в расчете на первый прием поселенцев. Отпущенные на дальнейшее строительство кредиты позволяют надеяться, что недостаток жилплощади скоро будет ликвидирован.

Горсовет приступил к частичному озеленению улиц. Но для приведения Игарки в полный порядок еще понадобится большая работа.

Вечером на моторной лодке мы выехали из Игарской протоки на Енисей для осмотра совхоза.

★

Напротив Игарки находится большой остров, густо заросший лиственницей и тальником. Значительная площадь его занята тундровыми озерами.

Топор расчистил нужную для посевов площадь. На возвышенной части острова вытянулся длинный ряд жилых домов и хозяйственных построек. Мягкий моховой покров лесотундры, снятый теперь со значительных пространств, был использован на хозяйственные нужды совхоза. Лишенная этого изоляционного материала земля под лучами солнца несколько протаяла. Тракторный плуг провел первые борозды.

В первый год посеяли небольшое количество корнеплодов. Результаты были неудачны. Семена, видимо, чувствовали себя в этой земле, как в холодном погребе. Только к концу лета показались небольшие ростки.

На второй год, на удобренной навозом земле, корнеплоды выросли неплохо. Более нежные растения — помидоры, огурцы, цветная капуста, — посаженные в парниках, дали прекрасные всходы.

Скот почувствовал себя, как в обычных условиях. Росшая среди тальника и по приозерным долинам в большом количестве высокая трава давала ему достаточно корма.

Сибирская корова малопродуктивна. Для получения новой породы в совхоз были присланы три холмогорских быка и три телки. От них пошел прекрасный молодняк.

Теперь совхозу уже четвертый год. Там ведет работу станция Всесоюзного института растениеводства. Руководит ею опытный агроном Севера — Мария Митрофановна Хренникова.

Вспоминается 1929 год, когда пришли сюда, на эту мерзлую землю, первые люди. Они явились, чтобы осмотреть место для закладки совхоза. Утки, глухари, белые куропатки и зайцы густо населяли тогда остров.

Теперь это счастливое для охоты время уже миновало. На далеком пространстве раскинулось распаханное зеленое поле. Стадо коров пасется среди кустарника.

Мы разыскиваем в поле Марию Митрофановну. Она и ее помощница одеты не так, как обычно одеваются на летних полевых работах, а совсем по-осеннему.

Начинаем с осмотра скота.

Часть стада коров и рабочие лошади уже вернулись на ночевку. Коровы маленькие, невзрачные — типичные сибирячки.

— А вот и наше новое поколение, — говорит заведующий двором, указывая на молодняк, загнанный в отдельное помещение. — Это помесь холмогорок с сибирками. От них надо получить высокий удой холмогорок и выносливость сибирки.

Телята высокого качества. Мастью они большей частью пошли в холмогорок. Они неспеша, но охотно подходят к протянутой руке. Видны хороший уход и хорошее обращение.

В других отделениях — холмогорские и сибирские быки. Это рослые и красивые животные.

— Сибирского быка в поле не пускаем, бросается на людей, — предупреждают провожающие.

Действительно, это какое-то озверелое существо. В то время как холмогорские быки стоят спокойно, протягивая морды в ожидании подачки, сибиряк свирепо трясет рогами и угрожающе мычит.

В свинарнике светло и чисто. Огромный боров Васька спит, растянувшись на полу своей клетки. Десятки маленьких юрких поросят, недавно отнятых от матерей, резвятся в просторном помещении.

Скотный двор производит хорошее впечатление. Одно плохо: часть стада давно пора выбраковать. Молодняк еще не поспел. Стадо в таком состоянии не может удовлетворить самые основные потребности Игарки и, в силу малой удойности сибирской породы, дает убытки.

Я сообщаю работникам совхоза приятную новость: для них уже погружено сорок коров-ярославок.

Переходим к посевам.

На опытном поле одним растениям даны наилучшие условия произрастания, другим — обычные северные. Растения одного вида представлены разными сортами. Прекрасно пошел картофель «снежинка» и «эпикур», хуже — другие сорта. Неплохо выглядят и прочие корнеплоды. Капуста определенно чувствует себя хорошо.

Но положительные результаты достигаются только при навозном удобрении. Одно минеральное удобрение еще не дает эффекта.

— Нужна реконструкция почвы, — поясняет Мария Митрофановна.

Та же картина и на полях совхоза. Капуста выглядит хорошо, картофель одних пород чувствует себя неплохо, других — похуже, особенно в этот год, год пониженных температур и северных ветров. Но зелень здоровая и сильная только в тех местах, где было внесено навозное удобрение.

Вывод напрашивается сам собой. При хорошей селекции семян и при навозном удобрении огородные культуры будут расти на широте Игарки. Огородничество нельзя вести изолированно от скотоводства.

Осматриваем парники и теплицы. Овощи, прикрытые от холода стеклом и через него получающие свет незаходящего солнца, растут очень буйно. Широко раскинулись стебли огурцов. Зелень помидоров расцвечена многочисленными зелеными, желтыми и красными плодами. Дальше видны плотные кочны цветной капусты и даже горшки с цветами.

— С конца марта ежедневно снабжаем свежими овощами больницы и детские учреждения. Остаток идет в Горт и кооперацию. А вот вырастили мы, по распоряжению доктора, шпинат, как противоцынготное средство, да так и оставили. Никто не хочет его есть. Не знали игарцы этого растения на прежнем месте жительства, не хотят его знать и здесь, хотя его витаминозность не внушает никаких сомнений. Не хотят они использовать и ревень, растущий здесь во множестве в диком состоянии.

По хорошо накатанной дороге, проложенной через леса и болота, мы вернулись в город.

Художник Рыбников за это время осмотрел порт и город Игарку со своей точки зрения. Он рассказывает об игре тонов воды при изменении освещения, о глубокой прозрачности воздуха, об оригинальном колорите Севера.

— Только, пожалуйста, не злоупотребляйте синими и голубыми красками, — прошу я. — Прошлогодняя полярная выставка в Москве показывала виды не то волжские, не то крымские, но никак не северные.

— Ну, вот! Посмотрели бы вы на воду, когда светит солнце. Она не только синяя, она темносиняя.

Север — это страна блеклых тонов. Здесь природа ярко горит только в редкие дни. Серые свинцовые воды Ледовитого океана гармонируют с серо-коричневым фоном тундры. Это создает иллюзию безбрежности пространства. Чистый, прозрачный воздух дает расширенные горизонты видимости. В солнечные дни вода, горы, тундра и леса Севера создают красивое сочетание ярких тонов. Но это только редкая улыбка Севера, а не настоящее его лицо.

Игарка не спит в летний период времени. Надо использовать каждый час короткой навигации. Надо так подготовить заводы, порт и биржу, чтобы за полтора месяца погрузочных работ все пароходы успели взять всю годовую продукцию заводов.

Большое пространство отвоевала биржа у лесотундры. Под грудой опилок и рейки исчезли болота. Высокие столбы поддерживают штабеля леса, не давая ему засинеть от сырости.

Приятный смолистый запах сохнущих досок. Последняя переборка штабелей в полном ходу.

По крепкому деревянному настилу быстро бегут автолесовозы, захватив с собой большую кладку леса. Однако они еще не справляются с перевозкой. Сотни лошадей выполняют ту же работу.

— Сидела бы ты в своей деревне, Марья! Коров-то легче доить,—смеются грузчики, увидав на штабеле крепкую девушку, занятую перекладкой тяжелых лиственничных бревен.

— Шел бы ты лучше коров доить в совхоз. Там агроном доярок ищет. А нам и здесь неплохо,— парирует сибирячка.—Здесь мы теперь командуем.

На протоке — длинный помост пристаней, готовых принять морские пароходы.

После некоторых доделок на заводах и в порту можно не сомневаться в правильном проведении всей операции. Единственное опасение вызывает ледовое состояние Карского моря и Енисейского залива. Не исключена возможность задержки во льдах проливов первой группы морских пароходов. Тогда вторая группа нагонит ее, и обе сразу явятся в порт.

Горсовет выделил из своей среды «штаб содействия экспорту». Первая задача штаба — сплотить все распыленные участки предстоящей работы и наметить резервы на случай ломки графика прихода морских пароходов. Все предприя-

Лесная биржа Игарки.

тия Игарки обязуются выслать в случае нужды на постройку бригады рабочих под командой бригадиров.

— Но если этого будет мало?

— Позовем на помощь туруханские деревни. Они в прошлом году нам хорошо помогали.

Наступило 1 августа. «Партизан Щетинкин» пришел своевременно. Он нуждался в трехдневной стоянке, чтобы закончить кое-какой ремонт и погрузить необходимые продукты.

На «Партизане» ехал московский врач Мейер. Его заинтересовали северные болезни и вообще вопрос о влиянии крайнего Севера на организм человека.

Поликлиника города могла дать ему богатый материал. В этом году цынга собрала большой урожай в тундре. Болезнь охватила главным образом пришлое население, но не избежали ее и некоторые люди из северных племен.

Общее мнение, что цынга — болезнь вполне преодолимая. Для ее предупреждения нужно создать такую культурно-бытовую обстановку, при которой меньше чувствовалось бы влияние диких условий Севера. Однако этот вопрос требует усиленного изучения со стороны научных работников

Силовая станция Игарки.

Наркомздрава. Важно не только количество принимаемой пищи, но и ее качество, ассортимент.

С моря получена радиограмма, что ледокол «Ленин», найдя пролив Югорский Шар забитым льдом, отошел к Маточкину Шару. Туда же вызвали и авиаразведку.

Конечно Карской экспедиции это нисколько не угрожает. Ледокол и авиация всегда проложат судам дорогу, но на проводку их уйдет несколько лишних дней, и погрузку в Игарке придется форсировать еще значительнее.

Ветер попрежнему с норда. От «Пятилетки» нет никаких известий. Связь Игарки с островом Диксон недопустимо слаба.

— «Партизан» готов выходить, — сообщил 3 августа начальник северных портов Измайлов.

— Тем лучше. Немедленно надо выходить. «Сибиряков» уже подходит к острову Диксон и там будет ждать угля.

Через час «Партизан Щетинкин» дал прощальные гудки. Его тепло и сердечно провожала большая толпа народа.

«Партизан» уходил из протоки, гулко прощаясь с встречными пароходами.

— Вам с ним прощаться не приходится. Скоро увидитесь,— замечает кто-то из группы.

— Наверное...

Но с утра густой туман окутал всю долину Енисея. Лететь «слепым» полетом не было никакого смысла. Только к вечеру погода немного прояснилась. Все сели в самолет.

— Контакт!

— Есть контакт!

Прощай, Игарка, до следующего свидания!

К ОСТРОВУ ДИКСОН

Широкий мутный Енисей неспокоен. Сверху виднеются белые гребни его крупных волн. На фоне серого северного неба еще более печальной и неуютной кажется тундра. Многочисленные тундровые озера в этом году даже не освободились ото льда. На них образовались лишь небольшие прибрежные полыньи. Вдали смутно выступают хребты Норильских гор.

«Вот теперь видно настоящее лицо Севера, — пишет мне записку Рыбников. — Дальше оно будет еще характернее».

Под нами — село Дудинка, центр Таймырского национального округа. Для нас это небольшая деревушка, перевалочный пункт продуктов тундры на реку Енисей. Для местных долган, юраков — это крупнейший центр.

Аэроплан быстро идет все дальше и дальше на север. После Дудинки и поселка при Усть-Портовском консервном заводе уже нет более или менее крупных населенных мест. Изредка встречаются лишь одинокие избушки промысловиков-охотников и рыбаков.

Мы то и дело проходили мимо летящих стай лебедей, гусей, уток. Сначала птицы усиленно работают крыльями, стараясь сохранить свой, веками установившийся, порядок полета. Но мы быстро их нагоняем, и птицы в панике разлетаются в разные стороны.

Внизу виднеется стая белух. Они большим табуном гонятся за косяком рыбы. Нуждаясь в постоянном обмене воздуха, белухи одна за другой показываются на поверхности воды. Молодняк имеет серую окраску; с высоты самолета он совершенно не заметен.

Скоро показались и льды в том месте, где в это время года их давно уже не видали. Около бухты Широкой они покрывали весь простор Енисея.

Проход для речных пароходов дальше был закрыт. Здесь сбились в одно целое суда рыбацкого каравана, суда экспедиции на реку Пясину и отдельные промысловые шхуны и боты. Головным стоял красивый, мощный теплоход «Красноярский рабочий». Его сестру, «Первую пятилетку», поведет на Лену наша экспедиция.

Самолет делает над ними, в знак приветствия, несколько кругов. Поднимающийся около труб белый пар показывает, что суда отвечают нам свистками. Мы их не слышим.

На берегу бухты — промысловые дома. Около них видны растянутые по берегу длинные невода, несколько вытащенных на песок лодок, — типичная северная картина.

В этом году рыбакам не повезло. Густой лед сделал недоступными косяки рыбы и охотящиеся за ними стада белух.

Показался остров Вернс, легко различимый по построенному на нем характерному морскому знаку. Это четырехугольная ажурная пирамида с двумя горизонтальными и одним вертикальным щитом на вершине.

От острова Диксон нас отделяют лишь несколько минут полета. Внизу — попрежнему сплошные льды.

Скоро показываются мачты радиостанции, а потом и весь остров-порт. Он несколько возвышенный, каменистый, с неглубокими ложбинами. Здесь не один остров, а целая группа их. Берега изрезаны небольшими бухтами.

Около берега стоит посеревший от непогод дом радиостанции. Рядом видны совсем маленькие белые точки. Это — собачьи конуры. Дальше в сторону—склад, несколько выше, на горе, — новый дом, общежитие.

Самолет летит в направлении небольшой западной бухты, где обычно происходит посадка. На этот раз здесь все забито льдом. Сделав еще несколько кругов, мы идем на посадку к одному отдаленному острову, где маленькая бухта осталась еще чистой от льдов.

Поплавок самолета ударился о прибрежную гальку. Воздушное путешествие кончено. Мы на отправной точке, соединяющей все полярные экспедиции Карского моря.

В бухте много плавника. Здесь и свежие бревна Игарки, и громадные стволы леса, подмытого и вынесенного весенней водой Енисея, и отдельные разбитые куски дерева.

Весело загорелся огонь. Чайник поставлен. Расположились «по-домашнему». Теперь остается только ждать, когда подойдет к нам лодка с Диксона.

Село Дудинка, центр Таймырского национального округа (ниже Игарки 300—350 километров).

Мимо нас проплыли две белухи. Одна — белая, как снег, другая — совершенно серая. Тяжело отдуваясь, они поднялись на поверхность воды, чтобы через несколько минут опять скрыться.

— А промысловики-то наши застряли. Уйдет белуха к их приходу, — посочувствовали мы рыбакам, сидящим в бухте Широкой.

Через три часа пришла за нами лодка, и мы переселились на радиостанцию.

★

В 1875 году здесь остановился корабль знаменитого полярного исследователя А. Норденшельда «Превен» («Попытка»). Это был период исканий пути через Карское море в устья Оби и Енисея.

Приподнятые каменистые острова образовали в этом месте защищенное от штормов пространство. Природа сама подготовила удобный порт для судов Северного морского пути.

Проливы Лена, Вега и Превен соединяют этот порт с Карским морем и Енисейским заливом.

Промысловые избушки в Енисейском заливе.

Низовье реки Енисея.

Порт Диксон в 1933 году.

Норденшельд писал в своем отчете: «Эта голая теперь пустыня в короткое время превратится в сборное место для множества кораблей, которые будут способствовать сношениям не только между Европой и Обской и Енисейской системами, но и между Европой и Северным Китаем».

С тех пор прошло больше полстолетия. Диксон стал обитаемым островом. Но только в этом году его порт будет впервые действительно «сборным местом множества кораблей».

Наша лодка подошла к берегу. Яростный лай несся нам навстречу. С горы неторопливо приближалась группа людей. Вместе с зимовщиками там был и летный состав самолета № 2, старые друзья по полярным путешествиям — Алексеев, Побежимов и Жуков.

— Мы пленники Диксона,— заявляют они.— Льдом занесло самолет. Базы горючего тоже отрезаны. Ждем у моря погоды.

— Сидите, сидите, мы гостям рады, кормить, поить будем,— успокаивают, смеясь, зимовщики.

Ничего другого не остается, как ждать. На Севере нужна не только смелость, но и выдержка.

Ездовая собака
Диксона Шторм.

Ездовая собака Диксона Белка.

Куча давно ожидаемых радиограмм появляется на столе. Дело складывается далеко не в нашу пользу.

«Пятилетка» сообщает: «Исключительное мелководье, частые посадки на мель задерживают движение. Принимаю все меры к скорейшему продвижению».

Пароход «А. Микоян», работающий в Обской губе, говорит о своей встрече со льдами в этом районе и указывает, что «льды ветром относятся к югу». Это неприятно. Дующий с неустанной энергией северный ветер тянет за собой льды, которые будут заполнять все пространство к югу, пока не встретится более сильное препятствие для их движения в виде встречных течений или мелей.

В Архангельске из рук вон плохо идет погрузка. «Красин» стоит в Мурманске, берет уголь.

Полны нетерпения радиограммы от каравана, остановленного льдами в бухте Широкой:

«Радируйте возможность... Готовы к походу... Время уходит».

«Ждите... Проход невозможен».

В прошлом году в это время здесь кое-кто даже купался. А теперь... Гавань острова Диксон почти сплошь покрыта движущимися льдами, количество которых все увеличивается.

Собаки взобрались на крыши своих будок. Часть из них спит, закрыв пушистыми хвостами носы, часть сидит, наблюдая ледяное пространство. Совсем невдалеке появляется нерпа. Она лежит на льдине, подняв круглую голову. Завыли, зарычали собаки, нетерпеливо натягивая цепи. В их глазах неутолимое желание сейчас же бежать, разорвать зверя. Нерпа быстро скрывается между льдинами. Снова тишина.

Среди собак много старых моих знакомых. Вот — Лоцман, Шторм, Стрела. Замечательно окреп Север и другие, еще в прошлом году бывшие веселыми, беззаботными щенками. Их здесь около тридцати.

На Диксоне удивительно хорошо подобранные собаки. Здесь сохранилась старая кровь лучших енисейских упряжек. Они рослы, выносливы, красивы. Густая шерсть, крепкие лапы гарантируют пригодность этих животных для далеких путешествий. Злых среди них очень мало. Северная собака полна уважения к человеку, она как бы усвоила северный закон гостеприимства. Но это только в отношении

человека. Между собой они грызутся насмерть из-за каждого пустяка. Не менее свирепо идут они и на зверя.

Мало осталось такой породы на Севере. Новые промышленники и вообще новые пришельцы Севера стали завозить сюда со всех концов всякий собачий сброд. Большинство таких собак погибает, но оставляет потомство, либо скрещенное с полярной собакой, либо более акклиматизировавшееся. Эти ублюдки уже не имеют нужных качеств.

Порода идет к упадку. Пора подумать о питомнике. Собака еще долго будет здесь нужна в изыскательских работах, не менее, чем вездеход или аэроплан. Для охоты же зимой она незаменима. Собака на Севере — это то же, что лошадь в хозяйстве колхоза или совхоза. За хорошую собаку наши полярные станции платят теперь пятьсот-семьсот рублей.

В доме радиостанции мало народу. Все готовятся к передаче работы новым зимовщикам. Мы отправляемся дальше, в глубь острова. Спущенная с цепи Стрела весело бежит впереди по каменистой почве. За ней увязались ее многочисленные щенки.

Невдалеке от станции — полярные могилы. Вот могила промышленника, умершего здесь в 1930 году. Груда камней едва прикрывает гроб. Сверху воткнуто сломанное весло. Вот другая, уже безвестная могила. Когда-то на ней стояла мемориальная доска. Но ветер сорвал ее, осталась только тонкая деревянная штанга.

Вдали, на другом острове, могила Тессема, спутника Амундсена в его путешествии на «Мод» в 1918 году. Выйдя со своим товарищем Кнудсен на острове Диксон от бухты Мод около мыса Челюскина, Тессем не дошел до своей цели только нескольких километров. Еще раньше его погиб Кнудсен. Остатки его сожженного тела нашел Бегичев в тундре, а позднее он разыскал и тело Тессема.

Рыбников садится рисовать этот печальный пейзаж.

Что влечет человека на Север? Раньше одни бежали сюда от гнета правительственных чиновников, от общей тяжелой доли русского человека. Другие искали здесь легкой добычи, промышляя зверя и грабя туземцев. Еще и теперь изредка попадаются остатки их «избищ», рассеянных по всему побережью тундры.

Любовь к исследованию неисследованного, к пониманию еще непонятого, возможность широкого исследования научных проблем и охвата большими хозяйственными рабо-

тами этого нетронутого пространства — вот что притягивает теперь их на Север.

В условиях оторванности и неизученности законов Арктики человек очень часто встречает здесь на своем пути много серьезных трудностей. После того как эти трудности преодолены, их называют обычно «приключениями».

Описания этих «приключений», облеченные в художественную форму, часто становятся новым, но нездоровым стимулом для поездок на Север. В большинстве случаев, движимые этим стимулом, люди бегут в город после первого же года пребывания на Севере.

С хорошей научной подготовкой должен приходить сюда человек, с совершенно ясным представлением о том, что он хочет получить на севере и с чем он здесь встретится.

По мере углубления работы встают перед ним новые вопросы, новые гипотезы, на которые пытливый ум и крепкая воля снова заставляют искать ответа. Так прошла жизнь Нансена, Амундсена, Скотта, Толя, Русанова и многих других славных работников Севера...

Облака как будто спустились еще ниже. Потом они коснулись самой земли. Пришел туман, частый гость этого района. Мачты радиостанции давно не видно. Отсутствие винтовки, забытой для первого раза, заставляет несколько настороженно осматриваться кругом. Не встретиться бы с белым медведем!

Но заблудиться на острове Диксон летом нельзя. Он давно уже хорошо знаком, и все его приметы очень отчетливы.

Через несколько часов мы пришли обратно в общежитие станции. В просторной, светлой комнате за длинным столом сидели все обитатели острова. Вместе со взрослыми тут же были две маленькие девочки. Обсуждались достоинства двух набросков Рыбникова — «Каменистый остров среди плывущих льдов» и «Собаки Диксона».

Оба наброска, еще не законченные, производят хорошее впечатление. Особенно «с настроением» был передан вид пустынного ледяного пространства с темными очертаниями острова вдали.

На остров приехали новые гости. Это были промышленники, зимовавшие «неподалеку» от острова, — дядя Максим Гаврюшин и Фролов с женой, самые опытные охотники и ветераны Севера.

Товарищ Фролова, промышленница енисейского Севера.

Оба они попали сюда давно. Приехали временно, в царскую ссылку, да так и остались. Остались с ними и их жены, в совершенстве овладевшие охотничьей техникой.

Год был промысловый. Песец шел в расставленные пасти очень хорошо. Много наловили его и зимовщики Диксона. Особенно удачен промысел был у дяди Максима, но старик выглядел не весело.

— В чем дело, дядя Максим? По Красноярску заскучал?

—Заскучаешь! Жениться надо ехать.

— А старая жена где?

— То-то и дело — где... Замерзла старуха.

Дядя Максим с одним из своих приятелей возвращались как-то с осмотра пастей. Их жены приготовили все, чтобы накормить и согреть охотников. Но в это время послышался характерный стук упавшей пасти, поставленной неподалеку от избушки.

— «Вы ешьте и пейте, а мы посмотрим пасть», решили женщины, да так и не вернулись... — закончил дядя Максим свой рассказ.— Как-то сразу налетела пурга. Выехали искать — ничего не видно. Потом нашли обеих, только уже замерзшими.

— А Ловких с женой, помните, что на Пясине зимовал? Тоже не увидите больше...

— Этому уже смерть пришла. Старость...

Хорошим промышленником Севера был Ловких. С детства он не знал, да и не хотел знать, другого края. Один

раз, скопив немного денег, попробовал было поселиться в городе, но ничего из этого не вышло. Едва год там просидел и вернулся с женой обратно. Однажды ослеп он от снежного блеска вдали от своего и чужого жилья. Долго пропадал, съел часть своих собак, но все-таки выбрался.

Жил он всегда обособленно от других. Поставили его руководителем группы молодых охотников, поселили в хорошей отдельной комнате. Ничего не вышло. Рассорился старик со своими компаньонами и ушел с женой вверх по реке Пясине в развалившуюся от времени избушку Бегичева.

— Как же теперь его старуха?

— Как? Вытащила мужа на улицу. Закопала пока в снегу около дома. Нет сил одной управиться. Хорошо, что с другой зимовки пришли их проведать. Теперь ждет, кому сдать песцов и зимовку. Уезжает в Красноярск.

Завязался оживленный разговор. Пошли воспоминания о прошлых годах, о прошедшей зимовке, о будущих планах.

— На курорт нынче едем, — решительно заявляли дядя Максим и Фроловы. — Надо же посмотреть, как солнце светит...

★

Северный Ледовитый океан никогда не бывает свободен от льдов. Точно так же никогда, ни в какое время года, не бывает он скован неподвижным льдом на всем своем пространстве. Под влиянием ветров и течений льды разламываются и перемещаются в разных направлениях. При этом в одних местах образуются полосы чистой воды или разреженного льда, в других льды плотно сжимаются, давая большие ледяные нагромождения, перед которыми часто вынужден отступать даже самый сильный ледокол.

Понимание законов образования, сохранения и перемещения льдов совершенно необходимо для овладения Северным Ледовитым океаном.

Атлантический океан дает знаменитое теплое течение Гольфштрем. Оно идет из Мексиканского залива через Флоридский пролив на север со скоростью трех метров в секунду параллельно восточному берегу Северной Америки. Западно-шпицбергенским течением оно впадает в Полярный бассейн, уходя в его глубины. Другая его ветвь — Нордкапское течение — впадает в Баренцово море, обусловливая

возможность круглогодовой навигации около мурманского берега.

Северный Ледовитый океан дает начало холодному Гренландскому течению. Оно приносит в Атлантический океан холодные массы воды, ледяные поля и айсберги.

Громадные потоки пресной воды, вливающейся в Полярный бассейн из рек азиатского севера, создают новые течения. Распресняя морскую воду и обладая повышенной температурой, они становятся новым, весьма активным фактором перемещения и разрушения льдов.

Регулярные приливо-отливные течения также оказывают влияние на эти процессы.

Холодные и теплые водные потоки непрерывно получают и отдают свою температуру воздуху, образуя мощные воздушные течения. Последние, проносясь над Ледовитым океаном, в свою очередь создают там новые поверхностные течения, по воле которых движутся льды.

Метеорологи на самых разнообразных точках земного шара ежедневно отмечают давление, температуру, направление и силу ветра. Гидрологи следят за изменением температуры и солености воды на разных глубинах, определяют направление течений и т. д.

Один из отрядов армии метеорологов находится на острове Диксон. Четыре раза в день сообщает он штабу, какие силы атакуют сейчас этот пустынный остров. Штаб на основе сообщений, полученных с самых разнообразных точек земного шара, делает выводы о том, какие силы в недалеком будущем придут в район острова Диксон и всего Карского моря.

Для навигации 1933 года предсказания были крайне неутешительны. Ожидалось позднее открытие навигации и раннее наступление зимы.

Ветры северных румбов поджимали льды с севера к острову Диксон и к берегам Таймырского полуострова. Отрицательные температуры воздуха и воды содействовали сохранению льдов.

Нет ничего похожего на условия навигации 1932 года. Тогда температуры воздуха колебались здесь в августе от + 3° до + 13°. В эту же навигацию (1933 года) они колеблются в пределах от + 1° до — 3°.

Небольшой пароходик Гидрографического управления «Циркуль» пробился через льды Енисейского залива и ушел на разведку в море к острову Расторгуева.

— Нет вам ходу. Остров еще во льдах, — сообщил приехавший с реки Пясины промышленник. То же подтвердил и вернувшийся с разведки «Циркуль».

Ветер несколько ослаб. Через северные проливы лед из Енисейского залива начал уходить в море. Стоял час отлива. Бухта зачернела открытыми пространствами воды.

«Немедленно выходите!» говорила радиограмма-молния каравану судов, стоявших в бухте Широкой.

«Есть», лаконически ответили «Красноярский рабочий» и «Партизан Щетинкин».

Со стороны моря в порт входил ледокольный пароход «Сибиряков». Для него льды — привычная дорога, а остров Диксон — удобное и знакомое место отдыха. Отсюда он в прошлом году вышел в свой исторический поход, открывая сквозной Северный морской путь.

Им командовал молодой, но уже с большим опытом капитан Хлебников. Протяжным гудком «Сибиряков» приветствует порт Севера — остров Диксон.

— Просит угля, — сообщил радист.

— Пусть идет навстречу «Партизану». Это ускорит дело и поможет каравану.

«Сибиряков» ушел в Енисейский залив.

«Володарский», «Сталин» и «Правда» известили о своем выходе из Архангельска. Они вышли со значительным опозданием. Видимо, никто в Архангельске не отдавал себе отчета в том, как дорог каждый день в Арктике. Конечно в этом году небрежность архангельских работников в подготовке экспедиции не имела особо дурных последствий. Нам все равно нельзя было бы отсюда двигаться. Но такая постановка дела при отправке арктических экспедиций недопустима и преступна.

Пора произвести авиационную разведку на восток. Экспедиция должна иметь развернутую карту расположения льдов в этом районе. Нельзя бросать во льды караван судов, не составив предварительно представления о возможной ледовой картине и не проверив ее разведкой. Отдельные пароходы типа «Сибирякова» могут вырваться из ледяных объятий, караван же лесовозов будет там бессилен.

Самолет попрежнему стоял затертый льдами в небольшой бухточке. На этот раз северная природа оказалась сильнее нас. Приходилось ждать. Ждать, когда так дорог был каждый час!

Гудок парохода известил о прибытии в Диксон давно

ожидаемого каравана судов из бухты Широкой. Впереди шел «Красноярский рабочий» с длинной вереницей барж. За ним следом появились «Партизан Щетинкин» с угляркой, небольшой пароходик «Лесник», промысловые боты и суда гидрографической партии. «Сибиряков» взял уголь с «Партизана» и, не заходя в порт, ушел в Карское море для производства научных работ.

Пришедшие суда стали на якорь, по возможности укрывшись от оставшейся массы ледяных полей за мысами и островами.

Диксон начал оживать. С разных концов слышался грохот якорных цепей, шум моторов, перекличка через рупор. По воде засновали лодки.

От «Красноярского рабочего» отделился катер, подошел к «Леснику» и, забрав людей, двинулся к заливу. Там были Иголкин — начальник экспедиции на реку Пясину, капитан «Красноярского рабочего» Лиханский и капитан Добровольский — начальник рыбопромыслового флота.

Мало кто слышал про экспедицию в залив Гыдо-Ямо на неизвестную реку Юрибей, про походы небольших ботов к шхерам Минина и т. д. Мало знают и про экспедицию на реку Пясину. Между тем эти экспедиции требуют от их участников большого напряжения сил, самоотверженности и героизма.

Жизнь и работа закалила этих людей. Они уже позабыли про так называемые «особые условия» Арктики. Как часто при обсуждении какого-нибудь смелого проекта приходилось слышать от них недоуменный вопрос:

— А что же тут особенного?

Теперь они стояли на берегу, здороваясь со старыми знакомыми из окрестных зимовок.

— Запоздали из-за проклятого льда с промыслом! — горевал Добровольский.

— Мы вам давно говорим: дайте пособие на поселение здесь, тогда будете с рыбой, — прервал подошедший рыбак. — А то вместо того, чтобы дать нам возможность рыбу ловить, нас возят взад и вперед. Мы еще до промысла не доехали, а через две-три недели пора и заворачивать. Вот и вся работа.

Рыбаки говорят дело. Необходимо отпустить средства на заселение низовий Енисея рыбаками.

Товарищ Иголкин уже третий год идет на реку Пясину. В первый год его экспедиция искала проход для речных су-

На острове Диксон. Лов белухи.

дов через мелководный бар реки. Поход был удачен только наполовину. Непрерывные штормы не давали работать. В конце концов экспедиционный бот «Дельта» выкинуло на берег.

На второй год бар был пройден и нанесен на карту. Суда поднялись немного вверх по этой исторической, но забытой реке и вернулись обратно. Одновременно экспедиция обследовала рыбные богатства Пясины, послав ихтиолога Пирожникова сухим путем от Дудинки на верховья реки. Осенью части экспедиции соединились и ушли через море и Енисей в Красноярск.

Теперь туда шел целый караван. Пароход «Лесник» и сильный катер «Грузчик» являлись пионерами будущего пясинского речного флота. Они вели за собой пять барж и три паузка.

Как жалко выглядят эти посудинки на просторе диксонского морского порта! Первая же волна разбушевавшегося Енисея несомненно будет для них роковой. Это типичные плоскодонные речные суда. Между тем от Диксона им надо еще итти открытым морем, пока они не войдут в спасительные берега этой реки.

Товарищ Рагозинский, промышленник реки Пясины.

— Здравствуйте, товарищ! — послышался новый голос.

Это подошел промышленник Рагозинский, едущий на реку Пясину с первой партией поселенцев.

Сухой, рослый, с обветренным лицом, он — патриот этой реки. Не одну зиму провел он там, промышляя песца и рыбу и попутно ведя научную работу.

— Льды, видать, нас не скоро пустят. Я бы высадил пару своих ребят на берег. Надо лодки поконопатить да и собак проветрить. На барже не развернешься с этим добром.

— Куда твою баржу поставить? Действуй! — соглашается Иголкин.

«Лесник» подвел баржу к указанному Рагозинским месту. Скоро берег стал неузнаваем. Загорелись костры, над которыми согревались чайники и котелки разных размеров. Лаяли и выли десятки собак. Забегали на просторе детишки. Выросли «жилища» — что-то среднее между северным чумом и русским шалашом. Женщины, типичные крепкие сибирячки, таскались с узлами, на ходу переругиваясь между собою.

На другой барже внимание привлекает одна семья: молодая черноволосая женщина с маленьким ребенком на руках, около нее мужчина с лицом провинциального артиста или учителя.

— Это тоже зимовщики, — объясняет капитан Добровольский. — Едут на шхеры Минина.

Зимовка на шхерах Минина—одна из наиболее серьезных

зимовок. Там зимовали один год два брата Колосовы, промышленники из Архангельска. Затем они ушли оттуда.

Местность совершенно неизученная, оторванная на весь год, до навигации, от всех остальных зимовок. Оставаясь там, можно полагаться только на свои силы, на свое уменье.

— Почему вы хотите туда ехать? — задаю я вопрос подошедшему к нам в это время мужчине.

— Моя фамилия Бриф. Я уже зимовал на Юрибее. Там у меня плохо вышло...

Я отправляюсь ознакомиться с его снаряжением. Передовая собака — неплохая. Остальные — вислоухая мелкая дрянь. Впрочем, у Рагозинского они не лучше. Для новых промышленников хороших собак нехватает.

Лодка — не мореходная. Одежда, сапоги, продовольствие, рыбацкая снасть — все производит впечатление случайно подобранного имущества.

— Сколько же вас человек туда едет?

— Жена, она тоже промышленник. И вот эти двое товарищей.

На мешках сидят два крепких, рослых парня. Из них могут получиться промышленники, но сейчас это совсем сырой материал.

— Мы впервой на Север!..

— У нас две винтовки на четырех человек, — заявляет Бриф.— Нельзя ли здесь раздобыть?

Молодая женщина выглядит энергичной и уверенной.

— Вы за нас не беспокойтесь, мы уже давно зимуем, — говорит она.

— А ребенок?

— Он родился на Севере и будет северянином. Мы и имя ему дали Самрико — волчонок...

Самрико — милый, крепкий ребенок — настроен очень весело. Он заразительно хохочет, ухватив за хвост одну из собак.

Безусловно, эту семью нельзя пускать на шхеры, не переменив и не дополнив все ее снаряжение. А самое лучшее — присоединить ее к группе других промышленников.

Что потянуло этих типичных выходцев из мелких разночинцев на далекий Север? Длинный рубль? Вольная жизнь? Неудача в прошлом? Поиски приключений? Или что-либо другое? Трудно отгадать при коротком знакомстве.

Надежды таких людей обычно разбиваются очень быстро, в первые же годы работы. Только часть их становится хо-

рошими промышленниками и переходит в разряд северян.

Бриф не попал на шхеры. Пополнить его снаряжение не удалось. Он уехал на реку Пясину, на более простую зимовку.

Эта поездка была для него последней. В полярную ночь он ушел на собаках в тундру для осмотра пастей. Прошло время, издрогшие собаки вернулись одни, без хозяина и без передовика. Несколько дней спустя пришел и передовик. Брифа промышленники нашли замерзшим в снежной яме, где, видимо, он отсиживался, оставив почему-то упряжку и взяв с собой только передовика.

Так рассказала мне его жена, когда я вновь с ней встретился на Диксоне, возвращаясь с зимовки ленских пароходов.

— Вы нас тогда сфотографировали. Нельзя ли получить карточку на память?

★

Наступило 10 августа. Погода не изменялась. Нордовые ветры переменной силы попрежнему гнали льды с севера к Диксону и берегам Таймырского полуострова. Однако льдов все-таки стало меньше.

Карские пароходы уже прошли через Маточкин Шар. Теперь ледокол «Ленин», энергично разбивая сплошные льды, прокладывал судам дорогу в Игарку, за экспортным лесом.

Подошли туда «Красин», «Челюскин», «Володарский», «Сталин» и «Правда». Теплоход «Пятилетка» с двумя лихтерами на буксире в это время пробивался через льды Обской губы.

«Прошу осветить ледовое положение Обской губы и далее до Диксона», радировал капитан Модзалевский. Но аэроплан попрежнему стоял в бухте за плотной стеной льдов.

Встречные льды задерживали движение «Пятилетки». Торопясь доставить уголь, она оставила один лихтер у острова Шокальского, а с другим пошла дальше.

Вскоре встретился почти сплошной крупно-мелкобитый лед до девяти-десяти баллов. Сильная «Пятилетка» раздвинула его. Искусное командование сохранило корпус судна, отделавшегося только вмятинами.

Дальше шел разреженный лед. Шторм в шесть баллов подбрасывал на волнах крупные льдины. Каждый удар о борт судна грозил проломом корпуса.

Промышленник Бриф с семьей.

Умелое маневрирование помогло избежать и этой опасности. Но продвижение «Пятилетки» замедлилось. Давно прошли плановые сроки прихода и отхода Ленской экспедиции. Льды упорно задерживали ее морскую и речную группы.

Только 18 августа вошли в порт Диксон морские пароходы. Они выдержали тяжелый бой со льдами Карского моря. Пароход «Сталин» уже имел в форпике две большие пробоины. Между тем основная тяжесть похода была еще впереди.

Через день пришли сюда ледокольные пароходы «Русанов» и «Седов». 20 августа вошла в порт «Пятилетка».

Предсказание Норденшельда исполнилось. В гавани Диксон скопилось действительно множество пароходов самых разнообразных типов. Они шли на восток Ледовитого океана.

Легко и грациозно покачивались на зыби волн шхуны. Их стройные мачты, узкое, острое оформление носа, светлосерая окраска бортов придавали им вид выходцев из того века, когда еще не было и в помине ни пара, ни электричества.

Прекрасное впечатление производит «Русанов» — родной брат «Сибирякова». Вытянутый узкий корпус, сильная машина делают его ловким, поворотливым судном. Он вошел в Диксон, легко скользя по поверхности гавани, не считаясь со скоплением льдов. Под его ударами метровые льдины быстро отходили в стороны, рассыпаясь на мелкие части.

Ленские пароходы являются здесь самыми большими рабочими судами. Они также, по-своему, красивы. Стремление к наибольшей грузоподъемности, уменьшению себестоимости перевозок, удобству погрузки и т. д. продиктовало очертания их корпусов.

Однако для льдов ленские пароходы недостаточно хорошие суда. Тупое образование носа и сравнительно слабые машины приводят к частому застреванию этих судов во льдах. Без ледокола они не могут работать в арктических морях.

Как хорошо отделанные игрушки, выглядят теплоходы «Пятилетка» и «Красноярский рабочий». Они построены по последнему слову техники. Все здесь приспособлено к сильной работе, все сделано для удобства работающего на них человека.

Среди всех этих судов совсем потерялись маленькие баржи Пясинской экспедиции.

Пароходы становятся под бункеровку угля около лихтеров. Неподвижно стоит на своем месте лишь пароход «Сталин». Едем туда. Капитан лежит в постели.

— Почему не бункеруетесь? Вам уголь нужен? До Лены его негде взять...

— Конечно нужен, — отвечает капитан, — только пусть мне подведут лихтер, а сам я не пойду...

Я удивлен поведением этого «морского волка».

— Почему?

— Да не везет мне на этом пароходе. В Шпицберген ходил — на камни сел. Здесь форпик пробил. Другие не пробили, а я пробил. Пойду к лихтеру — еще на мель сяду.

Бывают положения, когда выгоднее итти на уступки. Потеря уверенности — верный залог неудачи. Пароход «Правда» подвел лихтер в борту «Сталина».

Наилучшее впечатление производит «Володарский». На нем удивительно дружный и спаянный коллектив. Это все архангельцы, с детства привыкшие к работе во льдах. Товарищеские отношения прекрасно сочетаются с крепкой дис-

Команда парохода «Володарский».

циплиной. Капитан Смагин и его старший помощник Никифоров создали эту обстановку. Работа здесь кипит.

На «Правде» едет начальник экспедиции на Хатангу — старый полярник, геолог Урванцев. Цель экспедиции — разведка нефти на побережьи около бухты Нордвик.

К своему удивлению, я нахожу Урванцева в самой темной каюте внизу парохода.

— Почему вы здесь поместились?

— А ну их! Не стоит связываться. Совсем не северный народ.

— Но здесь нам не развернуть даже карты...

— Поедемте тогда к вам. Там обо всем и договоримся. Или поедем на «Русанова». Мы с ним пойдем до бухты Прончищевой.

«Русанов» стоит неподалеку. Моторная лодка экспедиции быстро перебрасывает нас к нему.

Капитан «Русанова» Ерохин и его старший помощник Храмцов сидели над картами, обсуждая варианты похода. По работе на Севере мы давно знаем друг друга, но лично никогда не видались.

— Борис Иванович, пришли к вам потолковать о походе на Хатангу. Вместе пойдем,— начинает Урванцев.

— За этим делом вы нас и застали, — отвечает Ерохин, радушно здороваясь.

Мы отмечаем на разложенной карте скопление льдов, уже нащупанное пришедшими сюда пароходами. Аэроплан вылететь на разведку еще не мог. Нам надо наметить вариант пути в значительной степени на основе предположений.

Вопрос о выборе направления — наиболее трудный вопрос экспедиции. От правильного учета положения льдов под влиянием ветров и течений зависит почти весь успех экспедиции. Но здесь слишком мало исследованы течения, рельеф дна, неверны и многие очертания берегов, нанесенные на карту.

Мощное атлантическое течение — Гольфштрем — вливается в Ледовитый океан, заполняя его более тяжелой и теплой водой, чем воды Ледовитого океана. Материк со своими многочисленными реками и массой снега посылает туда громадное количество пресной, более легкой воды.

Нансен в своем труде по океанографии Северного Ледовитого океана исчисляет это количество воды громадной цифрой в 3 480 кубических километров в год. Деля всю эту массу на все пространство между берегами Сибири и полюсом от 65° до 165° восточной долготы, он определяет толщину распресненного поверхностного течения в 1 276 метров.

Накопление с одной стороны воды Атлантического океана, а с другой пресной воды европейского материка способствует разрушению льдов в этом районе и создает сточное поверхностное течение на север. Благодаря этому течению льды отжимаются от берегов в этом направлении.

Конечно в действительности картина несколько изменяется. Ее поправляют рельеф местности, направление господствующих ветров и другие факторы.

В походе на Лену необходимо учитывать мощное обь-енисейское течение, течение реки Таймыр и других рек Таймырского полуострова, таяние снегов и наконец влияние ветров.

Первые факторы способствуют отжиманию льдов. Последний, при наличии ветра нордовых румбов, напротив, прижимает их к берегам. Перевес того или другого фактора определяется соотношением сил. Но в конце августа сила ветра была незначительна. Это давало надежду, что между берегами и пловучими льдами будет разреженное от льдов пространство.

Для каждого моряка всегда приятнее итти вдали от берегов. Это гарантирует его от посадок на банки, которые здесь совсем не исследованы. Однако на этот раз итти дальше в море невозможно. Северный ветер, отрицательная температура воды и воздуха несомненно дадут там большое скопление льдов. Это подтверждается и встречей с ними морских судов в Карском море, между Новой Землей и островом Диксон.

— На этот раз надо держаться вблизи берегов. Тем более, что это историческая дорога всех судов, когда-либо шедших на восток, — таков был вывод после обсуждения вариантов пути.

— А от Челюскина до Хатанги пойдем или все вместе или двумя судами. Я пойду впереди «Правды». «Русанов» там пробьется через лед,— заканчивает капитан.

Состояние его парохода прекрасное. Команда, уже не раз бывавшая в экспедиционных походах, смотрит и на этот поход бодро и уверенно.

— На «Сталине» команда тоже хорошая. Есть немного случайных попутчиков. Но в общем, при хорошем управлении, все будет хорошо... «Правды» не знаю. Там больше ленинградцы, со льдами не знакомы, — продолжает капитан Ерохин. — Впрочем, в кильватер пойдет и она.

День и ночь гремят лебедки, поднимая и опуская тяжелые кадки с углем. Всем понятно, что успех экспедиции зависит теперь от каждого выигранного дня. «Сталин» попутно цементирует свои пробоины. Однако из-за этого у нас пропадают два лишних дня.

В это время полоса льда, запершая самолет в бухте, значительно уменьшилась. Два катера отбуксировали часть льдин из бухты и вывели самолет. Он немедленно вылетел на разведку на восток, к мысу Челюскина.

★

— Думаем итти, — заявил на другой день товарищ Иголкин, входя вместе с капитанами Добровольским и Лиханским. — Нам тоже путь не маленький. Все грузы надо довезти самое близкое до реки Дудыпты, иначе тундра совсем остается неснабженной.

Пясина — историческая река. Мангазейские казаки и промышленники проникли сюда еще в 1610 году и наложили ясак на местные племена — «пясинскую самоядь».

На старинных картах эта река называется «Пясида», позднее — «Пясинга» и наконец — «Пясина».

Участник Великой северной экспедиции, штурман Минин, в 1783 году проник в ее устье и поднялся до острова Чаек. На карте 1845 года от мыса Северо-Восточного на Енисее до устья Пясины показано девять зимовий. Такие же зимовья были в ее верховьях.

Несколько позднее поселенцы исчезли отсюда по неизвестным причинам. Теперь встречаются в этих местах только развалины их построек.

Работами Комсеверпути Пясина была вновь исследована как в транспортном отношении, так и в отношении ее рыбных и пушных богатств.

Обнаружение геологом Урванцевым богатого месторождения угля и других ценных ископаемых в районе Норильска заставило форсировать работы по созданию транспорта для перевозок по Пясине необходимых грузов. Этого же требовали интересы Хатанго-Авамской тундры.

Теперь товарищ Иголкин на своем речном караване вез эти грузы, предполагая подняться по реке Пясине до ее притока, реки Дудыпты, где и основать первое зимовье.

В устьях реки должен был остаться промышленник Разозинский с первой группой поселенцев — рыбаков и охотников.

Так начиналось заселение этой необжитой реки.

— Наши водники теперь стали богаче еще на одну реку в тысячу километров. Да и рыбы здесь побольше, чем в Енисее, — улыбается Добровольский.

— Завтра с утра и двинемся, как только немного ветер спадет. На баржах переплывать море потруднее, чем на морских пароходах.

Промышленники уже грузили свое имущество на баржи экспедиции. Исчезли палатки, потухли костры. Подняты были и рыбацкие лодки. На голых камнях, дрожа от холодной сырости, оставались одни собаки, привязанные ремнями и веревками к валяющемуся плавнику.

Аэроплан в это время вернулся с разведки. Ему не удалось долететь до Челюскина — помешал туман. Однако он принес ценные сведения о расположении льдов до островов Тилло. Вдоль берега тянулась узкая полоса открытой воды. Она прерывалась большими перемычками в районе этих островов и островов Скотт-Гансена.

Наши выводы в беседе с капитаном Ерохиным оказались верными. До отхода судов можно будет повторить разведку.

★

Наступило 23 августа. Пароходы заканчивали прием последних кадок угля. К вечеру должны были закончиться и работы на пароходе «Сталин» по заделке пробоин. Ледокол «Красин» ждал каравана, стоя около острова, не заходя в порт. Все было готово.

Было отдано распоряжение приготовиться к выходу утром 24 августа.

Вечером в кают-компании собралось совещание капитанов всех судов, идущих на восток.

— Можно итти к мысу Челюскина, держась севернее острова Уединения. Это первый вариант. Можно итти, оставляя по правому борту находящиеся в этом районе другие, более близкие к берегу острова. Это второй вариант. И наконец можно итти между берегами Таймыра и островами. Ваше мнение, товарищи капитаны?

— Надо итти к северу. Дальше от берега пароходы будут в безопасности от банок и подводных камней. Ближе к берегу нас зажмут льды, как только пойдут сильнее норд-вестовые ветры, — говорит одна часть собравшихся.

— Прибрежный путь больше испытан. К северу пройти нельзя. Там льды в восемь-десять баллов, — говорят другие.

— Прибрежный путь, — подтверждает большинство.

— Прибрежный путь, — подтверждают и сибиряковцы, вернувшиеся в это время из льдов Севера.

Самолет вернулся с разведки. Пилот Алексеев излагает свою точку зрения, по привычке часто употребляя слово «хозяйство». У него все — «хозяйство»: его самолет — «хозяйство», пароходы — «хозяйство», лед — тоже «хозяйство».

— Этого хозяйства на Севере столько, что нам не протолкаться до будущего года... Попрежнему вдоль берега идут полыньи воды... Есть перемычки у Скотт-Гансена и Тилло. Своим хозяйством вы его пробьете. А вот у архипелага Норденшельда дело плохо. В самом архипелаге — невзломанный лед...

Картина становится вполне ясной. Наши теоретические расчеты еще раз подтверждаются летной разведкой. Мы все пойдем прибрежной полосой, по глубинам, достаточным для глубоко сидящего «Красина». Архипелаг придется форсировать ледоколом, если льды к моменту нашего прихода не будут взломаны и отжаты от берегов.

Устанавливается порядок движения судов. Головным

идет «Красин», последними — «Русанов» и «Володарский». Между ними встают остальные суда. «Сибиряков» также решил присоединиться к каравану Ленской экспедиции.

— А как речная группа? — спрашивает капитан Модзалевский.

— Вам надо остаться на Диксоне, ждать перемены ветра. У вас еще есть запас времени. Вам надо только дойти до реки Лены. Обратно прохода нет. При этом положении льда речные суда обречены на гибель.

— Это я и хотел предложить, — говорит капитан. — Мы уже попробовали льды. Корпус «Пятилетки» толщиной в шесть миллиметров, а «Партизана» еще меньше. Надо ждать, когда от архипелага ветер отожмет льды...

Совещание расходится, приняв решение по всем пунктам.

Полярный день приближался к концу. Ночи еще не было, но в часы, положенные для ночи, уже появлялись сумерки.

Через гавань следовал караван пясинцев, вытянувшись длинной линией. Головным шел «Красноярский рабочий». Он вошел в один из северных проливов Диксона и исчез за крутым поворотом, держа курс на восток.

Порт Диксон начал терять свое оживление. Завтра поднимется наш караван. Тогда только редкие рыбацкие суда будут бороздить воды порта. Жизнь войдет в свою обычную колею. Напряженно будет работать радиостанция, связывая нас с остальным миром.

ОТ ОСТРОВА ДИКСОН К УСТЬЮ РЕКИ ЛЕНЫ

24 августа. Ледокол «Красин» стоит в двухчасовой готовности. Наше место 73°28′ северной широты, 80°29′ восточной долготы. Температура воздуха +2,2°, воды +2,1°. Восточный ветер два балла. Вблизи виден остров Диксон. Он резко выделяется своими темными каменистыми берегами среди ровных пространств моря. Низко нависли густые серые облака, окрашивая воду в такой же серый, с желтоватым отливом, цвет. Отдельные белые льдины проплывают мимо ледокола.

К борту подошел «Партизан Щетинкин». Он принимает с «Красина» угольные кадки и желоба для передачи их угольной базе Диксона. За ним пришвартовалась шхуна «Белуха». Она идет для производства гидрографических работ в нашем же направлении — на восток. Это бывшая «Хобби», которая не так давно участвовала в розысках экспедиции Нобиле. После этого она перешла во владение Союза, приняв новое имя, характеризующее ее как зверобойное судно. В этом году «Белуха» превратилась в научное судно.

Караван судов Ленской экспедиции по радио сообщает о своей готовности к отходу.

«Партизан Щетинкин» и «Белуха» уходят с прощальными свистками.

В 23 часа 35 минут начали работать машины «Красина». Ледокол двинулся вперед на северо-восток. За ним вытянулись в стройную кильватерную линию пароходы «Сталин», «Правда», «Русанов», «Володарский» и «Сибиряков».

Такое построение каравана не случайно. Самый легкий путь для парохода во льдах — путь непосредственно за ледоколом. За ним должны следовать наиболее слабые суда.

Наиболее тяжелая работа ложится на последние суда. Им

приходится проходить уже не широкой дорогой, проложенной ледоколом, но суженным каналом, пересекаемым отдельными льдинами. Раздвинутые и разбитые ледоколом льды быстро смыкаются после его прохода.

«Русанов» идет позади «Сталина» и «Правды». Он должен освобождать их при сжатии льдов, если они не в состоянии будут сами пробиться. Ту же роль должен выполнять «Сибиряков» в отношении «Володарского».

Кругом чистая вода с плывущими на ней отдельными льдинами. Обстановка благоприятная.

26 августа. Льды заметно увеличились в своем количестве и начинают оказывать сопротивление продвигающемуся каравану. Временами «Красин» идет переменными курсами, по возможности обходя большие скопления ледяных массивов.

Здесь нет айсбергов, которые так любят изображать многие художники, не видевшие Арктики. Ледяные горы — айсберги — не возникают в море. Их образуют ледники Гренландии, Земли Франца-Иосифа, отчасти Северной Земли. Ледяные нагромождения в море создаются лишь в результате большого сжатия льдов и выжимания их на поверхность стоячих или плавучих льдов.

Наш караван, повидимому, скоро должен встретить еще более тяжелые условия работы. Об этом говорит вся окружающая обстановка и виднеющееся вдали ледяное небо.

Температура воздуха — 1,2° воды — 2,2°. Полосами проходит туман, иногда совершенно скрывая идущий сзади караван. Тогда «Красин» протяжным гудком дает знать о своем направлении. Следующие за ним пароходы, один за другим, в порядке построенной колонны, отвечают ему такими же гудками.

Ледокол все чаще и чаще налетает на двухметровые льдины. Иногда их сопротивление настолько сильно, что судно при ударе об них отбрасывается в сторону от своего прямого курса.

Туман и лед объединились в одном усилии — остановить дерзких пришельцев в их вековое царство, уничтожить или заставить возвратиться обратно.

Чем гуще туман и плотнее лед, тем чаще переговариваются между собой пароходы. Кажется, что в этой непроницаемой и легкой мгле плывут громадные живые существа, одаренные волей и разумом. Их язык своеобразен, но понятен для всех нас.

— Следуйте за мной... — гудит ледокол.
— Иду... — отвечает быстро «Сталин».
— Иду... — слышен замедленный голос «Правды».
— Иду-у-у... — доносятся издалека приглушенные гудки «Володарского» и «Сибирякова».

В четыре часа плотный туман настолько охватил караван, что выбор дороги стал невозможен. Ледяные поля при таком положении непроходимы. «Красин» дал новый сигнал — «остановиться». Стали на «ледяной якорь», — каждый пароход пришвартовался к большой льдине и дрейфует теперь вместе с ней.

Можно итти в тумане, когда нет сплоченного льда. Можно пробиваться через сплошные льды, когда нет тумана. Но нельзя двигаться вперед, когда обе эти силы арктической природы соединяются вместе. Тогда они непреодолимы.

Через два часа туман приподнялся. Гудок «Красина» снова зовет следовать дальше. Счисление показывает, что мы на траверсе острова Скотт-Гансена.

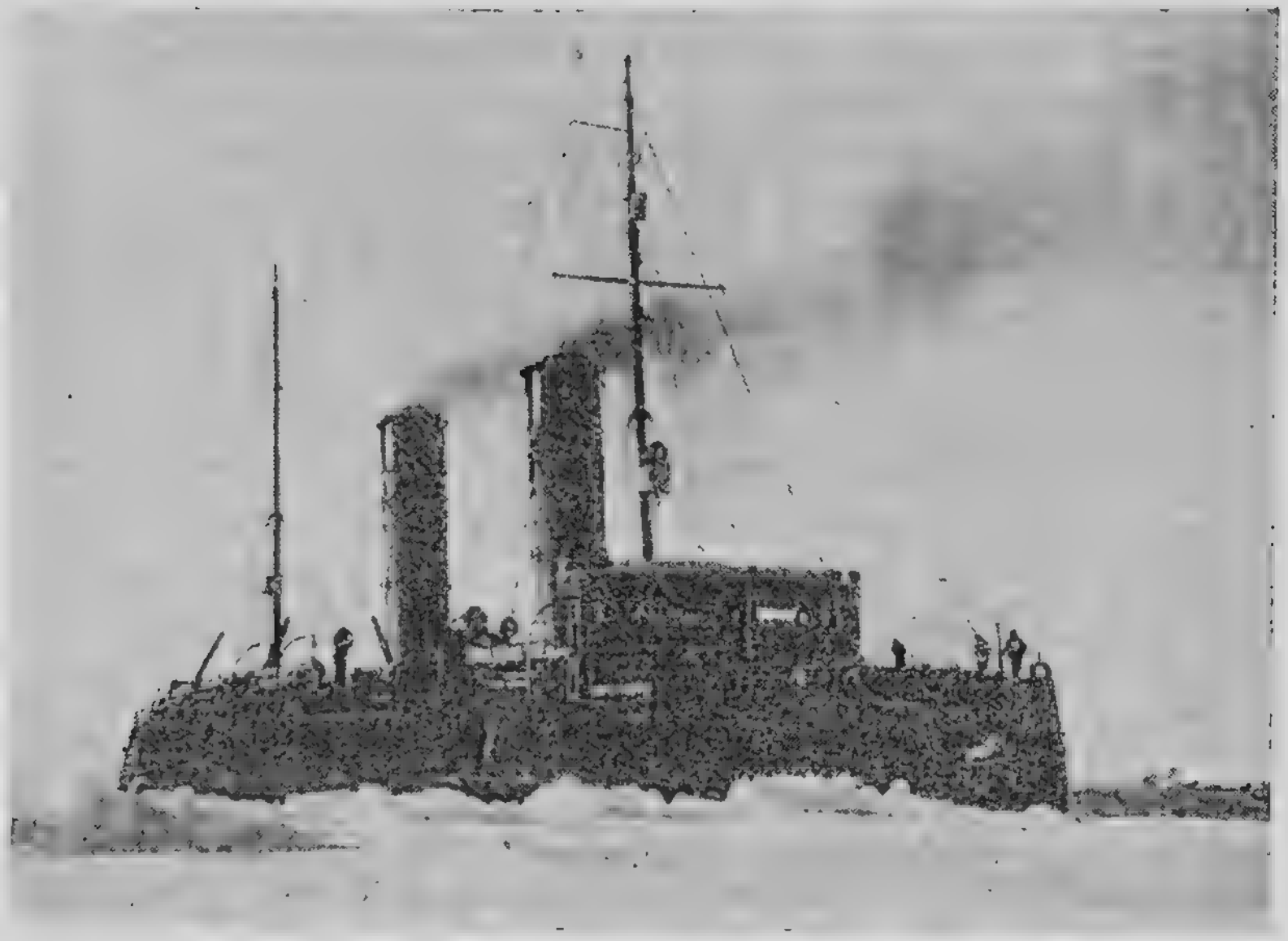
Кругом лед — девять баллов с редкими разводьями и полыньями. Нет возможности лавировать между ними. Ледокол бьет своим могучим корпусом встречные поля, прокладывая дорогу. Иногда он не в состоянии разбить их, и тогда наползает на них всем своим корпусом. Выдержать вес ледокола не может даже двухметровый лед. Он раскалывается на части, и «Красин» тяжело опускается на воду.

Но то, что под силу «Красину», не под силу идущим сзади лесовозам.

«Володарский» просит помощи. Ему особенно трудно пробиваться, так как проложенный «Красиным» канал, ко времени подхода лесовоза, успевает уже снова почти закрыться теснящимися льдами. Идущий сзади «Сибиряков» не в состоянии освободить «Володарского». Остановив караван, ледокол возвращается обратно и обкалывает зажатый лесовоз.

Через несколько часов суда снова вошли в тяжелый битый лед. Лесовозы были бессильны следовать дальше за ледоколом. То один, то другой из них застревал во льду и требовал помощи.

Оставив караван на «ледяном якоре», «Красин» ушел на разведку. Вокруг виднелось сплошное ледяное пространство с приподнимающимися торосами. Путь был непроходим. Караван повернул назад — на юго-запад.



«Красин» во льду во время похода 1-й Ленской экспедиции.

Караван во льду у Таймырского полуострова.

Ленская экспедиция вынуждена была отступить на этот раз, как отступает армия, ища более уязвимое место противника. В своем отступлении экспедиция потеряла по широте 10′, по долготе 14′.

В конце дня наши потери при отступлении несколько уменьшились. Караван достиг 75°40′ северной широты и 88°01′ восточной долготы, дойдя до района островов Тилло.

Снова налетел густой туман. Дан сигнал остановиться до улучшения видимости.

27 августа. Начали падать снежинки — спокойно, ровно, но с какой-то неумолимой настойчивостью. Шум похода замолк. Кругом сыро и холодно. Опустела и палуба ледокола. Все разошлись по каютам. Только закутанные фигуры вахтенных неподвижно стоят на своих местах. Мертвая тишина в мертвом матовом свете.

Палуба побелела от слоя выпавшего снега. Отчасти побелели и борта. Суда принимают постепенно привычный на Севере цвет снега и льда.

Эластичный туман тысячами неотразимых и непобедимых щупальцев охватывает все на своем пути. Легкий северный ветер двигает его вперед. Иногда, как бы играя с нами, туман чуть-чуть рассеивается. Тогда становятся видными все наши суда. Они прижались около своих льдин, такие же безжизненные и безмолвные.

Может ли помочь здесь аэроплан? Конечно нет! Нам остается только ждать, вооружившись терпением.

Наступление дня не принесло улучшения. Попрежнему двигаться нельзя. Видимость несколько улучшилась, но ее горизонт не более двухсот саженей. Часть людей соскочила с пароходов на лед. Сбросили даже собаку. Одна группа взгромоздилась на ближайшую стамуху. Фотографы. несмотря на слабое освещение, защелкали затворами, торопясь заснять «эффектные полярные виды».

К борту ледокола подошли по льду русановцы. Это охотники, едущие в бухту Прончищевой, на восточный берег Таймырского полуострова. Их начальник — известный полярный охотник Журавлев. С ним три его товарища и несколько ребят.

— Ну что же, скоро пойдем?.. А то и посмотреть мишку можно. Недалеко видны его следы... У нас семьдесят собак на довольствии.

Вместе с охотниками мы отправляемся к остальным паро-

Прогулки во время остановки.

Торосистые льды островов Тилло.

ходам. На ледяном поле — широкие следы медведя. Но дальше они теряются. Медведь ходил по этому полю, когда оно стояло в другом месте. К нашей стоянке, куда его принесло, мишка не забирался.

Чем дольше стоим, тем оживленнее становится движение на льдинах. Любители футбола уже готовятся к бою.

Капитан Ерохин с мостика «Русанова» старается рассмотреть что-то сквозь густую пелену тумана.

— Ничего не увидишь. Пойдемте лучше в каюту. Там потеплее.

В каюте Ерохина большая, хорошо подобранная библиотека.

— У капитана дом на корабле, а на берег, к семье, приезжаем в гости, — улыбается Ерохин. — Здесь и почитываем в такое время, как сейчас.

Вскоре появилась плотная фигура Смагина — капитана парохода «Володарский».

— Ерохин, ты чего пресной водой не запасаешься? Я уже накачал со льдины во все танки.

— Я уже тоже это сделал. Все в порядке.

Эти два ледовых капитана не испытывали никакого беспокойства среди теснящихся льдов.

— Бывает, что и на четверо суток станем. Поднимется туман — и пойдем.

Утешение слабое. Нам дорог каждый час. Отрицательная температура воздуха и особенно воды говорит о возможности быстрого смерзания в одно целое пока разрозненных ледяных масс. Тогда проход каравану будет закрыт. Тогда самая идея продвижения морских пароходов на восток будет скомпрометирована. Тогда сорвется снабжение Якутской республики.

Мы снова спускаемся по шторм-трапу на лед. Дрейфа нет никакого. Видимо, льды имеют здесь какую-то точку опоры. Если ее дают острова Тилло с их припаем, значит место нашей стоянки нанесено верно. Но, пока не выглянет солнце, проверить этого нельзя.

Только к вечеру погода несколько прояснилась. Невдалеке отчетливо вырисовался ряд приподнятых каменистых островов, лишенных всякой растительности. Около каждого острова невзломанный припай. За ним сплошное пространство пловучего льда с небольшими разводьями.

«Красин» и «Сибиряков» ушли на разведку по разным курсам. Через час «Сибиряков» сообщил по радио, что к

югу видна открытая вода, но между островами замечены подводные камни.

На этот курс начал выбиваться из окружающего льда весь караван. Медленно, непрестанно промеряя глубины, движется ледокол между островами: у него глубокая осадка, и поэтому особенно опасно итти в этих местах.

Крупнобитый торосистый лед постепенно сменялся более ровным и разреженным льдом. Пять островов остались позади каравана. Но это не острова Тилло, как мы предполагали сначала. Они расположены гораздо дальше от материка. Берега в этом районе почти не исследованы. Еще слабее обследовано море. Без сомнения, здесь имеется еще много островов, не нанесенных на карту.

Показалась очень узкая полоса совершенно чистой воды. «Красин» выводит туда один за другим пароходы из тяжелых тисков льда.

К концу дня наше место — 75°32′ северной широты и 89°25′ восточной долготы. Мы отошли немного к югу, но зато заметно продвинулись на восток — к цели своего путешествия.

29 августа. Ветер норд-ост, два балла. В воздухе — 2,6°, в воде — 0,3°. Туман рассеялся к утру, позволив экспедиции продолжать путь к заветному мысу Челюскина. Но долго итти не пришлось. Вскоре вновь налетевший туман закрыл всю перспективу льдов.

На этот раз во время стоянки нас ждало обычное северное развлечение. Из тумана показался небольшой белый медведь. Видимо, его привлекали заманчивые запахи с пароходов. Заметив у борта «Красина» брошенный в полынью пустой ящик, медведь стал играть с ним, как маленький ребенок с понравившейся ему игрушкой.

Но охотники недолго могли выдержать. С «Красина» и «Правды» раздались выстрелы. Кончились забавы любопытного дикаря. Зверь подох, едва успев вылезти на лед.

Дальше события развернулись, как говорится, с кинематографической быстротой. С «Правды» бегом кинулись люди с веревками к убитому медведю и быстро втащили его на борт. Красинцы же в это время успели пройти только половину дороги.

— Куда тащите?.. Наш медведь! — запротестовали они.

В ответ «Правда» поспешно отошла от ледяного поля, обезопасив себя от нападения красинцев водяным пространством.

Охота на медведя.

Красинцы стояли на краю поля и яростно переругивались с отошедшей «Правдой», чувствующей себя в полной безопасности.

Отведя душу в перебранках, красинцы вернулись с пустыми руками.

На востоке всюду видны были тяжелые ледяные поля и крупнобитый лед. Только несколько южнее темнели небольшие разводья.

По карте в этом направлении лежит самый северный пункт архипелага Норденшельда — остров Русских. Оставив караван во льдах под охраной «Сибирякова» и Русанова», «Красин» двинулся туда на разведку.

Он шел, сначала ломая десятибалльный лед, затем выбился на места с видневшимися кое-где темными пятнами полыней.

Вдоль одной из полыней спокойно бродил белый медведь — второй за этот день. Незнакомый еще с человеком, он подошел на очень близкое расстояние от ледокола. Первая же пуля перебила ему позвоночник. Некоторое время он продолжал итти, волоча парализованный зад и в ужасе оглядываясь по сторонам в поисках врага, который так неожиданно и больно его укусил.

Новые выстрелы. Медведь упал. Он пытался еще подняться на передние лапы, но к нему уже бежали люди с винтовками и фотоаппаратами. Охватив передними лапами голову, зверь повалился на снег.

Отвратительное зрелище представляла эта бойня, не вызванная никакой необходимостью...

За несколько часов до встречи с медведем с острова Диксон был вызван радиограммой самолет для авиаразведки. Он показался теперь над ледоколом, кружа над ним в поисках посадочной площадки. Но кругом были льды, а редкие полыньи были слишком малы для него.

По радио с самолета мы узнали курс наименьшего скопления льдов и расстояние до чистой воды. Чтобы пробиться к ней, каравану надо было пройти лишь около пятнадцати миль.

Сделав разведку, аэроплан улетел на мыс Челюскина. «Красин» повернул к оставленному каравану, вновь пробивая себе дорогу через тяжелые льды.

30 августа. «Красин» идет довольно быстро, не встречая серьезного сопротивления. Но внезапно ход его замедлился, он остановился в сравнительно легком льду.

— В чем дело?

— Левая машина вышла из строя.

Силы ледокола уменьшились на одну треть. Водолаз спустился под воду для осмотра повреждений. Через десять минут он поднялся на палубу и сообщил:

— Начисто срезан винт... Гребной вал сломался.

Для экспедиции создалась серьезная угроза. Только мощный ледокол мог провести ее через эти льды. Морские пароходы были уже близко от цели. Речной же караван попрежнему стоял на Диксоне.

— «Красин» теперь почти бессилен. Не пришлось бы вызывать другой ледокол,— сказал один из моряков.

Руководители похода решили однако иначе:

— Ленская экспедиция будет пробиваться дальше. Работая сохранившимися в целости машинами, «Красин» подой-

дет к оставленным судам. За островом Русских будем ожидать отжатия льда, если проход будет невозможен сейчас...

В это время с каравана пришла радиограмма-молния с просьбой немедленно прислать «Красин», так как началось сжатие льдов. Все суда находятся в опасности, в особенности тяжело приходится «Володарскому». Но «Красин» еще стоял неподвижно во льдах, выясняя свои повреждения.

«Пусть «Русанов» и «Сибиряков» помогут лесовозам», говорила ответная радиограмма.

Но оба эти парохода также были бессильны, побежденные движением ледяной массы.

Спасла положение небольшая перемена ветра и начавшийся отлив. Сжатие льдов приостановилось. Оно было стремительным, но, к счастью, коротким. Работая оставшимися машинами, «Красин», преодолевая трудности, только к десяти часам подошел к судам и принялся освобождать их от торосистых льдов.

Медленно, с частыми остановками, пробивался «Красин» к открытой воде, оказывая помощь то одному, то другому пароходу. Почти каждый метр караван проходил с боем, держа курс к одному из восточных островов архипелага — острову Бианки. Раненый ледокол работал энергично, но его силы и управляемость были основательно подорваны после аварии. Тем не менее цель была достигнута: все суда вышли на чистую воду.

31 августа. Караван идет по почти безледному каналу. По правому борту виден низкий берег материка, налево — ледяные поля. К двенадцати часам среди них показались острова Фирилея. Они поднимаются над уровнем воды, как горбы неведомого подводного чудовища.

Берега материка постепенно повышаются. Отчетливо виден глубокий изгиб залива Толля. Вдали темнеет высокая гора Аструпа. Крутым обрывом падает она на ровное прибрежное плато тундры. Дальше, почти на ее траверсе, находится пустынный остров Гейберга.

Над пароходами молча проносятся стаи серых буревестников и белых полярных чаек. В воде в разных направлениях мелькают белые спины белух.

С парохода «Сталин» получена тревожная радиограмма о начавшемся самовозгорании угля. Судно завалено бочками бензина, керосина и нефти. В его трюмах лежит динамит для геологических партий и много баллонов с водородом. Чтобы предотвратить пожар, который в этих условиях мо-

жет быстро закончиться эффектным фейерверком, необходима остановка на мысе Челюскина для перегрузки части угля на «Красина» и «Сибирякова».

В двадцать часов гудки всех пароходов приветствуют самую северную оконечность азиатского материка, где никогда еще не проходило столько судов.

Якоря отданы. «Красин» и «Сибиряков» начинают бункеровку угля со «Сталина».

1 сентября. Катер промышленников отошел от «Русанова» и приблизился к борту «Красина». Волны пролива Вилькицкого подбрасывают его на высоту половины корпуса ледокола.

Торопливо спускаемся по шторм-трапу и, выждав удобный момент, прыгаем в катер. Здесь корреспондент «Известий» товарищ Зингер, постоянный участник полярных плаваний, и корреспондент «Водного транспорта» товарищ Морозов.

Катер бодро идет с волны на волну. Скоро перед нами сквозь туман показался берег мыса Челюскина. Подойти к нему можно, только найдя какой-либо проход между прибрежными льдинами. Катер ходит в разные стороны, используя каждую узкую расщелину, и наконец упирается в вязкую глину.

Неподалеку от нас — большой круглый столб из местного черного камня-плитняка. Он поставлен Роальдом Амундсеном во время его экспедиции на шхуне «Мод» в 1919 году.

Медный шар увенчивает верхушку столба. На шаре выгравирован путь, проделанный Норденшельдом, и надпись (даем ее перевод):

«Покорителям Северо-Восточного прохода Адольфу Эрику Норденшельду и его славным спутникам. Экспедиция на «Мод» 1918—19».

Велика и несомненна заслуга Норденшельда. Но он не был победителем Северо-Восточного прохода. Он был, как и сам Амундсен, только разведчиком этих огромных пространств. Победителем стал наш Советский союз, где стихиям Севера противопоставляются энергия, воля и знание организованного коллектива, последовательно и планомерно изучающего законы, управляющие северными пространствами.

Несколько восточнее видны мачты радиостанции и небольшие строения. По липкой грязи, перемешанной со снегом, мы направляемся к ним.

Внезапно за огромным торосом показывается наш воздушный разведчик — самолет № 2. Он вытащен на берег. Как и на Диксоне, он и здесь попал в окружение льдов и, спасаясь от них, выбросился на мель. Теперь понятно, почему мы не имели никаких сведений о ледовитости моря Лаптевых.

Вскоре мы подошли к зимовке. Это некрасивое, приземистое здание. Сшитое из узких досок, с крайне низко поставленными окнами, оно производит впечатление неуютного и непригодного для Севера жилья. Зданию только один год, но кажется, что оно уже изживает свой век.

Около дома бегают разномастные собаки. Они с лаем окружают нас, повиливая хвостами. Их выразительные глаза с любопытством и ожиданием смотрят на пришельцев. Все они выглядят очень хорошо.

Старый черный пес с большим широким лбом пристально глядит на Журавлева.

— Колыма... Милый дружище!.. Старый ты чорт!..

Колыма радостно уткнулся лобастой головой в его ноги.

— Это мой вожак... На нем всю Северную Землю мы объехали... Эх, и умный же пес!.. Да здесь и другие приятели... Махно, Тускуп, Резвик...

Мы оставили Журавлева разговаривать со своими четвероногими друзьями и вошли в дом.

Из тамбура дверь ведет прямо в кухню. Вследствие этого она является самой грязной комнатой на зимовке. За кухней — кают-компания, или попросту столовая. Дальше — узкий коридор. Направо и налево от него — комнаты зимовщиков.

Было еще раннее утро. Зимовщики спали. Без всяких церемоний мы быстро подняли их.

— Пришли наконец! Мы ждали, ждали, да и уснули.

Скоро перед нами собралось все население мыса Челюскина.

— Газеты привезли?.. Письма где?

Товарищ Зингер вручает зимовщикам комплект газет весьма относительной свежести. Мы передаем им новости «большой земли».

Первым берет слово начальник станции Георгиевский.

— Зимовка прошла хорошо. Исправно работали метео- и радиостанции. Произвели геологическую съемку местности. Прошли гидрологическим разрезом пролив Вилькицкого на мыс Мессера. Эту работу выполняли уже весной, так как

только в марте окончательно замерз пролив. Порядочно успели и охотники: за зиму убили пятьдесят семь медведей, взяли около шестидесяти песцов, есть морж, заяц, белуха...

Делятся своими впечатлениями и другие зимовщики. Все, что они говорят, очень интересно, но на сегодняшний день нас больше всего интересует море Лаптевых.

— Товарищ Алексеев, как с разведкой на восток?

— Попали в положение хуже диксоновского. Едва спасли самолет... Разве здесь место для его стоянки!

Постоянно дрейфующий лед пролива исключает возможность спокойной стоянки аэроплана. Посадка и взлет его здесь всегда под вопросом. Глаза экспедиции — самолет опять не может помочь нам. Решение о дальнейшем ходе надо принимать на основе наблюдений за дрейфом льдов в проливе при разных ветрах. Спрашиваем зимовщиков:

— Бывали ли за последнее время дни, когда при восточном и юго-восточном ветре пролив Вилькицкого забивался льдом до восьми-десяти баллов?

— Нет, не бывало, — отвечает гидролог.

Пора ехать к пароходам, чтобы следовать дальше. Нельзя терять лишних минут. Все, что нам нужно, мы уже узнали на зимовке. Лесовозы могут итти самостоятельно без ледокола в море Лаптевых. «Красин» отправится за речными судами.

— Товарищ Георгиевский, уступи тонну мяса для моих собак, — просит Журавлев.

— Бери, — соглашается товарищ Георгиевский.

Мясо быстро погружено. Последнее пожатие рук.

— Встретимся в Ленинграде. Нас теперь сменят...

— Надеемся, что встретимся... Только не дело ежегодно сменять всю зимовку. Не передается никакой опыт...

По дороге катер подходит к «Правде».

— Вахтенный, передайте капитану, чтобы немедленно уходил самостоятельно на Нордвик.

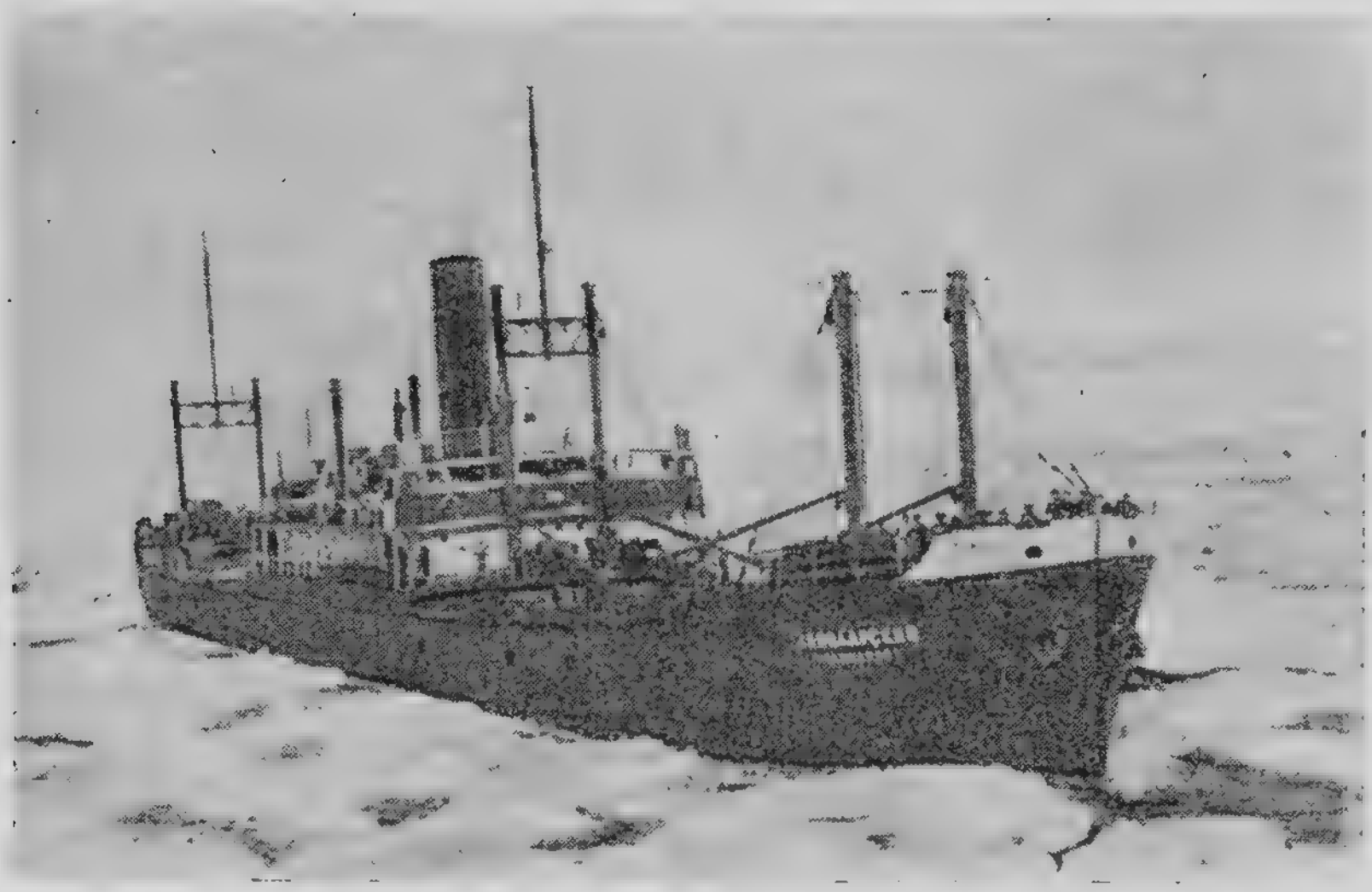
— Есть!

То же распоряжение дается «Володарскому». На него перебрасывают наши вещи с ледокола.

— А я как же? — волнуется капитан парохода «Сталин».— Один разве пойду?..

— К вам перейдет капитан Сорокин. Вы должны закончить бункеровку «Красина» и «Сибирякова». Потом идите в Тикси.

Последний визит к ледоколу.



«Володарский» во льдах. Море Лаптевых.

— Пойдете навстречу речному каравану, когда он будет выходить в поход. Пока же займитесь гидрологическими работами в проливе.

В семь часов «Володарский» и «Правда» вышли по назначению в бухту Тикси и в бухту Нордвик. Ветер сменился. Он подул с юго-востока, сначала слабо, затем, к двенадцати часам, немного усилился. Наступил давно ожидаемый момент, когда можно вызвать речную группу экспедиции. Теперь льды будут несколько отжаты от берегов.

Радиограмма-молния идет на Диксон с вызовом речной группы. Через час получили ответ:

«Иду курсом на остров Расторгуева. Прошу озаботиться авиаразведкой и высылкой ледокола. Модзалевский».

«Красин» двинулся навстречу речным судам — на запад от мыса Челюскина. Самолет остался на берегу: в проливе Вилькицкого он не имеет места для взлета.

Море Лаптевых неожиданно проявило себя совсем не таким, каким бы его хотелось видеть.

После прохода островов Самуила [1], унылых, плоских, лишенных привлекательных красок, начали показываться льды.

---

[1] Острова Самуила в настоящее время переименованы в острова «Комсомольской правды».

Сначала они шли отдельными полями, затем сплотились около «Володарского» большими массами. Между ними были видны небольшие разводья. «Володарский» то и дело меняет курс, лавируя по узким разводьям. Его корпус дрожит от толчков, как железный лист при сильном ударе.

С «Правды» пришла молния:

«Окружен льдами... Не знаю, что делать. Ложусь в дрейф...»

«Советую вернуть ледокол и итти в Тикси опять караваном», радирует пароход «Сталин».

«Володарский», находясь еще во льду, стал медленно покачиваться на волнах.

— Зыбь началась... Значит, близко открытая вода!

Радиограммой отвечаем «Правде», что имеем дело не с большим скоплением льдов, а только с одним очень большим разломанным полем, вероятно припаем, оторванным от Новосибирских островов. Необходимо выбраться самим, не ожидая помощи ледокола.

В таком же духе отвечаем и пароходу «Сталин».

Перед нами раскинулось широкое темное пространство моря. В пределах видимости — ни одного куска льда.

«Будем четвертого в бухте, — сообщает радиограмма, направленная в Тикси. — Готовьтесь к разгрузке».

2 сентября. Приход в бухту Тикси замедлился. Мы просчитались. После ледяных полей пришел сильный шторм при восточном ветре. «Володарский» качается на волнах, как небольшая лодка. Они непрерывно заливают всю палубу.

Временами попадаются ледяные поля и мелкобитый лед. Проходят заряды снега. Температура воздуха —1°.

4 сентября. Штормуем... В каюте сломались ножки непривинченного кресла. Все подвижные предметы убраны в ящики и шкафы. Зимовщики Ляховских островов и художник Рыбников перебрались из кормовых кают в кают-компанию: волны подмочили их кровати.

Синоптик товарищ Самойлова, пересевшая с «Красина», попрежнему ведет свои метеонаблюдения, но «пророчить» решительно отказывается. К нам не поступает никаких сведений с остальных метеостанций.

Температура — 1°. Восточный ветер — восемь баллов.

«Пятилетка» сообщила, что около островов Скотт-Гансена встретила тяжелые льды. Просит ускорить поход «Красина» и произвести авиаразведку. Ледокол близок к соединению с ней.

5 сентября. Шторм продолжается. Крен на «Володарском» доходит до 20°. С большим риском для себя работает команда по закреплению палубных грузов. Несколько бочек все же скатилось за борт.

Постоянная качка начинает надоедать. Но всего хуже то, что мы не двигаемся с места, теряем последние дни... По плану мы должны бы уже возвращаться обратно. Первые признаки наступающей зимы налицо. Температура воздуха и воды продолжает понижаться.

Сегодняшний день принес много неприятных новостей. «Правда» 3 сентября подошла к бухте Нордвик. Здесь она попала на мель. Корпус судна начало бить о песчаное дно. Так продолжалось около часа. Затем судно снова вышло на глубокую воду.

Повидимому, на «Правде» изрядная паника. Капитан собрал судовой совет, который единогласно решил итти разгружаться в бухту Прончищевой, где уже стоит «Русанов». Это меняет картину будущей работы геологической партии. Кроме того будет потеряно время на переход в новое место.

С парохода «Сталин» получено сообщение о повреждении рулевого управления во время шторма.

«Пятилетка» соединилась с ледоколом и следует за ним в кильватер.

Перехватили радио с «Седова». Он безуспешно пробивается к Северной Земле. Там лед — десять баллов...

«Володарский» продолжает стоять на месте. Его машина не в силах продвигать пароход против штормового восточного ветра.

6 сентября. Шторм наконец кончился. «Володарский» быстро пошел вперед, стараясь наверстать потерянное время. В воздухе нолевая температура.

«Правда» идет в бухту Прончищевой пока без приключений. Повидимому, там нет льда. Пароход «Сталин», под командой капитана Сорокина, продвигается успешно. Надо полагать, что теперь уже побеждены все препятствия.

7 сентября. Слабый ветер с запада. Температура воздуха — 2°. Вдали показался низменный остров Мостах с типичными для Севера сероватыми линиями и красками. На острове нередко находили кости мамонта. Глубины в этих местах незначительные — пять-шесть саженей. Встречаются отмели.

В двадцать два часа «Володарский» подошел к входу в бухту Тикси. Полярный день уже кончился. Наступило

регулярное чередование светлого и темного времени. Но ночь еще коротка. На далеком берегу видны небольшие огни. Пароход остановился в ожидании лоцмана. Жизнь на пароходе постепенно затихла. Усталая команда отдыхала от тяжелого похода. Только вахтенные остались на своих местах.

Пароход «Сталин» следует курсом 123°. Он уже исправил свои повреждения. Его путь иногда застилают снежные заряды и туман.

С «Правдой» новое несчастье. К двенадцати часам она подошла к бухте Прончищевой. В трех милях от нее стоял «Русанов». Кругом двигался крупнобитый лед. В двенадцать часов она попала на мель, и притом очень основательно.

Можно понять посадку «Правды» на мель в бухте Нордвик, где никто не плавал. Но сесть на мель там, где уже прошел «Русанов» с гораздо большей осадкой, можно было только при отсутствии необходимой осторожности, тем более, что капитан был предупрежден о наличии отмели.

«Русанов» получил распоряжение оказать «Правде» необходимую помощь.

«Красин» ведет за собой «Пятилетку». В его районе уже идет густой снег, сокращая горизонт видимости до пяти миль.

Перехваченные с «Седова» радиограммы говорят о крайне тяжелых льдах у берегов Северной Земли. Все попытки парохода достичь островов Каменева, куда он везет новую смену зимовщиков, пока безуспешны.

«Сибиряков» интенсивно разгружается на мысе Челюскина.

В БУХТЕ ТИКСИ

8 сентября. Мутный рассвет наступил в пять часов утра. «Володарский» поднял якорь и пошел в глубь бухты Тикси. Впереди открылась красивая панорама горных сопок, покрытых снегом с подошвы до самой вершины. От них к морю спускается низкая отмель. Там стоит несколько палаток и начатый постройкой дом. На прибрежной полосе разбросано разное имущество.

К борту подошел катер, привезший представителей Якутской республики и начальника порта Михайлова. По их указаниям, «Володарский» медленно идет в направлении залива Булункан, около которого будет происходить разгрузка. В семь часов раздалась команда:

— Стоп машина! Спускай якорь!..

«Володарский» закончил свой путь, покрыв расстояние от Диксона до бухты Тикси в тринадцать дней в трудный ледовый год. Этим побит рекорд Норденшельда, проделавшего тот же рейс в семнадцать дней в легкий год.

Перспективы разгрузки далеко не блестящи. Речные суда, не дождавшись нашего прихода, ушли вверх по Лене, боясь замерзнуть в пути. Нам нужно будет возвращаться гораздо более трудным путем. Но никто даже не помышлял о том, чтобы остановить поход и итти обратно из-за боязни зимовать.

Для разгрузки пяти тысяч тонн нам оставлены только семь барж по двести тонн каждая. Нет ни одного буксира.

Прошло уже несколько часов, но к борту парохода не подведена ни одна баржа. Ожидание становится нестерпимым. На подъехавшей лодке выехали на берег.

В глубине залива Булункан стояла «речная армада». Она даже не собиралась подходить к борту.

Спариваем два слабосильных пассажирских катера и пы-

таемся буксировать ими баржу. Катера отрегулированы плохо: один начинает работать, другой в это время останавливается. Вместо прямой линии получаются зигзаги. Морская волна при такой работе катеров легко выбрасывает их на берег.

Только в двенадцать часов удалось наконец подвести первую баржу и начать разгрузку. Дальше дело пошло лучше.

Якутские грузчики работали с большой продуктивностью. Начальник разгрузки Земцов — постоянный участник карских экспедиций и бывший капитан «Пятилетки» — перенес сюда опыт хорошей организации.

Весело и дружно работает также команда «Володарского». Там мобилизованы все. Даже доктор Диденко переквалифицировался в лебедчика.

На пароход приходят экскурсии, собранные из населения Якутской республики. Их проводят во все отделения судна, показывают им машины, инструменты, привезенный груз... Весело улыбаются черные монгольские глаза... Через экскурсантов в самые глухие углы местной тайги и тундры пойдет слух о новом пути, проделанном морскими громадинами. Пройдет очень немного времени, и из среды коренного населения республики выйдут активные работники и организаторы. Они пойдут на пароходы Северного морского пути, на заводы и предприятия Севера.

Пароход «Сталин» продвигается быстро. Не позднее завтрашнего дня он также будет в бухте Тикси. Но на нем случилось самое страшное, чего может опасаться пароход. В семь часов вахтенный заметил дым, выходящий из кормового люка. Вскрытие люка показало, что там начался пожар. Судно, начиненное баллонами с водородом, покрытое бочками с бензином, превратилось в плавучую мину, фитиль которого уже горел самым сильным огнем.

Мы бессильны подать пароходу какую-либо помощь. Ему приходится бороться с огнем собственными силами. В дело пущены шланги. Работа в трюме оказалась невозможной. Едкий дым вызвал легкое отравление нескольких человек. Пришлось наглухо задраивать оба люка, прекратив доступ воздуха к ним, и открыть паротушители. Палуба сильно нагрелась. Ее непрерывно охлаждают водой.

9 сентября. Утром подошел «Сталин». Его люки по-прежнему наглухо задраены. Около грот-мачты обнаружена значительная выпучина. Она образовалась в результате силь-

В бухте Тикси.

ного давления изнутри парохода. Баржа за баржей отходят от судна, освобождая его от горючих веществ. Надо отдать честь команде и капитану Сорокину. Усталые от постоянного аврала, они работают с прекрасной бодростью и великолепной энергией.

«Правда» продолжает стоять на мели, начав разгрузку на пароход «Русанов». Часть малоценных грузов складывается на плавучий лед. Уголь на «Правде» также близок к самовозгоранию. Его температура + 60°.

«Пятилетка» попрежнему идет среди тяжелого льда, стараясь держаться ближе к ледоколу. Удары льда настолько сильны, что на ней лопнул один шпангоут. Но пока это не представляет опасности.

В воздухе уже ясно чувствуется приближение зимы. Гуси покидают район, стаями поднимаясь высоко над пароходами. На вязкую землю падают густые, мокрые хлопья снега. Среди некоторой части приехавших зимовщиков заметно понизилось настроение. Эта голая, безотрадная пустыня рисует далеко не радостные перспективы. Отсутствие построенных помещений удручает всех.

Уже сейчас намечается тот естественный отбор, который произойдет в ближайшем будущем. Энергичный народ

останется здесь, построит себе дома и проделает нужную научную работу. Те же, что ожидали найти на Севере нечто вроде картин, нарисованных Джеком Лондоном, вернутся обратно. Чем скорее они уйдут, тем легче и продуктивнее будет зимовка.

10 сентября. С «Володарского» послана бригада на пароход «Сталин» для тушения пожара. Все мобилизованы, чтобы ликвидировать огонь как можно быстрее.

В час дня люк был открыт. Из него вырвался густой дым и показался огонь. Шланги не помогли. Приступили к накачке воды в трюм, продолжая разгрузку.

11 сентября. Разгрузка пароходов «Володарский» и «Сталин» идет с большими перебоями из-за недостатка речного тоннажа. Катера, подводящие баржи, уже попортились, так как они совсем не приспособлены к такой работе. Пожар на «Сталине» ликвидирован. Попорченных грузов не так много, как можно было опасаться. Выясняются причины пожара. Решающую роль сыграло, повидимому, самовозгорание угля. Штормом разбита часть бутылей с медикаментами. Это также могло усилить воспламеняемость угля и груза.

12 сентября. В бухту Тикси вошла «Пятилетка» с лихтером. Все с восторгом приветствовали благополучное окончание ее героического похода. Суда пришли в полной исправности. Глубокие вмятины на их корпусах свидетельствовали о трудности пути по Ледовитому океану. Весь переход от Диксона до Тикси был совершен в 9½ суток. Рекорд скорости, поставленный морскими судами 1-й Ленской экспедиции, был побит «Пятилеткой».

К лихтеру с обоих боков немедленно пришвартовались «Володарский» и «Сталин». Работа теперь закипела...

14 сентября. Получена странная радиограмма с «Седова». Он не мог дойти до Северной Земли. Льды плотно охватили этот остров. Зимовщики острова должны остаться на повторную зимовку. Поскольку они обеспечены еще на год продовольствием и топливом, это не страшно. Вообще говоря, посылка на зимовку на срок менее двух лет совершенно не достигает цели. Только на второй год, когда уже имеется накопленный опыт, можно ожидать продуктивной работы.

«Седову» предложено итти в бухту Тикси на разгрузку. Кто мог подать ему такую мысль? В бухте нет тоннажа

для приемки груза. Ясно видно наступление зимы. «Седова» ожидает здесь верная зимовка.

«Красин» и «Сибиряков» сообщают о начавшемся замерзании моря и о большом количестве льда в проливе Вилькицкого.

Самолет, оставшийся на мысе Челюскина, с большими усилиями выведен «Сибиряковым» на чистую воду.

Командир самолета Алексеев сообщил сегодня, что ввиду скопления льдов, представляющих опасность для его машины, он вылетает на Диксон, не дожидаясь нашего возвращения.

Это создает для нас серьезную угрозу. Итти без авиаразведки будет очень трудно.

15 сентября. Разгрузка на «Володарском» закончилась... Пароход «Сталин» к вечеру также очистит свои трюмы от всех остатков.

Начался прием обратных грузов. Их, к сожалению, немного — только аэроплан и бензин.

Якутская республика не может еще дать нам свои грузы. Ее природные богатства остаются пока неиспользованными. Так было и на Енисее, когда туда приходили первые морские пароходы. Теперь там обратных грузов больше, чем грузов прямого направления. Карские экспедиции разбудили этот дремлющий край. Не так далеко время, когда и река Лена также будет давать нам не меньшее количество своих грузов. Они создадутся нашими рейсами.

«Русанов» снял с мели «Правду», освободив ее от значительной части груза. Она вышла на чистую воду. До конца разгрузить ее не удастся: нет ни времени, ни места для выгруза.

«Сибиряков», отправившийся на помощь «Правде», вернулся обратно и пошел в направлении острова Диксон. Днем раньше ушел туда и «Седов», окончательно отказавшись от мысли достичь Северной Земли.

В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

16 сентября. Сегодня день прощания с населением Якутской республики и представителями ее правительства. На коротком прощальном митинге принята резолюция, в тот же день отправленная ЦК ВКП(б) — товарищу Сталину, и правительствам СССР, РСФСР и Якутской АССР.

Резолюция заканчивалась словами:

«В Ленской экспедиции дело индустриализации Якутской АССР получило новую творческую основу. Под руководством партии и правительства новые богатства станут на службу народному хозяйству.

Морские суда уходят в обратный путь.

Приведенные речные суда вступили в строй речного флота Лены и семнадцатого поведут первый караван грузов, полученных с западной части Северного морского пути. Собрание заверяет партию и правительство, что на последнем этапе экспедиции экипажи судов примут все меры к скорейшему благополучному ее окончанию.

Да здравствует коммунистическая партия большевиков и ее любимый вождь товарищ Сталин!

Да здравствует Союз социалистических республик!»

От имени якутского правительства отдельным участникам экспедиции вручены почетные грамоты. Оба парохода — «Володарский» и «Сталин» — получили ценные подарки для премирования наиболее энергичных работников из команды и комсостава.

В три часа раздались прощальные гудки пароходов. Оставшаяся в Тикси «Пятилетка» ответила своим гудком за весь ленский флот.

В походе и на разгрузке морские суда выиграли много времени по сравнению с плановым сроком. Но это не могло покрыть общего запоздания, происшедшего в пути от

Архангельска до Диксона. Оно только сократилось с 19 до 6 суток.

Пароходы идут открытой водой. Быстро скрылся южный берег Булункана. Изредка проносятся молчаливые белые чайки.

«Правда» продвигается вдоль берега Восточного Таймыра, также по чистой воде. Зато «Русанов», ее освободитель, попал в тяжелое положение. Льды заперли его в бухте Прончищевой и там, в узком пространстве, теснят его со всех сторон.

Капитан Ерохин сообщает радиограммой: «Мечусь от льдов из конца в конец. В крайнем случае выброшусь на мель, чтобы спасти пароход».

Запрашиваем:

«Можем ли чем вам помочь?»

«Выйду сам, как только начнется отлив, лишь бы продержаться часы прилива...»

«Красин» идет наперерез пароходам, сообщив, что в его районе молодой лед уже достиг значительной толщины.

18 сентября. Пароходы быстро продвигаются на северо-запад. Иногда встречается блинчатый лед. Температура вчера и сегодня — 7°. Дует норд-вестовый ветер, самый неблагоприятный для нас.

Ночью загорелось над нами северное сияние. Оно еще не сильное, но его появление наполняет нас тревожными сомнениями. До мыса Челюскина надо еще подниматься свыше трех градусов. Здесь десять дней тому назад стояла открытая вода, сейчас же мы идем уже довольно прочным молодым льдом. Сейчас «Володарский» режет его довольно легко. Но чем дальше мы удаляемся на север, тем труднее становится продвижение.

Морское плавание превратилось в ледяное плавание. С неприятным скрежетом и шумом раздвигается лед под тяжестью парохода. Мы выполнили основное задание Совнаркома — сдать грузы Якутской республике. Нам надо еще опровергнуть мнение Норденшельда, что Северный морской путь между Леной и Европой не может быть использован для хозяйственных целей.

Вдали показался дымок «Красина». Немного меняем курс, чтобы скорее «склиниться» с ним. Это обещает более быстрое продвижение всего каравана.

Встретились смерзшиеся поля мелкобитого льда. «Володарский» и «Сталин» обходят их в направлении «Краси-

на». В шестнадцать часов суда пошли в кильватер за ледоколом.

«Правда» еще 17 сентября легла в дрейф и ожидает нашего подхода. «Русанов» выбрался из своей ледяной тюрьмы в бухте Прончищевой и идет на соединение с нами.

В двадцать два часа пароход «Сталин» дал сигнал остановки. Машина его перестала работать. От удара о льдину погнулась лопасть и затормозила ход судна.

19 сентября. Караван стоит среди сплошного плавучего льда, непрерывно дрейфуя с ним на юг со скоростью полмили в час. В ледяной воде идет энергичная работа по срезке согнувшейся лопасти. В помощь пострадавшему пароходу перевели на него часть команды «Красина». Но только в 13 часов 50 минут, потеряв на срезке лопасти свыше пятнадцати часов и около восьми миль пройденного до дрейфа пространства, экспедиция получила возможность двинуться вперед.

Через сорок минут новая остановка. На пароходе «Сталин» сломалась валоповоротная машина. На исправление ее ушло около часа.

К вечеру к каравану присоединился «Русанов». Он шел, с трудом разрезая лед. С его приходом увеличились наши силы, так как по пути он будет обкалывать «Володарского», не отвлекая на эту работу «Красина».

«Сталин», как наименее надежное судно, идет вслед за ледоколом.

20 сентября. Разреженный мелкобитый лед. Он почти не задерживает каравана. Больше не слышно шума ломающихся под ударами ледокола льдин. Меланхолией надвигающейся ночи окутано все пространство. Изредка раздаются стонущие голоса оставшихся здесь стаек люриков и чистиков. Они держатся на воде среди льда и не улетают при виде каравана.

В шесть часов к каравану присоединилась «Правда». Теперь все в сборе.

Показались острова Самуила. Они окружены тяжелым припаем и плавучими ледяными полями. Идем в обход их, держа курс несколько северо-западнее в направлении пролива Вилькицкого.

В двадцать часов прошли мыс Челюскина. От начальника зимовки Рузова получили радиограмму с просьбой остановиться на несколько часов для разрешения некоторых вопросов. Из Москвы также есть поручение взять

с мыса два самолета «У-2» и вывезти их в Мурманск. Но об остановке каравана в этом тяжелом месте не может быть и речи.

21 сентября. Льды сгустились вокруг каравана. Темная ночь закрыла всю перспективу. Течение в проливе Вилькицкого уносит остановившиеся суда обратно — на восток.

В четыре часа утра наступил рассвет. Караван двинулся вперед. Через сорок минут пароход «Сталин» дал сигнал остановки. Вновь перестала работать машина, согнулась другая лопасть винта.

Дано распоряжение отломать ее и следовать дальше.

«Правда» отстает от каравана. Она также потеряла лопасть. Целым остался только «Володарский».

Лишь в семь часов вечера пароход «Сталин» получил возможность двигаться. Караван направился в путь.

В 21 час 25 минут во льду застряли «Сталин» и «Володарский». Ледокол повернул к ним для освобождения их от льдов. В двадцать два часа опять остановка. За вахту прошли только девять миль.

Наступившая ночь не позволяет уверенно двигаться вперед. Невидимые льды с глухим шумом бьют о борт «Красина». От их ударов ледокол бросается в сторону. Прямой курс сменяется зигзагообразным.

«Володарский», идущий сзади, просит о помощи: его зажали льды. Просит помочь и «Правда». Надо остановиться до рассвета...

22 сентября. В эти три часа утра пошли вперед. «Красин» едва пробивает дорогу среди крупнобитого торосистого льда. Караван с трудом продвигается по проложенному ледоколом каналу. Ветер крайне слабый — не более двух баллов.

Уже два дня подряд экспедиция борется со льдами, не продвинувшись дальше мыса Челюскина. Ничтожный выигрыш пространства за день бесследно поглощается ночной остановкой.

С «Сибирякова» получена радиограмма о помощи. Его зажало тяжелыми льдами в районе архипелага Норденшельда.

Итак, впереди еще худшие ледовые условия. В районе залива Толля зимовка пароходов невозможна. Там происходит беспрерывная подвижка льдов, по крайней мере до тех пор, пока не замерзнет пролив Вилькицкого. Наши паро-

ходы не выдержат мощных сжатий льдов. Остановка в дрейфующем льду — гибель для них.

Надо попытаться произвести авиаразведку с помощью взятого в бухте Тикси самолета. Товарищ Линдель и Игнатьев готовяться к вылету.

«Красин» получил распоряжение итти на самостоятельную разведку к северу. Он пошел вперед, с трудом прокладывая себе дорогу среди торосистых ледяных полей, спаянных уже плотным молодым льдом. Налетела сильная снежная пурга и закрыла весь горизонт. Ледокол остановился. На мачтах нависли ледяные иглы. Прогнозы метеорологов о быстром наступлении зимы оправдались с полной очевидностью.

23 сентября. Авиаразведка не удалась из-за отсутствия летной погоды. Но, в сущности, она уже и не нужна. Ситуация льдов совершенно ясна. Ветер сменился на восточный. Он еще подогнал льда в пролив Вилькицкого. Всюду видны плоские льдины и целые ряды торосов.

«Сибиряков» вторично дал характеристику льдов в районе архипелага Норденшельда. Она ухудшилась за последние сутки.

Необходимо отступать на зимовку. Дальнейшие попытки продолжать рейс приведут только к гибели судов и людей...

Придет ли южный ветер, который нам так нужен? Все данные синоптики говорят о том, что он придет. Но придет тогда, когда уже будет поздно, когда весь пловучий лед будет скован в одно неподвижное целое поле.

Надо выводить лесовозы из дрейфующего льда и дать возможность «Красину» уйти с «Русановым» на помощь «Сибирякову».

Тяжело давать приказ об отступлении перед силами природы, когда уже побеждена большая часть трудностей, когда от чистой воды нас отделяет не более 100 миль. И все же надо отступить в безопасное для судов место, так как дальнейшее продвижение вперед было бы продиктовано только трусостью перед зимовкой.

Сквозь ночную тьму начинают пробиваться сумеречные лучи света. В грязно-серый цвет оделись окружающие льды. Стали видны корпуса пароходов. Пора сниматься с ледяного якоря. Гулким гудком будит «Красин» дремлющие пароходы. Один за другим откликнулись они, готовые следовать в кильватер за ледоколом.

Возвращение на зимовку к острову Самуила из пролива Вилькицкого.

— Куда вести пароходы? На восток или на запад?

— На восток... На зимовку...

Другого выхода нет. В этот трудный ледовый год лесовозам нельзя пройти путь к устью Лены и обратно в одну навигацию. Это сделает «Красин» с двумя ледокольными пароходами — «Русановым» и «Сибиряковым».

Выводы Норденшельда неприемлемы для нашего времени. Этот путь проходим даже в тяжелых ледовых условиях,— в этом случае судами, приспособленными к плаванию во льдах, а не лесовозами. Слишком резка разница между силами лесовозов и силами ледокола, слишком слабы их корпуса...

Караван повернул обратно к островам Самуила. «Красин» пробивается ударами, беря с боем каждую милю. На суда, обреченные на зимовку, по радио послан приказ:

«... приказываю остановить дальнейшее продвижение каравана на запад, вернуть для зимовки лесовозы «Володарский», «Правда» и «Сталин» в район островов Самуила.

После постановки судов на зимовку ледоколу «Красин»

продолжать поход на запад, взять под свою проводку пароход «Русанов» и сжатый льдом пароход «Сибиряков».

Капитанам судов «Володарский», «Правда», «Сталин» предлагаю срочно проверить оставшийся на зимовку штат, списав излишнее количество людей на борт «Красина» и парохода «Русанов», обеспечив их всех нужной одеждой и материалами на случай вынужденной зимовки.

Начальнику геологической экспедиции Урванцеву предлагаю остаться на зимовку, подобрав нужный штат специалистов и рабочих для полного изучения района зимовки с точки зрения геологической, метеорологической, охотоведческой и т. д. Руководство этой работой поручается товарищу Урванцеву. Излишний штат экспедиции, находящийся на пароходе «Правда», списать на пароход «Русанов», обеспечив последний всем необходимым на случай вынужденной зимовки.

Командир парохода «Володарский» товарищ Смагин Николай Васильевич назначается групповым капитаном зимующих морских судов. Поручаю товарищу Смагину озаботиться надлежащей постановкой судов и вести наблюдение за их состоянием за весь период зимовки. Моему заместителю, товарищу Сорокину Михаилу Яковлевичу, и всем лицам, относящимся к штабу Ленской экспедиции, предлагаю перейти на ледокол «Красин» для дальнейшего следования к месту назначения.

...Сделав все возможное для проведения каравана вперед, мы должны принять все меры к сохранению и наилучшему использованию оставшейся группы людей и к сохранению в целости кораблей и другого имущества.

Мы должны выполнить свой долг перед партией и правительством до конца.

Начальник Ленской экспедиции Лаврова».

В двенадцать часов мы увидели острова Самуила. Раздались удары «Красина» о лед неподвижного припая, соединившего в одно целое эти острова.

В это время на зимующих судах происходил отбор зимовщиков. Самые слабые физически и морально неустойчивые списывались на ледокол «Красин» и пароход «Русанов». Наиболее стойко вели себя архангелогородцы.

— Зимовать, так зимовать...

Многие из команды «Красина» просили оставить их на зимовку. Но нельзя было удовлетворить их просьбы. Ледо-

колу предстояла еще тяжелая борьба в дальнейшем походе на запад.

Капитан «Русанова» Ерохин спустился на лед для прощания с земляками.

— Товарищ Ерохин, остался бы ты на зимовку вместо капитана одного из лесовозов.

Предложение сделано конечно в шутку. «Русанову» самому, возможно, придется перезимовать во льдах. Это сильное ледокольное судно может стать на зимовку даже в районе архипелага Норденшельда, где лесовозы не имеют никаких шансов на спасение.

Вынужденная полярная зимовка совершенно не сравнима с зимовкой, заранее организованной. Она угнетающе действует на психологию остающихся зимовать людей. Нужен определенный запас мужества и энергии, чтобы быстро преодолеть угнетенное состояние и примириться с мыслью о долгой разлуке с близкими.

Совместно с товарищем Урванцевым наскоро составляем программу научных работ. Для выполнения их с нами остаются восемнадцать человек научных работников и обслуживающего персонала.

Вездеходы, собак, палатки и нужные приборы оставляем при себе.

— А мне уходить или зимовать с вами? — спрашивает художник Рыбников.

Он сделал во время экспедиции много хороших эскизов и набросков. Соблазнительно оставить и его, чтобы не только полярный день был отображен на полотне художника, но и полярная ночь. Но тогда его картины не попадут на зимнюю полярную выставку. Кроме того мы не можем позволить себе роскошь иметь хотя бы одного лишнего человека. Нет гарантии, что мы не вынуждены будем объединиться в бункере одного из пароходов.

— Перебирайтесь на «Красина». Поедем с вами на зимовку в следующий раз.

На «Русанове» новыми людьми забиты все помещения. Судно слабо обеспечено медицинской помощью. Нам же достаточно двух врачей.

— Отпустите с нами доктора Мейера, — просит «Русанов».

Это один из лучших хирургов московских больниц. Было бы конечно нецелесообразно удерживать его на зимовке, где скорее нужен терапевт, а не хирург...

Доктор Мейер перебирается с «Правды» на «Русанова». Его должна заменить врач Урванцева, почти постоянная спутница своего мужа в его полярных скитаниях.

— А я останусь? — спрашивает доктор Диденко с парохода «Володарский».

Он — коммунист, в прошлом партизан гражданской войны, теперь опытный терапевт.

— Конечно. Вы будете у нас представлять Наркомздрав — на островах Самуила.

— Возражений не имею, — соглашается Диденко и уходит «грабить» аптеку «Красина».

Подбор зимовщиков островов Самуила закончен.

— Можно уходить? — спрашивают «Красин» и «Русанов».

— Счастливый путь!.. До будущего года!..

Зимовщики, столпившись на краю припая, молча смотрят вслед уходящим пароходам, откуда несется последний привет:

— Про-щай-те!..

Зимовка судов 1-й Ленской экспедиции началась.

ЗИМОВКА НА ОСТРОВАХ САМУИЛА

Три парохода прижались бортами друг к другу, окруженные со всех сторон ледяным припаем. Вдали, на севере, виднелись полосы открытой воды, прерываемые тяжелыми ледяными полями. Корпуса судов еще не вмерзли в лед и в такт набегающему ветру колыхались в своей полынье.

Там, где шли «Красин» и «Русанов», заманчиво чернели водяные полосы. Взгляды невольных зимовщиков устремлялись к ним с тайной надеждой: а вдруг начнется отжимный ветер.

Но всюду — сплошное ледяное небо. Льды заполнили все пространство в районе, где еще совсем недавно пробивались, ища прохода, суда 1-й Ленской экспедиции.

«Правда» стала на зимовку, сохранив только две лопасти из четырех. Пароход «Сталин» остался с двумя лопастями и пробитым форпиком. Целым оставался один «Володарский».

Солнце, выглядывавшее иногда из облаков, ярко освещало блестящее белое поле льдов и поднимавшиеся вдалеке темноватые горбы островов Самуила. Снег покрыл их только частично. Сквозь его белизну отчетливо выступали черные камни. Местами они торчали, как надгробные памятники, местами же напоминали фундамент давно разрушенного здания. Словно остатки его стен, они валялись здесь же в виде темных, поросших мхом плит.

Эта картина особенно ярко подчеркивала пустынность, оторванность Арктики, ее величавое, грустящее безмолвие...

«Неужели в этом жутком месте придется пробыть целый год?» говорили лица зимовщиков.

Общее собрание нового населения островов Самуила внимательно выслушало сообщение о причинах постановки судов на зимовку. Прогнозы метеорологов о раннем насту-

плении зимы оправдывались у всех на глазах. Мороз уже достигал — 7° Ц. Разломанные «Красиным» льды снова спаялись в одно целое за самое короткое время.

«Остановка на зимовку правильна и подтверждается всем дальнейшим положением льда между мысом Челюскина и архипелагом», радировали партийцы «Красина» и «Русанова».

— Зимовка неизбежна для наших лесовозов. Проведем ее по-большевистски, как подобает гражданам Советского союза, — решило первое общее собрание.

Здесь же, на собрании, были созданы партийные, профсоюзные органы и редколлегия стенгазеты. Секретарем партячейки зимовки был избран товарищ Лоренц, один из наиболее крепких партийцев зимовки. Собрание одобрило назначение товарища Смагина, капитана парохода «Володарский», групповым капитаном и заместителем начальника зимовки, товарища Белозерцева — групповым механиком и товарища Урванцева — руководителем всей научной работы. Товарищи Диденко и Урванцева были назначены врачами зимовки. Товарищ Тимофеев, старший штурман парохода «Сталин», принял на себя обязанности по распределению рабочей силы на разных участках работы. Товарищ Болотников должен был заняться распределением по пароходам продовольственных запасов. Необходимо было пополнить эти запасы для парохода «Сталин», где они частично сгорели во время пожара.

★

Жизнь новых поселенцев острова Самуила уложилась в привычные советские рамки.

Цынга и полярная склока — две основные болезни полярных и приполярных окраин. Цынга — результат неправильного и недостаточного обмена веществ, физического истощения и ослабления. Полярная склока — результат недостаточного духовного обмена, постоянного вынужденного общения с одними и теми же людьми. Обычно и та, и другая сказываются особенно остро в конце зимовки, когда более или менее основательно исчерпываются все запасы энергии и физических сил человека.

Необходимо противопоставить обеим болезням такой образ жизни, который давал бы как можно меньше пищи для них. Это соображение и определило в основном программу работ и распорядок жизни на трех зимующих пароходах.

Зимовка пароходов 1-й Ленской экспедиции во льдах островов Самуила.

— Живя в бункерах, мы сохраним на зиму несколько больше угля, чем если будем жить в каютах. Но жизнь в бункерах создаст и весьма благоприятную почву для развития обеих полярных болезней.

— Будем жить в каютах на двух пароходах. Это даст нужную экономию угля. В случае крайности переберемся в бункера после полярной ночи...

Суда спаялись в один организм общими трубопроводами, получая по ним тепло от котла парохода «Сталин», стоящего посредине.

Где взять антицынготные продукты? Как распределить остатки лимонов, лука и чеснока?

Всего хуже в этом отношении обстояло на пароходе «Сталин». Там за время рейса в бухту Тикси успели уничтожить выданный ранее запас лимонов и овощей и зарезать почти весь живой скот.

— Все должно быть обобщено и распределено пропорционально количеству людей на пароходах, — единогласно решил треугольник зимовки.

Кроме того решено было организовать на судах «животноводческий колхоз». Оставшиеся свиньи были собраны на

одном пароходе, где и было налажено правильное свиноводство.

Эти животные чувствовали себя на 77° северной широты вполне удовлетворительно. Коровы же, несмотря на теплое помещение и хороший корм, начали быстро худеть. Они явно не переносили условий жизни в Арктике. Скоро пришлось их убить.

Физический труд необходим в Арктике каждому зимовщику. Он укрепляет и освежает весь организм. Благодаря решению остаться в каютах зимовщики островов Самуила имели возможность заниматься физическим трудом. Для питания котла, обогревающего все пароходы, надо было доставлять ежедневно около четырех-пяти тонн пресной воды. Кроме того надо было доставлять воду для питья, кухни и других хозяйственных нужд.

В море, где стояли суда на зимовке, не было пресной воды. Снежный покров на льду был еще недостаточен, чтобы можно было пользоваться им для удовлетворения всех потребностей. Воду надо было брать из морского льда.

В небольших полостях одногодичного морского льда содержится рассол различной концентрации. Она тем сильнее, чем ниже температура льда. Поэтому одногодичный лед совершенно непригоден там, где требуется пресная вода.

Существует мнение, возможно граничащее с предрассудком, что даже небольшая примесь морской соли к воде, при постоянном ее употреблении, предрасполагает к цынге. С этим приходилось считаться.

Для питья мог быть использован только двухгодичный и трехгодичный лед. Под влиянием весеннего таяния полости его, содержащие рассол, раскрываются, и рассол вытекает. Верхние слои льда опресняются при этом и становятся вполне пригодными для употребления.

Пароходы со всех сторон были окружены торосами нужного нам качества. Надо было взломать их и затем подвезти к судам.

— Египетская работа, — ворчали некоторые из зимовщиков.

Однако это задание не подлежало дискуссии. Работа, действительно, предстояла тяжелая. Но она была нужна как для жизни зимовки, так и для предохранения людей от цынги.

Наряду с заботами о физическом здоровьи зимовщиков необходимо было подумать и об их моральном состоя-

нии. Требовалось создать такую обстановку, при которой, по возможности, каждый человек имел бы интересную целевую установку в течение всего пребывания в Арктике.

Люди, приезжающие в Арктику с определенным решением остаться здесь на зимовку, заранее имеют такую установку: один займется метеорологией, другой — гидрологией, третий — какой-нибудь иной работой. У таких людей сразу же создается деловая психология.

Такую же деловую психологию предстояло создать и на нашей вынужденной зимовке.

Среди команды было много молодежи, достаточно подготовленной для занятий в мортехникуме, а среди комсостава нашлись преподаватели. Последовал вывод: организуем мортехникум по программе Наркомвода, для тех же, кто не подготовлен к занятиям, создадим кружки по повышению квалификации.

Наркомвод очень чутко отнесся к этой идее. Он не только одобрил ее, но и позволил составить на зимовке экзаменационную комиссию, предоставив ей право выдать аттестаты окончившим мортехникум. Это сразу подняло авторитет нового учебного заведения, созданного в ледяных просторах Арктики.

Молодежь быстро сорганизовалась. Перспектива превратиться во время зимовки из матроса в штурмана, из кочегара или машиниста в механика для значительной части зимовщиков наполнила жизнь определенным смыслом и содержанием.

Созданы были также два кружка по изучению истории партии и политической экономии. Они были тем более необходимы, что знанием этих предметов водники не отличались.

— Выходит у нас неплохо. Зиму проживем, как надо. Не так уж страшно, — улыбался Жора Подобедов, самый младший из всего комсостава.

Всегда веселый, общительный, он скоро сделался другом большинства зимовщиков.

— Что же? Только учиться да работать будем? Нет, надо еще что-нибудь придумать и для развлечения.

Деловую мысль Жоры подхватили и остальные товарищи.

Бункер одного из пароходов превратили в клуб. Там быстро выросла эстрада. Красные флаги украсили грязные стены. Брезент служил вместо занавеса.

Правду сказать, наш театр выглядел неказисто, но «публика» была вполне им довольна.

Нашлись и артисты, и музыканты самых разнообразных дарований.

— А ты будешь у нас за примадонну, — обратился один из организаторов театра к комсомолке Ане.— Да ты чего губы надула? Зимовки боишься?

— Не-е-ет... Сегодня Фрам мою кошку задавил, — сокрушалась Аня.

Фрам, великолепный полярный пес, взятый из диксоновской стаи, конечно не потерпел присутствия в Арктике кошки и воспользовался первым же случаем, чтобы ее придушить.

Намеченный план жизни начал как будто создавать перелом в настроении. Этому способствовало и внезапное посещение зазимовавших пароходов представителями «местного населения».

Со стороны моря, не торопясь, шел к нам небольшой белый медведь. Подойдя к выгруженному бензину, он осмотрел его очень внимательно и двинулся дальше. Только около самого борта зверь остановился, поводя черным носом, чтобы лучше понять: в чем же тут дело?

Но понять ему так и не пришлось. Несколько пуль в голову и в разные места туловища — и медведь был убит наповал.

— Свежее мясо само приходит. Не ходи на базар! — ликовала зимовка.

— Неужели мы будем есть медведя? — брезгливо сморщилась одна из уборщиц «Правды». — Никогда не дотронусь!

— И как еще будешь есть! Прибавки попросишь, — успокоили ее охотники.

В это время, запыхавшись и волнуясь, подбежал старший механик:

— Около винта «Володарского» морж вылез...

Действительно, там виднелась черная голова с большими белыми клыками.

Красотой этот зверь далеко не отличался. Редкие усы на губах, морщинистая кожа, тупое окончание морды, свисающие большие клыки отнюдь не делали его привлекательным.

Увидев людей, морж и не подумал скрыться. Видимо, они были для него в новинку. Раздались одинокие поспешные

выстрелы. Морж только удивленно повертел головой. Толпа людей быстро увеличивалась около него. Стоял невообразимый шум. Выстрелы хлопали один за другим. В конце концов это зверю надоело. Глухо замычав, он ушел под воду от негостеприимных пришельцев, не будучи даже ранен.

— Выругался, наверное, по-моржовому... Эх, вы, стрелки!

— А вы не толкайте под руки, да не орите скопом,— несколько смущенно оправдывались охотники.

— Ну, медведя-то мы съедим, а моржатину... спасибо. Собакам скормим.

Впоследствии ели конечно и моржатину, не отличая ее по вкусу от медвежатины.

Наступила первая ночь на зимовке. Все разошлись по каютам. На палубе остались только вахтенные, по одному на пароход. Мороз усилился. В небе загорелось северное сияние. Оно легло, как широкий бледный мазок бесформенного света. Лишь по краям его происходила небольшая игра форм. Лучи старались собраться в спираль, но быстро затухали...

В ночной тьме ярко выделялись иллюминаторы — окна кают. Через них были видны фигуры людей. Никто еще не ложится спать и не тушит огня. Никто как будто не желает остаться в одиночестве в этот час наступившего покоя. Настроение у людей еще нервное...

★

Наши пароходы стоят на границе двух морей — Карского и моря Лаптевых. Мало изучены течения Карского моря, особенно в его восточной части. Еще слабее изучены течения моря Лаптевых. Точность очертания нанесенных на карту берегов материка и островов подлежит большому сомнению. На всем пути от мыса Челюскина до бухты Тикси нет ни одного морского знака.

Зимовка судов должна дать новые материалы для познания направлений воздушных и водных потоков в этом районе. Надо позабыть о вынужденной стоянке и превратиться в нормально действующую полярную экспедицию.

Программа научных работ, сообщенная «народонаселению» островов Самуила, вызвала общее одобрение.

— Не вызвать ли на соревнование какую-нибудь зимовку? — соображали зимовщики.

Вызвать конечно неплохо. Но кого? Бухта Тикси не дер-

жит с нами никакой связи. Бухта Прончищевой вообще не имеет радио. Зимовки Новой Земли и Северной Земли слишком далеки от нас. Остается мыс Челюскина. С ним надо установить «деловой контакт» и вести работы по общей программе, заимствуя от него людей и инструменты. Но при этих условиях очень трудно наметить показатели работоспособности.

— Тогда будем проводить соревнование по пароходам!

— Это другое дело и вполне подходящее.

Для организации метеорологических работ мы располагаем квалифицированным аппаратом и нужными инструментами. Целесообразнее всего проводить эти работы в полном контакте с соседними зимовками.

Интересно не только наблюдать барометрическое давление, силу, направление ветра и температуру воздуха, но и сравнить их с соответствующими показателями на мысе Челюскина. Еще интереснее сопоставить наши данные с показателями Северной Земли, сделать из наших наблюдений правильные выводы и сравнить их с выводами Центральной службы погоды.

Гидрологические работы представлены у нас гораздо слабее.

— Я знаю их по «Персею», — заявляет товарищ Тимофеев, штурман парохода «Сталин».

— Знать-то и мы знаем,— возражает капитан Смагин,— но у нас нет ни одной вертушки, ни одного термометра.

Было бы нерационально ограничиться футштоочными наблюдениями. Другое дело, если бы мыс Челюскина одолжил нам нужные инструменты и познакомил с методом и программой наблюдений. У нас есть самолет. Он может служить постоянным средством связи между обеими зимовками. Вопрос лишь в том, возможны ли зимние полеты.

— Ваше мнение, товарищи Линдель и Игнатьев?

— Лететь. Мне больше ничего и не нужно,— встрепенулся товарищ Линдель.

Опытный пилот, он успел уже заскучать от безделья.

Итак, выход найден и здесь. В дружеской помощи мыса Челюскина никто не сомневается. Мы познакомились с его обитателями еще на Диксоне.

— Топографические работы и геология — это наше дело,— заявляют товарищи Урванцев и Теологов.— Все будет сделано!

— Постановка морских знаков на обоих островах Саму-

ила, когда их нанесут на карту, для нас не представит никаких трудностей, — вставляет свое слово капитан Смагин.

Комсомольцы берутся за собирание гербария:

— Только обеспечьте руководство.

Обсуждение программы научных работ внесло бодрость в настроение зимовщиков.

— Этими работами мы, пожалуй, оправдаем и все затраты по нашей зимовке,— делают они свой вывод.

★

Быстро приближалась полярная ночь. День становился почти незаметным. Пурга — поземка — все чаще и чаще пела заунывные песни, ударяясь о мачты и корпуса пароходов. Сухой снег, гонимый ветром, закрывал всю окружающую обстановку непроницаемой завесой. Но морозы еще не превышали минус 10—12°.

Северный шторм часто налетал на припай, в котором нашли себе прибежище наши суда. Тогда от припая отделялись ледяные поля. Трещины на далекое расстояние рассекали сплоченные морозами ледяные пространства.

Возникали сомнения в полной безопасности стоянки зазимовавших пароходов. Каждый сильный шторм мог разбить ледяную защиту и бросить на пароходы массы плавающего льда. История знает много таких примеров.

Необходимо было заранее принять меры предосторожности. Поэтому до наступления полярной ночи решено было построить жилой дом, радиостанцию и склад на западном острове Самуила и свезти туда часть продовольствия. В будущем эти строения послужат хорошей научно-промысловой базой.

На следующий день несколько зимовщиков отправилось на лыжах для выбора места. Итти надо было всего одиннадцать-двенадцать километров. Свежий морозный воздух приятно охлаждал разгоряченные от бега лица. Дорога совершенно ровная. Лыжи легко скользили по небольшим наметам снега. Группа быстро подошла к небольшому островку, лежащему в трех километрах от крайнего западного острова.

Крутые каменистые берега. Полное отсутствие растительности. Разбросанные обломки разрушающихся пород составляли основной поверхностный покров острова. Ни малейшего следа жизни. Повидимому, в этом году сюда не заходил даже медведь.

Молча стояли мы на этом острове мертвого покоя. Постройка здесь невозможна и бесцельна. Надо итти дальше, к расположенному недалеко основному острову, более плоскому и низменному, чем его ближайший собрат. Он более привлекателен. Его ложбины были покрыты разнообразными мхами. Кое-где виднелись засохшие головки цветов. Северная оконечность острова уходила двумя острыми уступами в море, ближе к плавающим льдам.

Карта показывала, что дальше, к северо-западу от острова, должны лежать острова Локвуда, где Амундсен поставил свой знак в 1919 году. За ним лежал берег Таймырского полуострова.

Остров подходил для наших целей. В небольшой ложбине на его восточной стороне мы выбрали место для постройки.

День склонялся к концу. Пароходы казались черными точками на белом фоне.

В полярную ночь пароходы, как и все окружающее, покроются белым снегом и почти совсем сольются с общими красками. Тогда их трудно будет отыскивать после возвращения из какого-либо похода.

— Поставим вехи от пароходов до самого острова. Все-таки будет лучше,— подал правильную мысль Урванцев.

Погода стояла прекрасная: солнце хотя и на короткий миг, но все же ярко освещало надолго оставляемое им холодное царство зимы. После захода долго еще горело на небе отражение его лучей.

Обратно было итти так же легко, как и к острову. Мы вернулись к оставленным пароходам. Работа на них уже шла установленным порядком. С «Правды» складывались на снег огнеопасные и взрывчатые грузы. Подсчитывались запасы продовольствия и угля. Начались занятия в мортехникуме и политкружках.

На другой же день вездеходы начали перевозить строительные материалы от судов к месту будущей постройки на острове. Одновременно были поставлены и дощатые вешки.

По твердому снегу вездеходы шли чрезвычайно легко. Без них едва ли можно было бы закончить постройку до наступления полярной зимы. Теперь же четверо плотников уже через сутки могли приступить к работе. С ними отправился на остров и наш промышленник Ломакин.

С его уходом дружеские руки немедленно освободили всех собак от цепей и спустили их на лед. После долгого скучного сиденья на холодной, загрязненной палубе они очень нуждались в полной свободе.

Наша упряжка представлена далеко не одной породой. Найми и Красный — полуволки-полусобаки. Они типичны для той части Севера, где крайне редко встречается человек и где полярный волк бывает частым гостем в собачьих стаях. Эта пара неохотно подходит даже к знакомому человеку и предпочитает держаться в стороне от всех. Характерными волчьими прыжками рыщут они около пароходов и торосов, постепенно увеличивая радиус своих путешествий.

Фрам и Тупой — крупные ездовые собаки. Через ряд поколений в них развилась привычка к упряжке. Их лапы, опушенные шерстью, уверенно ступают по твердому снегу. Красивые, мощные животные, они весьма дружески расположены к человеку.

Наиболее энергична другая полярная собака — Харди, выходец с острова Врангеля. Неутомимый ездовой пес, всегда жизнерадостный и веселый, он сделался другом всей зимовки.

Он и Тупой — постоянные зачинщики всех драк. Объектом их особой ненависти является Чуркин, громадная кавказская овчарка волчьей масти, с отрезанными под самый корень ушами.

Чуркин уступает дорогу только полуволкам, но с Харди и Тупым он охотно вступает в драку. Поэтому вокруг парохода то и дело раздается яростный лай, рычание, визг.

Тобик и Рыжий — вислоухие дворняги. Они впервые попали на Север, чувствуют себя здесь не особенно хорошо, постоянно жмутся к людям и держатся вместе. Их ездовые качества под сомнением.

Прочие псы — Пестрый, Мальчик, Ремянка и Альфа — обычные полярные собаки, давно свыкшиеся с упряжью.

Вне стаи держится Ринка, пароходная собака «Правды». Карельская лайка волчьей масти, с большими острыми ушами и живыми глазами, она, вероятно, была бы хорошей спутницей на охоте и чутким сторожем. Здесь же ее маленький рост, тонкие ножки, задирчивый, злой характер возбуждают смех у более добродушных зимовщиков и злобу у более нервных и трусливых.

— Убью, гадина! — волнуется один из них. — Вчера ночью опять меня напугала...

— А ты не пугайся... Что же с тобой будет, когда увидишь медведя?

В общем упряжка должна быть хорошей, если только все псы окончательно не развратятся от безделья и постоянного общения со множеством людей, среди которых они не видят постоянного хозяина.

Жора Подобедов приспособил Чуркина к езде. Пес сначала недоуменно посмотрел на постромки, но на зов немедленно поднялся и, к общему восторгу, один легко повез полугруженные нарты.

Тут на него налетел Харди и жестоко поплатился за это. Чуркин быстро снял с него почти половину «скальпа». От дальнейшей расправы его избавили сбежавшиеся люди. От них Харди также получил порядочно колотушек.

Врачу Урванцевой здесь представилась возможность применить свои хирургические таланты.

— Эх, Харди! Что от тебя останется к лету? — урезонивала она забияку, снимая разорванные кожные покровы.

Но Харди попрежнему глядел весело, готовый принять участие в новой драке. Его снова посадили на цепь.

В ту же ночь Чуркин расправился со своим вторым врагом: Тупой утром был найден с перегрызенным горлом.

Свободу собак пришлось ограничить.

★

Жизнь на зимовке вошла в намеченное русло. Все свыклись с мыслью о неизбежности зимовать во льдах долгое время. Прекратились бесцельные разговоры и толки. Дольше всего держались они в кают-компании комсостава «Правды». У некоторых лопнуло наконец терпение:

— Прекратите эти глупости... Только дезорганизуете зимовку... Посудите сами, как могла бы пройти «Правда», если на пороге льдов у нее уже не было лопасти, а вторую она потеряла при пустяковом препятствии. Тоже была надломлена.

Их поддержала вся активная часть зимовщиков.

— К чему все эти «как, да как», «если бы, да кабы»... Читайте радиограммы «Красина». В них капитан и партийцы ледокола дают характеристику льдов.

На зимовке есть крепкие большевики и активисты, про-

шедшие хорошую школу в армии, на заводах и на пароходах. Этот костяк ведет за собой большую часть людей.

Одной из наиболее колоритных фигур зимовки является капитан Смагин. Ему и его команде только что пришлось пережить зимовку на острове Вайгач. Тем не менее с самого начала новой зимовки Смагин активен, энергичен и жизнерадостен.

С раннего утра и до позднего вечера слышатся его распоряжения, подбадривания, необидные насмешки над отстающими.

Подстать капитану и вся команда.

Смагин пользуется общим авторитетом на зимовке, а его пароход «Володарский» является центром наиболее активной работы.

Ознакомление с западным островом, где строилась зимовка, нас не удовлетворило. Оно было слишком недостаточно.

— Надо знать все углы нашего нового дома.

На другой день мы отправились к восточному острову Самуила. Он лежал несколько дальше от пароходов и был виден с них только при хорошей солнечной погоде. Северная часть его находилась еще в зоне плавучих льдов.

Дорога неровная. Приходилось часто перебираться через заторошенные края ледяных полей и подернутые тонким льдом трещины. Всюду виднелись торосы старого льда. Чем ближе к острову, тем яснее выделялись они среди ровного белого пространства.

— Глядите... Торосы двигаются вправо!

Мы остановились, удивленные этим странным явлением. Торосы казались многоэтажными и заметно продвигались вправо. Неужели там вода и такое сильное течение?

— А теперь торосы пошли обратно!

Это «чудо» было вызвано рефракцией — преломлением света в земной атмосфере под влиянием температуры воздуха, давления и влажности. Негоризонтальное расположение слоев атмосферы вызывает видимое смещение предметов. Теперь мы присутствовали при этом явлении.

Норденшельд в своем описании путешествия на «Веге» в 1878 году вспоминает, как голова моржа была однажды принята ими за остров, по обе стороны которого виднелись два белых снежных поля. При приближении лодки этот «остров» задвигался, а снежные поля превратились в моржовые клыки.

В другой раз Норденшельд и его спутники подкрадывались к белому медведю. Все они ясно различали зверя. Но в момент, когда охотники взяли на прицел, «медведь» вдруг развернул исполинские крылья, а потом улетел в виде небольшой чайки.

Мы находимся в стране, где расстояния и предметы не измеримы уже привычными мерками. С такими «превращениями» мы не раз еще встретимся в наших путешествиях.

В стороне, ближе к морю, расстилалось большое ровное ледяное пространство. На самой середине его лежало несколько нерп.

— На сапоги пригодятся...

Однако «сапоги» эти оказались недостижимыми. Лед трещал даже под тяжестью одного человека, идущего на лыжах. К тому же нерпы были очень осторожны. Быстро уйдя в полынью, они выставили оттуда свои головы, наблюдая за новыми пришельцами, столь непохожими на их обычного врага — белого медведя.

Перебравшись на старые ледяные поля, мы подошли к восточному острову. Торосы около него были крепко впаяны в неподвижный лед.

Остров по внешнему виду ничем не отличался от западного острова. Илисто-глинистую почву его местами покрывали разнообразные мхи, местами же она была покрыта плоскими черными камнями. Около самого берега виднелись следы нескольких крупных медведей. По ним проложил свою дорогу песец.

На острове несколько бухт, довольно хорошо защищенных от напоров льда. В стороне от него, на северо-западе, вырисовывались два небольших островка.

Около северной оконечности острова плыли к востоку ледяные поля. Море еще не замерзло...

— Здесь и нужно поставить морской знак. Он будет отлично виден с курса пароходов.

С юго-западной стороны, через неширокий пролив, к восточному острову примыкает еще один остров, несколько более возвышенный.

Итак, в нашем владении шесть островов. Больше осматривать пока нечего.

Спустилась ночь, спокойная, тихая. В темном небе ярко сверкали звезды. На горизонте начинало разгораться северное сияние. Нежные, едва уловимые линии света быстро перемещались с места на место, сгущаясь то в одной, то в

другой стороне. От этого противоположная часть неба казалась еще темнее.

В таком свете легко отыскиваются старые следы лыж, и поэтому в пути не приходится напрягать внимания.

— Смотрите, совсем малиновый цвет!

Северное сияние в одной стороне неба превратилось в развернутый свиток. Его верхний конец окрасился светло-зеленой краской, нижний же принял малиновые тона. Свиток то развертывался во всю ширь, то снова свертывался в узкий столб.

Снег заискрился бесчисленными блесками. Торосы приняли причудливые формы. На них ярко сверкали ледяные сосульки и наиболее тонкие края.

Кругом разлит холодный, безжизненный свет.

Мы вернулись к своим пароходам. Застывшие среди льдов, они как бы дополняли и усиливали картину мертвого покоя.

— Теперь, кажется, узнали все дороги и острова. Не заблудимся полярной ночью.

Новые радиограммы на столе говорили о том, что «Красин» и «Русанов» подошли к «Сибирякову» и вырвали его из ледяного плена. Теперь все три суда идут по прибрежной полынье среди разреженного льда.

★

Первая декада октября подходила к концу. Погода выравнивалась. Температура воздуха понижалась очень медленно. Солнце стало довольно частым, хотя и мимолетным гостем. Трехбалльный ветер дул с юга.

— Можно вылететь на авиоразведку, — сообщил Линдель. — Самолет готов.

— Первую разведку мы произведем вдоль пролива Вилькицкого до мыса Челюскина, оттуда на север к Северной Земле и дальше на запад — к островам Фирилея и архипелагу Норденшельда.

В нашем распоряжении самолет «Р-5». На морозе мотор долго отказывается работать. Только после большого приема горячей воды послышался его характерный шум.

Одетые с ног до головы в оленьи и собачьи меха, мы неуклюже взбираемся на свои места. Бортмеханик Игнатьев внимательно прислушивается к звукам работающего мотора.

— Не промерзли бы трубки.

На спине у Игнатьева моя летная карта, часы и записная книжка.

— Готовы? — нетерпеливо спрашивает Линдель.

Аэроплан, подталкиваемый собравшимися зимовщиками, сначала медленно скользит по неровным застругам нашего аэродрома, затем, постепенно ускоряя бег, взлетает в воздух.

Делая круг за кругом, мы все больше набираем высоту. Все шире становится и радиус нашего полета.

Теперь вся зимовка, весь ее район видны, как на рельефной карте.

Вот занесенные снегом бугры островов Самуила. В центре их — единственная черная точка. Это наши пароходы. Около них фигуры людей и собак. В быстром полете они кажутся нам неподвижными.

Маленькой букашкой ползет вездеход по направлению к западному острову, где строится зимовка.

На севере от пароходов — море с плавающими ледяными полями.

Самолет берет нужный курс на вест-норд-вест, в район плавающих льдов. Чем дальше на север, тем меньше открытой воды среди плавающего старого льда. Узкой полосой тянется она к юго-востоку, но постепенно теряется на северо-западе.

Около берега Таймырского полуострова небольшой припай, очевидно оставшийся от зимы прошлого года.

Материк покрыт тонкой пеленой снега. Под нею — черные камни. Местами берега крутые и обрывистые. Вдали — очертания невысоких гор.

Пролив Вилькицкого еще не замерз. Но в нем нет ни одной более или менее широкой прогалины чистой воды. Все забито плавающим льдом.

На мысе Челюскина сначала виднеется только наваленный лес, бочки, лодки. Затем показалась и вся зимовка. Сверху она производила впечатление грязного пятна. Только тонкая мачта радиостанции придавала ей более привлекательный вид. Недалеко от жилья, в бухте Спартака, загорелся сигнальный огонь. Здесь место посадки.

СНОВА НА МЫСЕ ЧЕЛЮСКИНА

К остановившемуся самолету спешат люди и собаки. За ними черными шарами катятся по снегу мохнатые щенки.

Знакомый дом, знакомые лица людей, знакомые собаки.

Впервые мы были здесь 1 сентября, когда суда Ленской экспедиции через льды и туманы пробились к этой самой северной точке азиатского материка. То был день нашего торжества. Сейчас, вторично в этом году, мы снова входим в известный нам неуютный дом, похожий на сарай, — но уже с другими перспективами.

Все население громадного Таймырского полуострова, на котором может уместиться несколько европейских государств, состоит из двенадцати человек и тридцати собак.

Начальником этой территории и населения является товарищ Рузов — сухощавый человек с военной выправкой.

Наибольшее внимание уделено на зимовке метеорологии. В этой области работают три человека — Рихтер, Степанок и Скворцов. Гидрологией занимается только Данилов. Радиосвязь осуществляется радистом Григорьевым, радиомехаником Корягиным и механиком Бохман. Биология представлена в лице Тюлина.

Таким образом главный уклон зимовки — радио-метеорологический.

Доктор Ринейский призван заботиться о здоровьи населения. Но, к великому удовольствию всех, его пациентами являются лишь вечно дерущиеся между собой собаки. Доктор строго следит за санитарией. Ни в доме, ни около него нет уже прежней грязи.

Повар Рулев представляет местный «нарпит». Каюр Соколов, он же и помощник повара, правит упряжками собак.

Зимовка на мысе Челюскина подобралась дружная. По новизне дела настроение у всех очень воинственное. Метеорологи мечтают развернуть большую синоптическую работу, перед результатами которой побледнели бы все достижения Московской службы погоды. Гидролог уверен, что пройдет разрезом пролив Вилькицкого, Шокальского и т. д., почти до самого северного полюса.

Более скромно настроены биолог Тюлин и каюр Соколов. Им нужно лишь добыть столько медведей и моржей, чтобы перестали выть от голода вверенные их попечению тридцать собак и бесчисленные щенки. Радистам пока мечатать не приходится. Они доотказа загружены приемом и отправкой радиограмм. Доктору Ринейскому также не о чем мечтать. Если у него будет больше работы, значит здоровье людей ухудшилось. На всякий случай, во избежание опасных мечтаний, Рузов после нашего прилета возвел доктора в чин «заведующего авиобазой Таймырского полуострова».

В комнатах жилого дома стало много чище. Но уюта от этого нисколько не прибавилось. С пола дует зимним холодом. Зато около низкого потолка жарко, как летом.

Новые зимовщики только недавно перенесли все свои грузы с ледяного припая на берег и в склад. Это была тяжелая работа. Тем не менее метеорологические наблюдения производились круглосуточно в положенные сроки. Гидролог, вырубив во льду небольшую полынью, вел в ней фуштточные наблюдения. В той же полынье биолог ловил «все живое». Но это «все» было пока очень невелико по количеству. В маленькой баночке со спиртом плавало лишь несколько небольших ракообразных.

Запоздавшая с отлетом пуночка ежедневно посещала склад с мясом. Посещения ее радовали биолога, но беспокоили Рихтера, ответственного за целость продуктов. Он тщательно высчитывал:

— Сколько же придется списать мяса в расход на эту птичку?

Мимо мыса Челюскина шла плотными стадами сайка. За отсутствием сетей ее глушили выстрелами из винтовок. Этот новый способ добычи рыбы, по словам зимовщиков, «дает большие результаты».

Соколова биология вовсе не интересует. С большой настойчивостью допрашивает он Линделя и Игнатьева:

— Не видали ли вы с аэроплана где-нибудь медведя? Скоро собак кормить нечем...

Зимовка мыса Челюскина.

Новое применение авиации на Севере радует летчиков.

— Увидим медведя — пригоним прямо к зимовке, — утешают они каюра.

Сейчас же с кормом для собак дело обстоит далеко не блестяще. Пока зверь был в довольно большом количестве в проливе Вилькицкого, все зимовщики были заняты разгрузкой парохода, постройкой склада и переноской в него грузов, боящихся сырости. Это была поистине каторжная работа. «Сибирякову» из-за двигающихся льдов приходилось непрестанно менять место. Грузы часто подавались на плавающий лед, откуда зимовщики выносили их на своих плечах.

Теперь эта работа пришла более или менее к концу. Но морж уже ушел из пролива в более безопасное место. Остался только медведь, да временами появлялся морской заяц. Лишь однажды удалось Степанку, Тюлину и Скворцову убить двух моржей. Они составляли пока весь запас мяса для питания собак.

На столе появился вместительный самовар.

— Ну, довольно научных разговоров. Угостим гостей чаем и музыкой. У них, наверное, нет таких пластинок. Ваня, начинай,— командует начальник зимовки.

Ах, эти черные глаза...
Они горят передо мной...—

запевает пластинка.

Когда-то этот мотив часто звучал в московских квартирах. Несколько позднее он дошел до Игарки, где пользовался исключительным успехом. Теперь он продвинулся до мыса Челюскина.

— Поставь, Ваня, что-нибудь новое, — просят слушатели. — Не растравляй душу.

Вернись, я все прощу...—

запевает пластинка.

— Ты сегодня что-то у нас не в ударе... Кончай музыку... Вернуться нам нельзя, и прощать нас не за что...

Цель нашего прилета на мыс Челюскина конечно не только визит к своим ближайшим соседям. Нам надо еще провести осеннюю авиаразведку льдов в районе пролива Вилькицкого и затем систематически проводить ее вплоть до окончания зимовки. Авиаразведка вместе с гидро-метеорологическими наблюдениями может дать нам интересные результаты. Надо установить контакт и в остальной части научных работ.

Вылет к Большевику — первому острову Северной Земли — был назначен на следующий день. Но ни следующий день, ни другие дни не были благоприятны для полета. Поземка покрыла все пространство и закрыла почти весь пролив Вилькицкого. Видна была только часть его торосистого припая. Приходилось ждать.

Время коротали на обычной работе зимовки и за чтением книг из не особенно богатой библиотеки зимовщиков.

Усердно возились с моторами, кололи дрова, таскали снег и т. д., в соответствии с приказами строгого начальника зимовки, привыкшего по своей прежней службе к военной дисциплине.

Здесь же вычертили первую карту льдов пролива Вилькицкого, которые мы видели в полете к мысу Челюскина.

Положение с кормом для собак обострялось с каждым днем. Остались считанные дни до полного замерзания про-

Мыс Челюскина. Знак Амундсена.

лива. Тогда уйдет последний морской зверь, а за ним и большая часть медведей.

Утром мы отправились со Степанком на охоту — на запад от зимовки.

Около знака Амундсена, стоящего в километре от станции, на берег надвинулись громадные торосы. Громоздились горы льда самых разнообразных форм. За ними, в глубине пролива, возвышалась группа торосов несколько меньших размеров. Местами темными изгибами змеилась вода. Бухта Спартака, где находился наш самолет, в этом году не вскрывалась. Она была покрыта ровным снежным покровом.

Легко идут лыжи при хорошем морозе. На ходу легкая оленья рубашка вполне достаточна для защиты от холода. За плечами небольшая сумка с запасами продовольствия и патронов.

В одной из бухт пролива лежала на снегу шкура убитого ранее моржа. На нее мы возлагали большие надежды: заманчивый запах жира должен был привлечь мишку из недоступного района пловучих льдов.

Но везде было пустынно. Не было видно даже следов зверя.

Только на пятнадцатом километре от зимовки мелькнуло и исчезло между торосами желтоватое пятно медведя. Сразу пропала усталость. Лыжи больше не нужны: для верного прицела надежнее стоять на ногах.

Зверь шел за торосами. Медленно, постепенно приближаясь к ним, мы двигались наперерез медведю. Он снова показался, но уже позади нас, попрежнему прикрываясь торосами.

В ста метрах от нас медведь взобрался на большой торос. Почти одновременно раздались два выстрела. Обе пули попали в голову зверя. Он свалился набок, не шевеля ни одной лапой. Следующие две пули прекратили его предсмертный хрип.

Это был очень крупный, достаточно упитанный самец. Шкура его не оставляла желать ничего лучшего.

Снятие шкуры и разделка туловища — самая неприятная часть охоты. Руки, намокшие от крови, быстро замерзают на холоде. Делаем новый надрез между шкурой и мясом и погружаем в сохранившееся там тепло жизни наши застывшие руки. Они быстро согреваются, но снова замерзают на морозе. Ножи, из далеко не первосортного материала, быстро тупятся от работы.

Более двух часов заняла у нас разделка туши.

— Попробуем итти вперед. Может быть, встретим еще кого-нибудь.

Мы ушли дальше, но на этот раз уже безуспешно. Начала сказываться и усталость от проделанного пробега. Надо возвращаться на зимовку. Мы удовлетворены: Соколов получит мясо для собак, пригодится оно и для зимовщиков.

Поздно ночью вернулись на станцию.

— Хорошие охотники! Идите опять на охоту, — решает Рузов.

На другой день каюр Соколов и биолог Тюлин уехали на собаках за шкурой и мясом убитого нами зверя. Новой дичи на месте нашей охоты не оказалось. Надо ждать южного ветра, он принесет аппетитный запах жира и мяса в пловучие льды, где держится медведь, разыскивая неосторожную нерпу или зайца.

— На завтра предсказываем вам хорошую погоду, — порадовал нас за обедом синоптик Рихтер. — Можете лететь.

После удачной охоты на мысе Челюскина.

— Это лучше, чем колоть дрова или таскать ящики, — соглашаются летчики.

★

— Ну, что же, летите сегодня?

— Конечно. Погода прекрасная.

Мороз около 20°. Последние лучи солнца ярко освещают землю. Надо спешить воспользоваться солнечным светом, чтобы выполнить осеннюю программу облетов.

Но не так просто завести на морозе мотор с водяным охлаждением. Вода, нагретая в баке зимовки, успевает остыть, пока собаки подвозят ее к самолету.

— Сколько времени будете летать? Укажите свой курс, чтобы можно было вас искать, если пропадете.

— Полтора часа... Курс — поперек пролива Вилькицкого, к мысу Мессер.

— Тогда лучше не пропадайте. Сам чорт не найдет вас в пловучих льдах.

Мотор наконец заработал.

В быстром полете колючий мороз обжигает лицо. Маленькой кажется оставленная радиостанция. Высота набрана.

Курс взят на север, к пловучим льдам. Вдруг беспокойно задвигался бортмеханик Игнатьев. Мотор «барахлил». Нет нужного количества оборотов. К нашему удовольствию, посадочная площадка еще недалеко. Самолет круто идет на посадку.

— В чем дело?

— Бензинопроводная и маслопроводная трубки промерзли,— отвечает Игнатьев после осмотра мотора.— Придется их отеплять. Иначе лететь нельзя.

Приходится отложить полет.

— Разве такую погоду надо делать для полетов?— упрекает Линдель метеорологов.

— Чем же плоха? Вы просили хорошей видимости, а насчет мороза вы и не заикались.

— Мои собаки — и то надежнее вашей машины, — иронизирует Соколов.— Старый друг лучше новых двух.

Короткий день не позволяет продолжать работы. От долгого пребывания на морозе у всех замерзли руки и ноги.

— Поужинайте, да и спать. Так и пройдет незаметно вся зимовка, — советует повар Рулев.

Но спать еще рано. Снова появляется граммофон. На этот раз пластинки подобраны со вкусом.

Красивая, глубокая рапсодия Листа звучит в этой обстановке особенно захватывающе. Мы все дилетанты в музыке. Нам неизвестно подлинное настроение, которое хотел вложить в нее Лист. Но это и не важно.

Вероятно, каждый нанизывает на эти звуки свои думы и свои воспоминания. По лицам слушателей видно, что их мысли и думы уносятся далеко от этих пустынных и унылых мест.

— Не увезти ли нам эту пластинку на острова Самуила? Можно взять и «Черные глаза»,— советуется со мной один из моих спутников.

По регламенту зимовки к одиннадцати часам должен прекратиться всякий шум. Мы расходимся по отдельным дощатым клеткам, называемым здесь каютами.

Рихтер, на основании полученных по радио метеосводок, вычерчивает на синоптических картах линию изобат.

— Хорошей погоды для полетов осталось мало. В ближайшие дни едва ли удастся лететь.

Это ясно и без карт.

Степанок, вернувшийся с метеорологической вахты, шумно отряхивает снег с шапки и куртки.

— Ух, и задувает же ветер!

— Надо подкрепить самолет, — решают летчики.

Все мы выходим из дому, чтобы проделать эту работу. В ночной тьме не видно летящего снега. Мороз при ветре леденит кожу лица. В воздухе чувствуется дикий разгул разбушевавшейся стихии.

Наш самолет стоит в полной исправности, будучи защищен от ветра стенами бани и сарая. Лыжи его крепко прижаты осевшим снегом. Это лучший для него якорь.

У подветренной стены дома лежат собаки, свернувшись клубками. Они засыпаны снегом и не хотят даже приподняться к протянутой руке, чтобы дольше сохранить тепло. На зимовке имеется, правда, не очень хороший собачник. Но в нем живут только щенки. Взрослые собаки предпочитают снежную яму.

Засыпанные снегом и промерзшие, мы возвращаемся в дом. На метеорологическую вахту вместо Степанка встал Скворцов. Он очень молод и совсем недавно оставил школьную скамью.

— Зачем вы приехали в Арктику?

— Считаю, что для меня здесь будет хорошая школа... Кто хочет быть полярником, тот должен отсюда и начинать.

Скворцов с большой точностью выполняет свои обязанности. В свободное время он усиленно занимается математикой и физикой. К тому же он хороший охотник, лучше всех умеющий гнать медведя, пока тот не остановится, чтобы принять бой. Собаки в большой дружбе с ним. Когда Скворцов идет к метеобудкам, стоящим в некотором отдалении от станции, Черныш и Оленегон поднимаются, чтобы сопровождать метеоролога в его путешествии.

— Это метеорологические собаки,— утверждают Рихтер и Скворцов.

— Не собаки, а жулье, — характеризует их каюр Соколов.

Конечно Черныша и Оленегона метеорология вовсе не интересует. Больше всего их привлекает охота на медведя. Возить нарты — для них самое неприятное дело. Завидя первые признаки подготовки к выезду, они стараются быстро исчезнуть с зимовки в пустынной тундре.

Поэтому все приготовления к поездке начинаются с привязывания Черныша и Оленегона. После этого им остается только покориться неизбежному злу.

Сейчас езды мало, и обе «метеорологические собаки», спасаясь от пурги, отлеживаются на свободе в своих снежных ямах.

Северные ездовые собаки, как правило, почти не имеют чутья. Его компенсирует развитое у них соображение, зрение и слух. На Севере собака является предметом первой необходимости. Она живет одной жизнью с человеком и потому более чутко и разумно реагирует на все его нужды.

У Данилова была своя «гидрологическая» собака — Монька. Ни езды, ни настоящей охоты она еще не испытала. Придет к зимовке медведь, Монька со всем азартом старается прогнать его, не представляя себе, что зверя надо не прогонять, а держать. С Даниловым Моньку, вероятно, сроднило то, что работа гидролога протекала всегда сравнительно недалеко от жилья, в проливе Вилькицкого.

Повар Рулев и доктор Ринейский шефствовали над Волком. В далеком прошлом за свои разбои в собачьей стае он носил имя Махно. Это была самая умная и самая «очеловеченная» собака. Прекрасный ездовик, Волк стал учителем молодых собак. Всегда угрюмый и страшный для всей своры, он очень добродушно относился к щенку Таймыр, являвшемуся его точной копией.

— В нем есть инстинкты отцовского чувства, — уверял доктор. — Он даже отдает свой кусок Таймыру.

С людьми Волк всегда здоровается, протягивая лапу. Но в нем нет ни капли заискивания или преклонения перед ними. Он признает равноправие сторон.

Такое разделение собак «по специальностям» имеет свою хорошую сторону. Никто не может знать, когда и откуда появится медведь и как он будет вести себя при встрече с человеком. В этом году на зимовке был случай, когда медведь вплотную подошел к радиотехнику Корягину, увлекшемуся исправлением радиомачты. Повидимому, зверь тоже заинтересовался радиомачтой и не спешил познакомиться с ним поближе.

С дикими воплями бросился радиотехник к дверям зимовки, спеша увеличить расстояние между собой и новым радиолюбителем. Выскочили зимовщики с винтовками. Медведь был убит.

Утром зимовщики смерили по следам прыжки радиста. По их мнению, он побил все достигнутые ранее рекорды в СССР.

К утру поземка утихла. Но на самолете еще велась работа по отеплению трубопроводов. Вылететь было невозможно.

Поземка должна была произвести большие изменения в распределении льдов. Интересно было проследить за ними, хотя бы с берега и припая. Кроме того надо было продолжать охоту.

По правилам Арктики, выход на охоту или в экспедицию одного человека недопустим. Обычно идут двое или трое. Но свободных от работы людей на зимовке не было. Надо итти одному.

— Вы когда вернетесь? — спросил Рузов.

— К пяти-шести часам... направляюсь на запад...

С возвышенного берега тундры было видно, что льды значительно сместились по сравнению со вчерашним днем. В некоторых местах, перпендикулярно к материку, появились гряды торосов. За ними образовались небольшие прогалины чистой воды. Подавляющая часть пролива попрежнему была покрыта плавающим льдом. Кое-где плыли громадные айсберги, вероятно принесенные от берегов Северной Земли.

В сумеречном свете бессолнечного дня окружающая обстановка казалась еще более мрачной и угрожающей.

Из бухты «убитого моржа» в бинокль были видны далекие просторы ледяного моря. По направлению к острову Гейберга торосы казались еще более высокими, чем около материка. Возможно, что рефракция несколько изменила картину, но наличие там торосов несомненно.

Незаметно увеличивается пройденное расстояние. Потеряно обычное представление о времени. Только сгущающийся мрак заставляет вспомнить обещание вернуться к определенному сроку. К тому же снова заструились по снегу тонкие полосы. Поземка всегда начинается с таких безобидных на первый взгляд переносов снега. Позднее она опять разыграется, как вчера. Трудно будет тогда одному пробиваться через пустынную тундру.

Но какой соблазн! Около высокого тороса видны совершенно свежие следы трех медведей. Они были здесь не более двадцати минут тому назад, так как переметающийся снег не успел засыпать даже маленькие углубления, сделанные концами их ногтей.

В душе борьба чувств. Наступающая ночь, поземка го-

ворят о том, что пора возвращаться. Но как можно пренебречь прекрасной добычей, которая так близко?

Инстинкт охотника берет верх.

«Полчаса потрачу на ходьбу по следам медведей... Не встречу — вернусь обратно».

Следы то приводят к плавающим льдам, то уводят в прибрежные торосы. Лыжи давно оставлены на берегу. Здесь они совсем бесполезны. Но и без них дорога крайне трудна, тем более, что в одной руке постоянно зажата приготовленная к стрельбе винтовка.

Когда следы окончательно повернули к плавающим льдам, кругом наступила уже почти полная темь. Поземка разыгралась не на шутку. Больше ничего не остается, как возможно быстрее возвращаться на зимовку.

Лыжи опять на ногах. Надо поскорее перебежать широкую торосистую бухту. После нее будет легче ориентироваться. На душе не совсем спокойно. Компас легкомысленно забыт на станции. Следовательно, в основном надо «отмечаться» по ветру, корректируя путь направлением застругов, береговой линией, где она будет видна, торосами и т. д.

В памяти восстанавливаются основные приметы пройденного пути: тут торчали три высоких камня, на другой стороне были разбросаны торосы...

Главное — не растеряться, что бы ни случилось...

Во время пересечения бухты наступила полная тьма. Поземка била снегом прямо в лицо. Но нельзя менять положение корпуса, как бы ни было велико желание отвернуться от колючего ветра. Малейший поворот — и потеряно направление. Глаза теперь не играют большой роли. Они все равно бессильны прорезать эту тьму, наполненную снегом.

Лыжи ударяются о встреченный торос. Проверка по ветру показывает, что в пути есть отклонение в сторону, ближе к взломанным льдам. Направление снова выправляется.

Так проходит несколько часов в борьбе против ветра, снега и тьмы. Это требует самого напряженного внимания. Лыжи начинают шуршать, как бы задевая за что-то твердое.

Неужели ушел в тундру?

Раскопка снега ножом показывает, что это так. Значит, опять отклонился с пути.

Небольшая остановка, чтобы немного отогреть лицо.

Лыжи оставлены носами в сторону нужного направления. Это необходимо, чтобы не потерять курс.

— Хорошо бы закурить!

Но как закурить на ветре, когда пальцы от холода не могут держать даже спичку...

Минутный отдых кончается. Надо снова держаться ближе ко льдам.

Новые раскопки ножом. Под снегом чувствуется лед.

— Эх, встретился хотя бы один след, чтобы окрепла уверенность в правильности взятого направления.

Давно прошли обещанные сроки возвращения. Против ветра приходится итти медленно и зигзагами. Но все же зимовка должна быть где-то невдалеке!

Положение лыж и несколько затрудненное движение говорят о том, что начался подъем. Следовательно, скоро должен быть материк. Еще несколько шагов, и глаза улавливают очертания высокого черного столба.

Это знак Амундсена!..

Здесь можно отдохнуть и закурить, укрывшись за столбом от ветра.

Отсюда до зимовки — не больше полутора километров. Выгруженные с парохода вещи укажут путь почти до самой мачты.

Отдых был внезапно прерван. Из темноты отчетливо донеслись звуки выстрелов.

Дело понятное. Рузов выслал розыскную партию. Теперь надо ее найти, продолжая переговоры при помощи выстрелов. Иначе партия уйдет в тундру.

Выстрелы раздаются все ближе и ближе. Из тьмы вырисовываются сначала собаки, затем показываются человеческие фигуры. Доктор Ринейский, Данилов, Степанок...

— Вы что, друзья, заблудились?

— Вас пошли искать. Рузов послал... Говорили ему, что надо подождать. Он же заявил: «Лучше рано, чем поздно».

Через пятнадцать-двадцать минут мы уже были на станции.

— Что же это вы уходите один так далеко?

— Зато нашел свежие следы трех медведей. Завтра можно итти туда со Степанком.

Совсем не так плохо жить и работать в Арктике!

★

Мыс Челюскина стал центральным узлом, через который идут известия с запада на восток и с востока на запад. В этом году Арктика живет необычайной для нее жизнью.

На островах Самуила зимуют три парохода 1-й Ленской экспедиции. Стали на зимовку и три судна Колымской экспедиции.

Круглые сутки работает радиостанция мыса Челюскина. В тесной комнате, заставленной радиоаппаратурой и заваленной журналами и бланками, как в зеркале, отражается жизнь окрестных зимовок.

Лица радистов, по двое несущих круглосуточную вахту, заметно осунулись и побледнели. Особенно большая нагрузка падает на Григорьева, одного из лучших полярных радистов. Ответственность момента заставляет его нервно и чутко прислушиваться к звукам, несущимся из радиоаппаратов.

На западе в Карском море погибла шхуна «Белуха». Немало проделала она на своем веку полярных походов. Вместе с нею стояли наши суда в порту острова Диксон. Ее красивый, крепкий корпус, стройные мачты, надежный, испытанный экипаж предвещали тогда ей еще долгую работу во льдах Арктики. Но 1933 год оказался для нее роковым.

В заливе реки Пясины упорно боролся со льдами «Партизан Щетинкин» и наконец запросил помощи. К нему спешил ледокольный пароход.

Ледокол «Ленин» вывел последние суда Карской экспедиции, но сам наскочил на мель, рискуя замерзнуть около Диксона до будущей навигации.

Храбро продолжал работать ряд пароходов в районе Новой Земли.

Северная Земля, зимовщики которой вынуждены были остаться на повторную зимовку, сообщала о своих планах и нуждах.

Далеко, в Чукотском море, начиналась трагедия парохода «Челюскин». Зажатый дрейфующими льдами, лишенный возможности действовать, он плыл по их воле то на восток, то на северо-восток, то вновь возвращаясь назад.

По вечерам, когда кончалась дневная работа, небольшая группа людей обычно собиралась в кают-компании. Здесь, в этом «клубе», узнавались последние новости с «большой земли», здесь делились впечатлениями минувшего дня и строились планы на будущее.

В один из таких вечеров Григорьев принес тревожную радиограмму с зимовки на островах Самуила:

«В районе пароходов дует сильная поземка. Пропал

Елисеев, машинист парохода «Сталин», ушедший на охоту. Гудки пароходов, яркие электрические лампы не дали никаких результатов. Розыскная партия с трудом вернулась обратно, не найдя Елисеева».

Такая же поземка-пурга билась в окна небольшого домика на мысе Челюскина. Ясно представилось, как в холодной, беспросветной мгле борется где-то, напрягая последние силы, близкий нам товарищ, стараясь угадать правильное направление. Мучительная полярная смерть ожидает Елисеева в ближайший же час, если она не наступила еще раньше.

— Если нам выходить на помощь самуильцам, мы придем к ним только через полутора-двое суток,— начинает Рузов. — Елисеев будет уже мертв...

— Самуильцам помочь нельзя. Среди них имеется группа опытных полярников — Смагин, Урванцев и другие.

Мы осуждены на полное бездействие. Не приходится и думать, чтобы собаки прошли сто двадцать пять километров в такую пургу.

«Пурга продолжается. Однако вышла новая розыскная партия», говорила полученная утром новая радиограмма. Она же сообщила и подробности этого трагического случая.

Около пароходов был замечен свежий след медведя. Страстный охотник, Елисеев получил разрешение на охоту за ним.

— Только одному не уходить. Помните приказ начальника экспедиции!

— Со мной пойдет Чигиринский и еще один товарищ.

Но, горя нетерпением, Елисеев не стал дожидаться своих спутников.

— Вы меня догоните! — крикнул он им.

Следы зверя вели в район слабо смерзшихся льдов и торосов. Елисеев скрылся среди них раньше, чем вышли остальные охотники. Догнать его не удалось. В это время внезапно поднялась сильная поземка. Боясь потерять пароходы, охотники вернулись обратно. Елисеев остался один.

Теперь уже не было сомнения в его гибели. Прошло более полутора суток, как он начал свои блуждания. Розыскная партия, в лучшем случае, могла отыскать только его труп. Но и этого не случилось. Люди прошли вплоть до восточного острова. Там они переночевали в снежном доме

и к вечеру следующего дня, усталые и замерзшие, вынуждены были вернуться к пароходам.

Дальнейшие розыски были бесцельны.

★

Гибель отдельных участников экспедиции не может изменить программы работ. Сожаление о погибшем товарище, мысль о его мучительной смерти не должны поколебать волю и энергию в борьбе за большое и важное дело.

27 октября на аэродроме мыса Челюскина стоял новый маленький самолет «У-2», готовый взять двух человек для продолжения научных наблюдений над плавающими льдами. Он заменил нашу прежнюю машину «Р-5», у которой при испытании мотора вышел из строя цилиндр.

Дул норд-остовый ветер силой в семь метров в секунду.

Мы поднялись над проливом Вилькицкого, держа курс на север к мысу Мессер на Северной Земле. Ледовые условия пролива значительно изменились. Около первоначального припая шли торосистые гряды. Сильный мороз уже припаял к ним плавающий лед. Но в двадцати километрах от берега вновь показались плоские ледяные поля, отделенные от припая узкими полосами воды. Местами выделялись высокие стамухи. Ближе к Северной Земле пролив окончательно замерз. Пелена снега скрыла границы ледяных полей. Только тонкая серая линия указывала кое-где, что это ровное белое пространство еще не превратилось в сплошное, плотно спаянное поле.

Холодный воздух обжигает лицо. Пальцы теряют чувствительность, и карандаш вместо букв выводит какие-то каракули в записной книжке.

Самолет «У-2» чрезвычайно удобен для наблюдений. Он идет со скоростью не более ста — ста двадцати километров. Это позволяет основательно разглядеть все детали расстилающейся внизу картины.

Около самолета показались возвышенные покатые берега острова Большевик. Они еще не совсем скрыты пеленой снега. Но исследование Большевика не входит в нашу задачу.

Аэроплан берет обратный курс, сделав уклон на запад, ближе к острову Гейберга. Для увеличения радиуса видимости, мы летим несколько выше, чем раньше. Пролив Вилькицкого кажется отсюда белоснежной скатертью. Торосистые края смерзшихся льдин и гряды торосов образуют

на ней легкие, вычурные узоры. Узкие темные полосы воды разорвали ее на отдельные геометрические фигуры разнообразных форм.

У острова Гейберга характер льдов тот же, что и около мыса Челюскина, только торосы как будто выше и многочисленнее. Но возможно, что это результат рефракции.

После привычного гула мотора «Р-5» звуки стосильного мотора «У-2» похожи на стрекотанье.

— Воробей, а не самолет,— даем мы ему в воздухе новое имя.

Крайне медленно идет наш «воробей». Противный ветер сильно задерживает его ход... Наконец показалась обрывистая гора Аструпа.

Вдоль материка, над припаем, мы летим к мысу Челюскина. Во многих местах берег завален тяжелыми глыбами льда. Все говорит о том, что полное замерзание пролива Вилькицкого — вопрос нескольких дней.

Пора возвращаться к пароходам на острова Самуила.

★

На следующий день мы простились с дружной компанией зимовщиков мыса Челюскина. Бортмеханик Игнатьев остался здесь «заложником» до следующего нашего прилета.

Температура немного понизилась — 22,3°. Ветер почти утих и дует с норд-веста. Самолет снова выносит нас через торосистый припай к плавающим льдам. Мы хотим проследить размещение их в конце пролива. Справа — знакомые пустынные берега Таймырского полуострова, его бухты, мысы, острова. Слева — только льды. Берега Северной Земли и острова Малый Таймыр на этот раз совершенно не видны.

Пловучие льды тянутся ровной полосой. Повидимому, сжатие их в этом месте было ничтожно. На траверсе острова Малый Таймыр под нами открывается узкий канал чистой воды. Он имеет определенное направление на юго-восток, к островам Самуила.

Ровно и уверенно стрекочет мотор... Не очень приятно летать над плавающим льдом, где невозможна посадка. Но мы должны узнать, что находится севернее узкого канала. Набрав высоту, «воробей» идет туда. Всюду гладкие ледяные поля с ровными краями. Молодой лед сероватого оттенка довольно отчетливо выделяется среди полей старого льда.

Мы возвращаемся к полосе чистой воды и затем ло-

жимся на курс западного острова Самуила. Здесь — скованное морозами, неподвижное белое поле. Местами снег желтоватого тона.

Небольшие, сравнительно высокие острова тянутся вдоль материка. На одном из них высокий темный предмет, издали напоминающий силуэт человека.

Мелькнула дикая мысль: «Не Елисеев ли?..»

Самолет кружит над островком, снизившись до ста метров. Темный предмет оказался черным столбом. Он поставлен Амундсеном во время зимовок в этом районе его шхуны «Мод».

Вполне естественно желание спуститься около столба. Но островок обложен торосами. Посадка невозможна.

Берем курс к островам Самуила, расположенным в непосредственной близости от этого памятника.

На аэроплане это расстояние должно быть покрыто в несколько минут. Но плоские, низменные берега островов Самуила не видны. Они слились с общим зимним фоном.

Делаем несколько зигзагов, вылетая к полосе чистой воды. Наконец мелькнуло вдали небольшое черное пятно. Это были наши пароходы, полузанесенные снегом. Для более быстрого спуска Линдель выделывает свой обычный трюк: остановив мотор, он круто бросает машину вниз. Под напором ветра и по инерции туловище почти выталкивается из кабины. Надо держаться покрепче. Зато самолет очень быстро идет на посадку.

После почти месячного пребывания на мысе Челюскина мы вернулись домой.

ПОЛЯРНАЯ НОЧЬ

В ноябре морозы усилились. Но температура не опускалась ниже 34°. Вокруг пароходов иногда бешено завывала пурга, иногда же их окутывал густой туман. Но большей частью стояла тихая, хорошая погода.

Полярная ночь быстро вступала в свои права. Только в утренние часы виднелись на востоке красноватые лучи уходящего солнца. В безоблачную погоду ярко горели звезды на всем небосводе. На самом краю горизонта они казались ярко пылающим костром.

На первых порах это вводило даже в заблуждение.

— Горит костер. Кто-то потерял дорогу.

Но проверка показывала, что весь состав на пароходах в сборе.

Северное сияние становилось постоянным явлением. В лунную ночь вся белоснежная поверхность сверкала бесчисленными искрами. Мертвую тишину ночи нарушал только вой наших собак, бродивших около судов.

На пароходах жизнь шла обычным чередом. Весь коллектив деятельно готовился к встрече полярной ночи.

На острове Самуила вырос целый поселок. На случай гибели судов от сжатия льдов там было заготовлено первое пристанище. Дороги к восточному и западному островам, общим протяжением около тридцати километров, были обставлены невысокими досками. Эти знаки до известной степени предохраняли от излишних блужданий при походах в темную пору.

Плотник Леонов занялся изготовлением пастей для ловли песцов. Машины пароходов были разобраны, за исключением машины центрального парохода «Сталин», от которого шли трубопроводы к остальным судам. Для питания его котлов интенсивно заготовлялся снег и лед, чтобы не ис-

пытывать недостатка в пресной воде, когда нельзя уже будет отходить далеко от пароходов.

Необходимо было соблюдать большую экономию в расходе угля и керосина. В среднем на каждом пароходе имелось около пятисот тонн угля. Для обратного похода решили оставить не менее двухсот тонн на каждое судно. С учетом расхода на работу динамо, на опробование механизмов зимовка могла сжигать приблизительно две тонны в день.

Отопление трех пароходов требовало большого количества угля. «Володарского» поставили на консервацию. Урванцев с семнадцатью сотрудниками выехал на жительство во вновь построенные дома. Остальные разместились в каютах пароходов «Сталин» и «Правда».

Электрический свет был выключен. В каютах появились небольшие керосиновые лампы. Срок горения их был ограничен.

При интенсивной работе на жестком снегу быстро изнашивалась верхняя одежда и сапоги. Потребовалось организовать починочные мастерские.

Свиной «колхоз» разрастался очень быстро. Поросята еще не приспособились к холодам. Плотник «Володарского» отеплил дощатые постройки, устроил отделения для малышей и маток, а затем принял на себя все заботы о «колхозе».

Радисты провели в кают-компанию радиоприемники, установив связь со всеми соседними радиостанциями. Кружки политграмоты и мортехникум работали регулярно и серьезно. Стенгазета выходила каждую декаду. Она очень быстро перешла «от обороны к наступлению». Лозунг «за лучшую зимовку» был очень популярен.

Что нужно сделать для реализации этого лозунга?

Газета отвечала:

1. Сохранить и наилучшим образом отремонтировать пароходы.

2. Повысить политический и культурный уровень зимовщиков.

3. Повысить их техническую квалификацию.

4. Выполнить всю программу научных работ.

В то же время газета объявила упорную борьбу всем, кто будет пытаться сорвать дружную жизнь и работу всего коллектива.

Это было далеко не лишним. Среди ста зимовщиков, случайно оторванных от привычной жизни для вынужденной полярной зимовки, не могло не найтись нескольких человек, которых вообще было бы крайне нежелательно оставлять здесь.

Наступили октябрьские торжества. На пароходах царило радостное возбуждение. Тщательно убранные, декорированные всеми доступными средствами и вычищенные каюты выглядели уютнее и даже светлее. В театральном зале — бункере — шла деятельная подготовка к выступлению «артистов самуильской эстрады». Повара готовились показать свое искусство в полном блеске.

У радистов был большой день. Через их радиоприемники проходили тысячи приветственных слов.

День Октября открылся митингом.

Один за другим выходили на трибуну зимовщики. Они вспоминали великий Октябрь, отмечали достижения Союза за последние годы и, заглядывая в будущее, говорили об освоении Северного Ледовитого океана, о том, как огни индустриализации загорятся в пустынной Арктике.

«Водник Союза пробьет дорогу во льдах Ледовитого океана для будущих фабрик и заводов», единогласно ответило собрание.

Митинг окончился. Наступила очередь отдать должное искусству поваров. Обед удался наславу.

После обеда часть людей отправилась на остров поздравить «островитян». Другие собрались в кают-компаниях, где без умолку пел граммофон и слышались звуки различных инструментов.

К моменту возвращения ушедших на остров загорелись на мачтах яркие лампы, чтобы дать им возможность держаться правильного направления.

В девять часов вечера начался концерт. Трудно было ожидать, что у нас найдется столько талантов.

Декламация, стихи, танцы, оркестр. Правда, стихи местных поэтов были не очень удачны, но разве можно подходить к ним с суровой критикой?

Выступала агитбригада «Арктикиада». Артисты в шутливой форме перечисляли достоинства и недостатки зимовщиков. Пел хор. Заслуженным успехом пользовался струнный оркестр.

Много оживления внесло это первое представление. После его окончания были объявлены «танцы до утра».

Но до «утра» было еще далеко. Скоро все разошлись на отдых по своим каютам. На палубе осталась только одинокая фигура вахтенного матроса.

★

Настроение зимовщиков вполне удовлетворительное. Особенно бодро держатся володарцы. Им понятна и близка красота Севера.

— На Вайгаче у нас в прошлом году было куда красивее северное сияние,— уверяет Липатов, подняв голову кверху.

— Не болтай попустому,— защищает место новой стоянки капитан Смагин, — погоди, и здесь еще разгорится так, что в Архангельск не захочешь вернуться.

Команда и комсостав спаялись в один дружный коллектив. В отношении дисциплины «Володарский» — лучшее на зимовке судно.

Иногда выделяются отдельные «нытики» и «болельщики», вслух выражающие свое недовольство той или другой работой. Но дружеские шутки приободряют их. Лишь один раз пришлось вмешаться партактиву и предупредить электрика о необходимости соблюдать дисциплину.

Регулярно работает метеостанция. В домике Урванцева идет деятельная подготовка к дальнейшим научным экспедициям после окончания полярной ночи.

Аэроплан совершил еще один вылет на север, к плавающим льдам. Но затем полеты пришлось прекратить. Видимость стала ничтожной. Каждый взлет и посадка сопровождались недоразумениями.

— Здесь торосы! — утверждал кто-нибудь из летного состава.

— Здесь не может быть торосов! — возражал другой.

Рефракция превращала маленькие бугорки и отдельные льдины на снежном поле в высоко вздымающиеся торосы.

Вообще это явление не раз вводило всех в заблуждение не только при полетах, но и во время лыжных походов.

Однажды охотники отправились осматривать расставленные для песцов пасти.

Дула сильная пурга. Пароходы скрылись из виду, едва только они подошли к первой пасти. В ней не оказалось добычи. Не было добычи и во второй и третьей. Несколько в стороне должна была стоять четвертая ловушка. Но ее не видно. Виднелось только какое-то черное пятно, кото-

рое быстро бросилось бежать. Винтовки подняты к плечам. Однако никто не стреляет.

— Вероятно, собака!

Черное пятно остановилось. Потом кинулось в другую сторону.

Стрелять или не стрелять?

Крик, свистки не действуют. Пятно бегает, но не убегает.

С приготовленными к стрельбе винтовками идем вперед к предполагаемому зверю. Вскоре он превратился в обычную пасть. Живое пятно оказалось песцом.

Песцов в нашем районе в этом году нет. Они откочевали куда-то. Только однажды пасть придавила отощавшего зверя. Другого песца «добыл» Линдель. Осматривая и очищая свой самолет, поставленный в углублении, образованном носовой частью двух пароходов, он наступил на что-то мягкое. Это был песец, загрызенный собаками.

★

10 ноября отмечено в дневнике как день оживленных прений о судьбе дрейфующего далеко от нашей зимовки парохода «Челюскин». С горячим участием следили зимовщики островов Самуила за его борьбой, с волнением читая радиограммы, которые иногда перехватывала наша радиостанция.

— «Литке», может быть, выведет их из льдины, — надеялись одни.

— «Литке» сам избит. Да и не пройти ему в это время, — возражали другие.— Будут зимовать!..

Мы давно знакомы по полярной работе с товарищами Шмидтом, Ворониным и другими челюскинцами.

В самые трудные для нас дни борьбы со льдами в проливе Вилькицкого мы получили от них радиограмму:

«С тревогой и волнением следим за вашей борьбой...»

Теперь не приходится уже тревожиться о нашей судьбе. Челюскинцы находятся в гораздо худших условиях, чем мы. Весь наш коллектив полон дружеского сочувствия к ним.

— Чего они не вбились в припай? — недоумевают некоторые.

— Товарищ Шмидт и Воронин не меньше вас понимают,— возражает Смагин, старый соратник капитана Воронина.— Не вбились, значит нельзя было.

Радиограммы с «Челюскина» перехватывались нами далеко не регулярно. Часто удавалось уловить лишь отдельные слова, которые мы потом старались расшифровать, сопоставляя их с ранее полученными сведениями.

Происшедшее на нашей зимовке несчастье на некоторое время ослабило внимание самуильцев к перипетиям «Челюскина».

В темную ночь, пытаясь перепрыгнуть с борта одного парохода на борт другого, упал на лед и разбился насмерть машинист «Володарского» Пустошный. По заключению врачей Урванцевой и Диденко, смерть наступила мгновенно. При ударе о лед сместилась в сторону черепная коробка и сломались спинные позвонки. Обезображенное лицо стало неузнаваемым.

Эта нелепая гибель произвела на многих тяжелое впечатление.

— Некоторые боятся оставаться одни в темноте или спускаться в бункер, — сообщил доктор Диденко.

Решено было похоронить Пустошного на другой же день, если немного утихнет пурга. Местом его погребения был избран небольшой каменистый островок, расположенный в десяти километрах от пароходов.

Утро было почти тихое, но мороз доходил до 34°. Итти провожать труп Пустошного всему коллективу было нельзя. Это, несомненно, привело бы к тому, что несколько человек вернулись бы с отмороженными частями тела. В случае же пурги не всем удалось бы дойти обратно до пароходов.

Пошла группа в десять человек с «Володарского» и по пяти человек с остальных пароходов.

С утра первая партия отправилась готовить могилу.

Полярная ночь уже полновластно царила в этих широтах Только на востоке едва розовели нижние края облаков. Безжизненный свет северного сияния покрыл неживыми красками снежную пустыню. Мы шли небольшой толпой, затерянные в безграничном просторе Арктики. Цель путешествия усугубляла ощущение покинутости и отчужденности.

Через два часа прибыли к намеченному месту. С возвышенного берега виднелись вдали наши замерзшие пароходы и плоские дома зимовки на острове. Невдалеке стояли покрытые густым морозным инеем дощатые вехи, поставленные нами для ориентировки в пути.

— Будешь ты, Пустошный, теперь нам тоже только вехой, — с грустью пошутил кто-то.

Молча принялись разбирать плоские камни, чтобы приготовить ровную площадку для гроба. Могилу устроить здесь просто. Тщетны попытки углубиться в мерзлую почву. Гроб остается на поверхности земли. Сверху кладется надежный каменный курган, чтобы ни песцы, ни медведь не могли добраться до трупа.

Камни выламывались с трудом, но их груда постепенно росла. Мороз подгонял работу. Однако вскоре пришлось развести костер из принесенных дров, чтобы отогреваться около его огня.

В отдалении показался вездеход с гробом и небольшая группа людей и собак. К часу дня они подошли к островку. Дружеские руки подняли гроб и поднесли его к приготовленной могиле. С глубокой грустью простились мы в последний раз с товарищем, который тридцать часов тому назад и не думал о смерти.

Постепенно над гробом вырос каменистый холм. Возле него мы поставили высокую железную штангу, с звездой наверху и соответствующей мемориальной надписью.

— Отныне этот остров будет называться островом Пустошного.

Прощальный залп из винтовок. Пора двигаться в обратный путь. Долго еще виднелся этот небольшой холмик. Ярким пламенем горел около него наш костер, как последний дар света и тепла умершему от его живых товарищей.

Вечером созвали общее собрание зимовщиков. Необходимость его ощущалась всеми. Надо было дать разрядку тяжелому настроению.

— В короткое время мы потеряли двух товарищей — Елисеева и Пустошного. Оба погибли от собственной неосмотрительности. Нельзя регламентировать приказами каждую мелочь. Помните, что мы в высоких широтах Арктики, где надо постоянно соблюдать осторожность. Тогда все будет благополучно, тогда будет выполнена вся намеченная программа работ...

Собрание дало хорошие результаты. На следующий день работы и занятия шли обычным порядком.

По окончании работ состоялся доклад о политическом и экономическом положении современной Германии. Тема была интересна для большинства водников. Германия была им знакома по прежним рейсам. Поэтому многие могли поделиться своими впечатлениями от ее посещения.

Гнетущее настроение, навеянное смертью Пустошного, рассеялось.

★

Морозы продолжали усиливаться. 18 ноября температура упала до — 44°. Пришлось отменить все работы вне парохода и предоставить внеочередной выходной день.

Охота на медведей безрезультатна. Поиски их напрасны. Вероятнее всего, они залегли спать на все время полярной ночи. У кромки пловучего льда, находящегося в пятнадцати километрах от нас, не обнаружено даже следов зверя. Походы туда уже сопряжены с опасностью. Частая пурга усиливает ночную темь.

Жизнь течет монотонно. Но время, благодаря постоянной занятости людей, проходит для них незаметно. Никто не сидит без дела. После большой физической работы одни преподают или готовятся к очередному уроку, другие учатся или слушают очередной доклад.

В мортехникуме ощущалась острая нужда в бумаге. Разве можно было предвидеть создание учебного заведения на 77° северной широты? Пришлось использовать старые конносаменты, плакаты, афиши.

Вечера заполнены теперь другими развлечениями. Стали отлично слышны радиостанции Москвы, Ленинграда и Аляски. Наши радисты окончательно справились со своими радиоприемниками. Через них издалека, через белоснежные ледяные пространства, долетают до нас чудесные звуки самой разнообразной музыки. Аляска услаждает наш слух фокстротами. Москва, Ленинград, а иногда и Варшава передают прекрасные концерты.

Слушая музыку, мы отдыхаем. Она является для нас новым источником сил и энергии.

Ради нее наши часы переведены теперь на московское время. Для работы это не имеет никакого значения. Не все ли равно, когда спать и когда вставать, если непрерывно длится полярная ночь без малейшего проблеска света?!

По мере углубления полярной ночи среди части зимовщиков развилась бессонница. Особенно сильно страдали ею люди, когда из-за сильной пурги или морозов приходилось прекращать физические работы.

В первую очередь бессонница овладела теми, кто еще в самом начале зимовки находился в недостаточно удовлетворительном физическом состоянии. Из ста двух зимовщиков

На ремонте машин.

таких оказалось двадцать человек. Остальные чувствовали себя хорошо. Ежемесячный врачебный осмотр показал даже увеличение веса и общее укрепление здоровья у подавляющего большинства людей.

Жизнь на зимовке подчинена строго установленному, однообразному суточному режиму.

В семь часов звонок приглашает всех подниматься с постелей. Уборщицы разносят чайники и надоевшие консервы. Кают-компании быстро наполняются людьми. При свете керосиновой лампы на лицах вставших не видно того оживления, какое бывает у людей, вышедших на яркий солнечный свет.

С восьми до двенадцати часов — рабочее время. Одни заняты на снеговых работах, другие на бункеровке угля, третьи на ремонте пароходов.

В двенадцать — обед. Здесь уже больше оживления и шума: четырехчасовой труд улучшил настроение людей и вернул им физические силы.

С тринадцати до семнадцати часов — снова работа на прежних местах. Для учащихся и преподавателей мортех-

никума делается исключение: они работают только до пятнадцати часов.

В семнадцать часов — ужин. В девятнадцать часов тридцать минут — вечерний чай. В полночь — отход ко сну.

★

17 ноября из перехваченной радиограммы мы узнали, что «Литке» не пробился к «Челюскину» и уходит обратно.

— Придется челюскинским ребятам зимовать, как и нам.

— Не как нам, а куда похуже. В дрейфующих льдах их в любой момент может раздавить.

Такая перспектива вызывала опасения не только за жизнь челюскинцев, но и за судьбу всей работы в Арктике.

— Мы уже зазимовали. Теперь они зимуют. Как бы не появился кой у кого «арктический оппортунизм»...

Это предположение встретило живейший отпор.

— Грузы в Якутию мы привезли? Привезли! «Пятилетку» с лихтером привели? Привели! Не каждый же год будут такие ледовые условия, как в 1933 году. В Карском море тоже сначала зимовали.

Все стали убежденными сторонниками Северного морского пути. Всем стала дорога борьба за развитие производительных сил северных окраин азиатского материка.

— Ловите челюскинцев, — просили зимовщики радиста Ковалева.— Сидите в своей рубке день и ночь.

— Дня-то нет, — отшучивался Ковалев, — а ночью и так сидим.

Общее собрание послало «Челюскину» радиограмму. Она должна была передать участникам героического похода привет и сочувствие самуильцев.

★

Вторая половина ноября и почти весь декабрь отражены в дневниках только записями о проделанных работах, метеорологических показателях и т. д. Иногда делали пробеги на острова. В общем шла деловая, но очень однообразная жизнь. Это однообразие было продиктовано однообразием полярной ночи.

Перелом наступил 22 декабря.

Температура воздуха была — 39°. Дул сильный ветер. Работы на снегу и на палубе пришлось отменить. Тем не менее этот день отмечен в дневнике как «хорошее число». Такая оценка продиктована двумя вескими причинами.

Во-первых, с сегодняшнего дня солнце начинает опять поворачивать в нашу сторону. Оно будет приближаться к нам очень медленно — всего на шесть секунд в сутки. Но важно то, что теперь оно идет уже к нам, а не от нас. Полярная ночь еще долго будет держать нас в своих объятиях, но все же силы ее будут убывать с каждым часом.

Во-вторых, Ленинград сообщил нам сегодня, что 24 декабря будет происходить радиоперекличка со всеми зимовками, в том числе конечно и с ними.

Такой день надо отпраздновать!

Повара хорошо пстарались. Обед и ужин были замечательны. На столе появились бутылки с портвейном — по одной на три человека. Некоторые, впрочем, предпочли заменить вино обычной порцией спирта (пятьдесят граммов), выдаваемой в выходные дни.

Бункер парохода «Сталин» снова превратился в театр «Арктикиада» еще раз показала свои таланты.

Вечер прошел очень оживленно. Всем понравились музыкальные номера. Особый успех имело стихотворение «Зимовка машин» Точнее — его конец. Автором его был второй механик «Володарского» Семенов.

Песни труда напеваем:
«Вьется стружка под резцом
Петлями тугими,
Крепко сжал патрон кольцо
Пальцами стальными.
Все проточим, все притрем,
Соберем машины,
Бороздить опять начнем,
Морские равнины».
От зимнего сна мы пробудим машины:
Вновь оживут,
Зашумят,
В беге стремительном,
Непобедимом
Топки огней загудят.
Песнь штормовую мы снова услышим,
Снова по волнам пойдем.
Зимнюю спячку
Мы к дьяволу спишем,
Песню победы споем.

После окончания музыкально-вокальной части опять были объявлены «танцы до утра». До настоящего «утра» и теперь конечно было еще далеко. В изъятие из общих правил жизнь на пароходе продолжалась до часу.

Следующий день был днем обычной работы. Ночью началась радиоперекличка.

Как странно было слышать чужой голос, идущий откуда-то из шумного центра.

— Слушайте, слушайте! Товарищ такой-то, сейчас с вами будет говорить ваша мать.

Все с живейшим интересом ожидают, что скажет сейчас женский голос. Но голос молчит.

— Не волнуйтесь, говорите!

Но попрежнему все тихо. Вероятно, мать никак не может освоиться с мыслью, что в этот момент, когда она стоит перед маленьким отверстием радиопередатчика, исчезло расстояние между нею и сыном, зимующим где-то в далекой, страшной Арктике.

— Товарищ такой-то... Ваша мать очень волнуется... Пусть успокоится, а пока будет говорить жена товарища Н.

— Дорогой муж. Обо мне не беспокойся, у меня все благополучно, дети здоровы. Надеюсь, что у тебя тоже все хорошо. Держись, как крепкий большевик...

— Вот эта хорошо отчеканила! — одобряют собравшиеся.

— Ну, теперь ваша мать успокоилась. Сейчас она будет говорить. Слушайте, слушайте.

Радиоприемник передает слезы в голосе и тихие всхлипывания.

— Как ты себя там чувствуешь? Не поморозься. Береги себя. Паек получаю. Со мною твой сын...

По лицам слушателей видно, как понятно им это волнение матери.

— Папа, я начал учиться... Знаю все буквы... Привези мне белого медвежонка.

Этот наказ приводит всех в веселое настроение. Он дается как раз очень мирному человеку, совсем не склонному к встрече с медведями.

— Товарищ Ч., с вами будет говорить ваша родственница.

— Здравствуй, Коля. С тобой говорит твоя тещенька...

— У-у-у-х! — в комическом испуге восклицают слушатели. — Спасайся, Ч.!

— Отсюда не страшно, — улыбается Ч.

Много было получено в эту ночь заказов на присылку медвежат, много было наказов «беречь себя». Но и немало было услышано хороших, ободряющих слов.

Началась радиоперекличка с другими зимовками. Долго длилась она. Но толпа около радиоприемника не расходилась. Всем хотелось знать, о чем будут говорить.

Радиоперекличка внесла большое оживление в монотонный быт нашей зимовки.

— Теперь надо ждать, что раскачаются Москва и Архангельск, — мечтали самуильцы.

★

Настроение зимовщиков, никогда, даже в самом начале вынужденной остановки, не сдававших бодрого тона, стало еще крепче и увереннее.

Часовая стрелка обошла еще семь раз по циферблату, и с седьмым оборотом ее закончил свое существование старый год.

За это время свирепая пурга иногда уступала место затишью, чтобы через несколько часов снова вернуться в белоснежные просторы Полярного моря и тундры. Падала и повышалась температура воздуха. Сегодня — 30° без ветра, совсем тепло. Завтра — 40°, также без ветра, холодновато. Потом — 25°, но с ветром, — невозможно работать вне помещений. Во всем этом было движение и смена.

Только полярная ночь оставалась постоянной и непоколебимой. Свет луны и звезд, прекрасная игра полярного сияния нисколько не нарушали ее однотонности.

Наша маленькая кучка людей сознает себя частью громадной коллективной семьи Советского союза. Невидимыми, но глубоко ощущаемыми нитями связаны мы с нею и делаем одно и то же великое дело.

Поэтому, собравшись в канун нового года в грязном бункере парохода, мы с волнением слушали доклад об итогах работ всего Союза за 1933 год, ощущали рост его силы, гордились этим и в свою очередь сообщили в центр о нашем вкладе в общее дело строительства социализма.

По случаю нового года в кают-компаниях вместо тусклых керосиновых ламп ярко горело электричество. При свете его все выглядели моложе и веселее.

День был нерабочий.

После обеда часть зимовщиков ушла на лыжах с визитом к «островитянам», часть просто кружила около парохода, часть же засела играть в домино, почему-то известное здесь под названием «козла».

Через некоторое время явились вестники из бункера с приглашением «занимать места» в театре.

«Арктикиада», помимо обычных номеров, поставила чеховское «Предложение».

Наталью Степановну играл один из комсомольцев. По сему случаю он не пожалел даже своих усов. Платье одолжил у одной из уборщиц. Каким-то образом нашлась и дамская шляпка. Ломов и Чубуков были разодеты так, как уже давно никто не одевался.

Одно появление этих персонажей на сцене вызвало хохот, — настолько их вид дисгармонировал с обычным видом людей на зимовке.

Артисты играли с большим темпераментом. Чувствовалось, что они усиленно готовились к этому спектаклю. В споре о Воловьих лужках Наталья Степановна и Ломов свирепо наступали друг на друга. Зрители оживленно воспринимали игру. Зал и сцена слились в одно целое.

Еще более объединила всех выходка пароходной собаки Ринки. Она очень не любила, когда люди ссорились, и всегда становилась на сторону того, кого считала обиженным.

Поведение людей на сцене начало сильно беспокоить Ринку. Было совершенно очевидно, что они ссорятся, но кто же виноват из них? Собака вскочила на сцену и, видимо, напряженно обдумывала свои дальнейшие действия.

Виновата как будто Наталья Степановна. Ринка приближается к ней. Но тут раздается повышенный голос Ломова. Ринка — к нему.

Артисты, зная ее нрав, умерили пыл спора. Собака сидела перед ними и грозно выжидала, что будет дальше.

Наконец, поощряемая возгласами из зала, она поняла, как надо действовать, и вцепилась зубами сначала в ногу Натальи Степановны, а затем и Ломова.

После этого Ринке пришлось покинуть театр, но уже не по своей воле...

За спектаклем последовали музыкально-вокальные номера. Как всегда, они были удачны. На судах имелись отличные гитаристы и балалаечники. Не обошлось и без чтения стихов на местные темы.

На следующий день проверили знания «студентов самуильского мортехникума». Подавляющее большинство получило хорошие отметки. Наша зимовка даст советскому флоту новых штурманов и механиков.

Дальше жизнь потекла прежней пробитой колеей.

Дневник до 30 января 1934 года отражает только состояние погоды и отчеты об отдельных лыжных походах на острова.

К 30 января солнце стояло уже настолько близко, что в течение двух часов держались серые сумерки. Перевели часы на два часа вперед, пожертвовав ради света ленинградскими и аляскинскими радиоконцертами.

Можно было приступить к полетам. Для Линделя это явилось настоящим праздником. Самолет вывели из зимнего помещения. Полярную ночь он перенес благополучно.

4 февраля совершили первый пробный полет на север от пароходов, чтобы найти границу плавающих льдов. Она оказалась почти в том же положении, в каком мы оставили ее осенью. В пятнадцати километрах высился торос около четырнадцати метров вышиной. От него на восток тянулась гряда более мелких торосов. За ними начинался район плавучих льдов. Между припаем и льдами шел узкий канал чистой воды.

Мы с удовольствием всматривались в эту черную полосу, резко выделявшуюся на белом фоне снежной пустыни. Над водой висел густой туман. Из-за него горизонт видимости был крайне незначителен.

Сумерки стали быстро сменяться тьмой. Мы повернули обратно к пароходам.

8 февраля вылетели уже на авиоразведку. Температура — 21,2°. Стоял полный штиль. Лучшей погоды для полета трудно было ожидать. Аэроплан, набрав высоту, быстро достиг кромки плавающих льдов и вдоль ее пошел на северо-запад.

Видимость и на этот раз была прекрасная, хотя вместо настоящего дня стояли еще сумерки.

После долгого перерыва снова увидели с воздуха острова Самуила. Они уже не казались нам такими дикими и пустынными, как раньше. От стоянки пароходов, как от центра, вытянулась в обе стороны длинная линия вех. На одном конце ее — выстроенные дома, на другом — небольшая охотничья будка.

Линия припая идет попрежнему на северо-запад. Виден возвышенный берег Таймырского полуострова. С другой стороны — на всем горизонте плавающие ледяные поля.

Под самолетом тонкая лента — канал открытой воды. Он становится все уже и уже и на траверсе острова Малый Таймыр круто поворачивает на север.

Наш дальнейший путь — к проливу Вилькицкого и на мыс Челюскина.

Пролив покрыт сплошным ледяным покровом. На его восточной половине почти нет крупных торосов. Не видно даже заторошенных краев ледяных полей. Только у мыса Прончищева был, повидимому, сильный нажим льдов на берег. Льдины выброшены на сушу и беспорядочной массой раскинулись на большом пространстве.

Около мыса Челюскина — длинные гряды торосов. Несколькими параллельными линиями они разрезали пролив Вилькицкого на широкие полосы.

У мыса Щербина мы берем курс на материк. Яркий огонь костра дал нам направление. Несколько кругов над костром — и перед нами зимовка мыса Челюскина.

Лица зимовщиков несколько побледнели, вернее, посерели после полярной ночи. Подросшие щенки весело скачут возле самолета. Густой шерстью покрылись старые собаки.

— Привет друзьям... Как зимовали?

— Все в порядке. Готовимся к походам...

Мы вошли в знакомые комнаты. Теперь они представляются нам комфортабельным жильем.

КОНЕЦ ПОЛЯРНОЙ НОЧИ

17 февраля показалось солнце. Облачная погода на четыре дня задержала его появление. Зато теперь на краю горизонта виднелись сразу три солнца. В смысле тепла ни одно из них не принесло никакой пользы. Сильный мороз обжигал лицо. Но все с восторгом смотрели на этот чудесный свет, мгновенно изменивший картину льдов пролива Вилькицкого и Таймырскую тундру.

По снегу легли розоватые полосы. Торосы вспыхивали разноцветными искрами. В районе острова Гейберга в прозрачном холодном воздухе виднелись приподнятые рефракцией льды. На севере иногда мелькала темная тень Северной Земли.

Появление солнца заставляло поторопиться с окончанием подготовительных работ к санным экспедициям.

Год в промысловом отношении выдался тяжелый. Собаки остались без мяса. Несмотря на покрывшую их толстым покровом шерсть, они выглядели унылыми и худыми. Между тем для них наступила пора наиболее тяжелой работы.

По вечерам кают-компания превращалась в швейную и починочную мастерскую. Из привезенных шкур нерпы шили походные сапоги и рукавицы, чинили собачью упряжь.

Впереди зимовщикам мыса Челюскина предстояли два похода: один — через пролив Вилькицкого для его гидрологического разреза, другой — к островам Нансена с той же целью.

Теперь же гидролог Данилов, прорубив несколько отверстий в двухметровом льду, поставил около одного из них снежный домик и вел там все нужные наблюдения.

Участились охотничьи экскурсии на пролив в поисках снежных хижин нерпы. Особенно ретиво искали их Сквор-

цов и Тюлин. Однажды им посчастливилось найти сразу две хижины. Но этим и ограничился их успех. В первой хижине уже до них побывал медведь и, повидимому, не безрезультатно. Об этом свидетельствовали кровяные пятна на снегу. Из второй же хижины нерпа успела уйти, пока охотники пробивали снежные стены.

Радисты Григорьев и Корягин попрежнему сидели над своими аппаратами. Зимовка парохода «Челюскин» дала им чрезвычайно большую нагрузку. Связь с ним была здесь гораздо лучше, чем на нашей зимовке у острова Самуила. На карте почти ежедневно отмечался дрейф судна.

Быстро пролетел вечер. Сравнили программы научных работ обеих зимовок и условились о взаимной помощи. Особенно важно было присутствие на островах Самуила товарища Данилова. Он нужен был там для инструктажа по гидрологическим наблюдениям. Поэтому договорились о переброске его туда на самолете на одну декаду.

13 февраля мы вылетели с мыса Челюскина на запад, к островам Фирилея. Мороз стоял не сильный — 21,2°. Погода обещала быть устойчивой.

Снова под нами пролив Вилькицкого. Но как он изменился со времени нашего осеннего полета! Видимо, до 29 ноября 1933 года — времени окончательного ледостава пролива — тут были большие подвижки льда с сильным сжатием. Параллельные берегу гряды торосов имели только незначительные промежутки, которые нередко были почти сплошь заставлены отдельными льдинами, выжатыми на поверхность.

Здесь, между мысом Челюскина и мысом Мессер, самое узкое место пролива. Нажим льдов был поэтому сильнее, чем в других местах.

Дальше, на запад, замерзание прошло более спокойно. Но на всем пространстве нет и намека на взломанный лед. Вдали не видно даже водяного неба.

В стороне остался остров Гейберга. Мы подошли к островам Фирилея. Покрытые плотным покровом желтоватого снега, они выглядят еще угрюмее и величавее, чем осенью. На неподвижный припай около островов взгромоздились льдины. Ближе к материку — ровные ледяные поля с небольшими заторошенными краями. На западе же, около архипелага Норденшельда, как грозные бастионы, высоко вздымались торосы.

Там Карское море пыталось протолкнуть в море Лапте-

вых массу своих льдов. Сжатые здесь узким пространством, они осенью загородили дорогу нашим судам и замерзли до нового ледохода.

— Посмотрим медведя!..

Самолет, снизившись, делает круг над островами. Напрасно. Здесь нечем жить даже такому выносливому животному, как медведь.

В воздухе мы уже более часа. Нам предстоит более медленное возвращение. Навстречу дует восточный ветер. Он задержит наш ход. Дальше лететь нельзя.

Мы поворачиваем ближе к материку, чтобы проверить береговую линию Таймырского полуострова по сравнению с картой.

Проверка оказывается невозможной. Низкие берега настолько плотно закрыты снегом, что нет возможности проследить с воздуха их настоящую линию.

Через 2 часа 15 минут мы снова над зимовкой мыса Челюскина.

Здесь нас ждало тяжелое известие. Пароход «Челюскин» затонул, раздавленный льдами. Люди сошли на льдину, потеряв одного из своих товарищей.

Последующие радиограммы сообщали, что благодаря должной предусмотрительности с «Челюскина» снято продовольствие на два месяца, палатки, приборы и даже запасные аккумуляторы.

Долго ли продержится льдина, на которой теперь сидят челюскинцы?

Никто из нас не сомневался в том, что весь Союз окажет челюскинцам самую активную помощь. Но успеет ли притти эта помощь? Будут ли они пытаться самостоятельно пробираться к берегу?

Поход по движущимся льдам к спасительной земле очень часто применялся в подобных случаях в Арктике, но для многих он кончался трагически.

В эти дни перестал петь граммофон на зимовке. Круглосуточная вахта на радиостанции едва успевала справиться с потоком радиограмм, идущих в ту и другую стороны. С нетерпением ловили мы каждое известие о судьбе людей в «лагере Шмидта».

— Нам бы туда улететь!.. — мечтал наш летный состав.

Но как бы мы ни измеряли путь, отделяющий нас от места аварии, какие бы, даже наиболее благоприятные, условия полета ни предполагали, все-таки оказывалось, что

для нашего маленького самолета «У-2» непосильно покрыть расстояние между базами горючего.

— Был бы цел наш «Р-5», мы были бы там!

Но «Р-5» стоял под брезентом, засыпанный почти доверху снегом. Его мотор еще осенью окончательно вышел из строя. Мы вынуждены оставаться в роли пассивных зрителей...

19 февраля аэроплан унес гидролога Данилова вместе с его приборами на острова Самуила.

20 февраля мы вылетели опять на ледовую разведку к острову Малый Таймыр. Надо было найти продолжение кромки пловучих льдов, которую мы видели у островов Самуила при первых полетах.

Погода прекрасная. Температура воздуха — 32°. Слабый юго-восточный ветер.

Под нами давно знакомый пейзаж пролива Вилькицкого и замерзшего пустынного берега. Это уже не привлекает прежнего внимания. Сейчас важно, во-первых, правильно держать курс и, во-вторых, правильно отобразить в записной книжке картину льдов.

Вдали уже мелькнуло какое-то темное пятно, — возможно, остров Малый Таймыр или остров Старокадомского. В это время прибор показал падение оборотов винта. Внизу расстилались неровные торосистые льды. Посадка на них невозможна. Постепенно теряя высоту, самолет повернул к материку.

500 метров... 400... 300... 200...— продолжает свой механический счет высотомер.

Торосы кажутся теперь выше и запутаннее. Нагнув головы книзу, мы стараемся найти что-нибудь похожее на посадочную площадку. Но тщетно. Только впереди, около самого материка, в одной из бухт видно ровное пространство.

Дотянем или нет? Это вопрос жизни или смерти...

100 метров... 50... 25... Под нами торосы, но заветная площадка уже близка. Мы сели на самом краю ее, неровном и ухабистом из-за жестких снежных застругов.

Лопнул один из тросов. Самолет, наклонившись на одно крыло, остановился.

— Цел самолет! —радостно сообщил Линдель после его осмотра.

Аэроплан, действительно, остался цел, но лететь на нем дальше нельзя. Бакинский бензин, вследствие низкой температуры воздуха, начал кристаллизоваться. Естественно, что

мотор, не получая нужного притока горючего, перестал давать необходимое число оборотов, и самолет стал спускаться, едва не посадив нас на торос.

— Будем выходить пешком, потом приедем на собаках!

Путь нам предстоял недалекий. Поэтому, сунув в карман бутылку бензина, две банки консервов и забрав винтовку, мы двинулись к мысу Челюскина, обогащенные первым опытом вынужденной посадки.

К заходу солнца радиомачта зимовки уже была видна.

— Люди с востока...— с недоумением и некоторым испугом констатировали зимовщики, завидев две закутанные меховые фигуры.

Немедленно навстречу нам выступила большая группа.

На другой день к месту аварии самолета выехала запряжка собак, нагруженная грозненским бензином, не поддающимся кристаллизации.

Самолет снова прилетел на свой аэродром.

Сделали еще раз попытку добраться до острова Малый Таймыр. Но опять неудача. Поднявшийся густой туман заставил поспешно вернуться обратно, чтобы не потерять из видимости посадочную площадку.

— Не дается нам проклятый остров... Но все-таки мы его достанем!..

Измерения температуры на высоте, сделанные синоптиком Рихтером, дали любопытные результаты. Температура повышалась через каждые сто метров. На высоте 1 500 метров она была — 14°, тогда как на земле мороз достигал 18°.

26 февраля вновь вылетели к Малому Таймыру. Он снова начал показываться, как темное пятно, и снова пришлось вернуться из-за тумана. Теперь мы были ближе к островам Самуила, чем к мысу Челюскина. Пора было еще раз посмотреть, в каком состоянии находятся там льды при новой температуре и новых ветрах.

Опять нас встретили узкий канал чистой воды, идущий около припая островов, и большое скопление льдов на горизонте.

— Курс на север! В район пловучих льдов!

Самолет послушно идет туда, подгоняемый попутным ветром. Между плавающими льдами почти нет проблесков чистой воды. Льды вплотную прижаты друг к другу. Они серого оттенка и лишены снежного покрова. Погода ухудшалась.

Надо возвращаться обратно. Это стало затруднительным. Встречный ветер замедлял ход самолета. При пересечении полосы открытой воды он как бы остановился в воздухе. Четко работал мотор, но мы продолжали висеть над водой, нисколько не подвигаясь к припаю. Сила встречного ветра нейтрализовала усилия самолета.

Уже приходила мысль, не повернуть ли назад и при боковом ветре попытаться вылететь из района плавучих льдов хотя бы на Северную Землю.

Аэроплан начал забирать высоту, отходя от припая на север. На высоте в тысячу метров он снова повернул к припаю. Здесь напряжение ветра стало слабее. Под нами скоро показалось ровное поле неподвижных льдов. Но теперь возникло новое затруднение. Пока самолет делал круги и боролся с ветром, его отнесло на неопределенное расстояние в сторону, неопределимую нашими приборами.

Тщетно ищут глаза остров Самуила и замерзшие во льдах пароходы. Их нет... Везде ровное белое пространство.

Линдель дал мотору самые малые обороты. Наступила тишина.

— Куда полетим?

Сравниваем силу и направление ветра с силой мотора и затем решаем: нас отнесло к востоку. Надо вернуться к кромке льда.

Послушный мотор опять заработал. Мы снова около открытой воды.

Через некоторое время вдали показался восточный остров Самуила. Близко от него проходила кромка плавучего льда.

Темной точкой ясно виднелись наши замерзшие пароходы.

ГИДРОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ И ОХОТА

С рассветом жизнь на зимовке стала гораздо оживленнее. Даже излюбленный «козел» начал терять своих приверженцев. Теперь все увлекались футболом. Ровный плотный снег представлял из себя отличную площадку для игры. Мороз от 17° до 20° никого не смущал. Футбольные команды жестоко сражались между собой. Всех побила команда сталинцев.

Однажды к вечеру около пароходов появились, как показалось сначала, четыре собаки. Двух из них распознали сразу. Это были полуволки Найми и Красный. Позади них собачьей трусцой, не торопясь, бежала пара крупных полярных волков. Собаки и волки, подойдя близко к пароходам, спокойно улеглись на снегу. Очевидно, в их группе царил полный мир.

Войну начали люди. Двумя выстрелами один из волков был убит, второй же, оставляя большой кровавый след, скрылся в торосах.

Убитого зверя втащили на палубу. Это была сильная молодая волчица, покрытая густым бледносерым мехом с более темной полосой по хребту.

— Зачем их сюда занесло, когда кругом нет никакой жизни! — недоумевали зимовщики.

Дальнейшие охотничьи экскурсии показали, что волки пришли не одни. Они пригнали на север материка стадо диких оленей. Возможно, что олени сами начали уже свою обычную откочевку к северу при наступлении весны. На берегу всюду виднелись свежие следы пребывания оленьего стада. В одном месте были найдены и кости недавно загрызенного оленя.

Волки стали часто кружить около пароходов, большей

частью в одиночку. Собаки не раз бросались по их следам, встречались с ними, но к людям больше их не приводили. Мир был нарушен...

Первый гидрологический отряд вышел на восток от островов Самуила еще до нашего возвращения из последней авиаразведки. Капитан Смагин, штурман Тимофеев, машинисты Липатов и Керци, уйдя вместе с гидрологом Даниловым, уже неделю сидели на льду, не давая о себе никаких вестей. Это показалось нам несколько странным, так как одному из них надо было обязательно вернуться на суда за некоторыми оставшимися вещами. Оторваться на льдине они не могли, так как по плану не должны были выходить за конец припая. Однако сильная пурга, пронесшаяся в первых числах марта, все-таки заставляла беспокоиться об их судьбе.

Небольшой партией мы вышли на розыски отряда. Пурга начинала ослабевать. Поставленные вехи однако были едва видны. До острова, где находилась охотничья избушка, прошли быстро. Людей там не оказалось. Повидимому, отряд туда и не заходил.

Наше беспокойство усилилось: не потерял ли отряд направление, делая переходы во время пурги?

Решили выйти двумя группами по два человека в охват острова. Пока грели чайник в избушке и составляли планы, из-за мыса показалась фигура человека. Это был капитан Смагин.

— Где же остальные?

— Идут сзади... Заканчивают последнюю станцию.

Их работа задержалась из-за пурги. Кроме того, взяв одну станцию, им захотелось взять и другую, несколько севернее первой.

— Постоянных течений в этом районе нет. Имеются только приливно-отливные, и то очень небольшие, — констатировал гидрологический отряд.

Для науки станция дала положительные результаты, осветив один из пунктов моря Лаптевых. Но для зимовщиков это известие было не совсем приятным.

— Не скоро нас отсюда выломает, если не появится весной новое течение или не придет на помощь шторм.

Гидрологи решили оставить этот район в покое и вынести станцию как можно дальше, на север от островов Самуила, одновременно ведя футшточные наблюдения около пароходов и на западном острове.

Футбольная команда на острове Самуила.

На следующий день лыжная партия ушла к северу для выбора места новой станции.

В двенадцати-пятнадцати километрах от пароходов уже начинался район пловучего льда. Так было во все предыдущие месяцы. Теперь положение здесь изменилось. Несколько дней подряд дули нордовые ветры различной силы. Они вплотную подогнали пловучий лед к припаю и нагромоздили высокие горы. Одна из них, высотой около пятнадцати метров, стала служить нам маяком. С ее вершины в ясную погоду хорошо были видны пароходы.

Под влиянием сорокаградусных морозов прижатый лед спаялся в одно целое. Лед был морской, горько-соленый.

Теперь наступил наиболее удобный момент для постановки там гидрологической станции. Но все же оставался некоторый риск, так как было совершенно ясно, что, если начнутся сильные штормы, снова восстановится прежнее ледовое положение.

— Беретесь поставить здесь пятнадцатисуточную станцию? Район интересный...

— Беремся... Если оторвет, вытащите нас аэропланом, — последовал ответ гидрологов.

Морозы во второй половине марта были сильнее, чем за весь предыдущий период зимовки. Была надежда, что окрепший благодаря им лед будет в состоянии сопротивляться некоторое время ударам штормовой волны. Тогда гидрологическая партия успеет выйти на припай.

Наблюдения лыжников решили еще раз проверить летной разведкой.

На другой день самолет уже летел на север от пароходов, пересекая ледяную торосистую равнину, где должна была в недалеком будущем стоять палатка гидрологов.

Наш бортмеханик Игнатьев прекрасно справлялся со своими обязанностями. Мотор у него всегда работал, как часы. Но Игнатьеву почти постоянно приходилось оставаться на пароходах, не принимая участия в полетах. Тесные помещения самолета и слабость мотора позволяли летать только двоим — пилоту и летнабу.

— Оставаясь на земле, я больше боюсь за вас, чем вы сами, — говорил Игнатьев.

— Бойся, не бойся, а летать надо, если взялись за Арктику...

Часовой полет на этот раз не обнаружил даже признаков свободных плавающих льдов. Все было сковано морозом в одно целое. Многочисленные торосы на стыке льдин говорили о сильном сжатии, произведенном последними нордовыми ветрами.

Аэроплан благополучно вернулся «домой».

— Трите скорее щеки... Совсем отмерзнут, — так приветствовали встретившие нас зимовщики.

Солнечный свет оживил мертвые пространства. Разноцветными искрами сверкал снег. Далекие торосы приподнялись и, казалось, перемещались, движимые какой-то непонятной силой. Бодро и весело шла работа около пароходов. Ринка в диком восторге от такой картины затеяла игру с другими собаками. Игра быстро перешла в драку.

Харди сцепился со своим постоянным врагом — Чуркиным. Дерущихся окружила остальная стая, с нетерпением ожидая, когда упадет один из противников, чтобы немедленно его прикончить.

К великому сожалению собак, люди, как и всегда, вмешались в их развлечения. Лопаты и палки загуляли по спинам правых и виноватых. Это успокоило страсти. Собаки разбежались во все стороны. Чуркин опять успел снять с Харди часть кожи. Зато и сам он ковылял на трех лапах.

Работа вездеходов.

★

Вездеходы увезли гидрологов со всем их багажом в намеченное место. Продовольствия они взяли на тридцать дней — на случай вынужденного плавания на льдине.

В двухметровом льду была пробита прорубь около метра длиной. Над ней поставили палатку. По бокам проруби разместили ящики с продуктами. На ящики бросили постели — собачьи мешки. Небольшая железная печка, каменный уголь и две винтовки, поставленные около входа в ожидании медведей, придали нормальный вид полярному дому гидрологов.

Гидрологическая станция приступила к работе. На ней остались три человека — штурман Тимофеев, машинисты Керци и Липатов. Двое из них должны были «стоять на вахте», третий же в это время отдыхал. Затем отдохнувший сменял одного из работавших. Другой же должен был продолжать работу еще одну вахту, выстаивая таким образом на ней шестнадцать часов. Работа была круглосуточная. Надо было проследить направление течения и его изменения на всех глубинах, определить соленость воды и ее температуру.

— Приходите в гости почаще. Угостим медвежатиной, — соблазняли гидрологи.

— Почаще смотрите на лед, а не на медведей, чтобы не уплыть от самуильского центра, — посоветовали им на прощанье вездеходчики.

Маленькая палатка скоро скрылась за торосами. Только дым затопленной печки указывал на ее присутствие.

— Теперь только бы подольше не было шторма... Тогда станция даст интересный материал.

Вездеходы легко шли по плотному снегу, оставляя глубокий след своими гусеницами. В торосистых местах пешни и топоры расчищали им дорогу. Механизированный транспорт приходил на смену обычной в Арктике собачьей упряжке.

Дни попрежнему были светлые и морозные. Гидрологов часто навещали охотники. Однажды рядом с палаткой были обнаружены следы небольшого медведя.

— А где же сам зверь?

— Убежал... Мы стреляли... Выскочили из темной палатки на свет и промахнулись, — оправдывались гидрологи.

— Проспали. Так и скажите.

— Не проспали, а производили «биологические» наблюдения. У нас есть новый «гидролог».

В палатку, через сделанную во льду для гидрологических наблюдений прорубь, начала приходить нерпа. Сперва она только проплывала около нее, привлеченная светом фонаря, но затем привыкла и стала даже выставлять голову из воды. В палатке ей определенно нравилось. Неподвижные фигуры людей перестали казаться ей подозрительными.

— Ну, нерпочка, вылезай совсем, — ласково уговаривали ее гидрологи.

Она скоро привыкла к звуку голоса и только презрительно фыркала, поворачивая голову к говорившему.

— Мы его скоро приручим, — уверял Керци. — Ко мне она определенно чувствует симпатию.

— Ну конечно, она же видит, что ты у нас самый молодой!

«Приручить» нерпу не удалось. Ночевавший в палатке охотник застрелил ее в упор, когда она пришла с очередным визитом.

— Утопить бы тебя надо за это, — печалились гидрологи.

Однако их скорбь не была безутешной. Жир нерпы,

брошенный в печку, горел ярким пламенем, разнося далеко по ветру острый, неприятный запах. Для медведей этот запах был чрезвычайно привлекателен. За один день палатку атаковали три медведя. На этот раз стрельба оказалась небезрезультатной. Три великолепные шкуры и около полутонны мяса лежали возле палатки.

— Хорошо помогает нам нерпа, — ликовали теперь в палатке.

Собачья упряжка на другой день доставила часть мяса на пароходы и на островную зимовку.

Все с удовольствием ели его, заменив надоевшие консервы.

— Ешьте больше, цынги не будет, — уговаривали врачи.

— Да разве бы мы в Архангельске стали есть медведя? — жеманились женщины.

Но и они не без аппетита ели.

Морозные светлые дни снова сменились пургою. Полет в направлении палатки установил, что льды находились уже не более чем в пяти километрах от нее.

— Не пора ли вам сниматься?

— Не стоит бросать работу... Мы каждый день осматриваем лед...— отвечали увлекшиеся гидрологи.

Закопченные черные лица, обросшие бородами, только отдаленно напоминали всегда чистых и опрятных ранее моряков.

— Вымоемся потом на пароходах.

На другой день засвистела пурга давно невиданной силы. Она длилась непрерывно двое суток. С пароходов невозможно было выйти. Беспокойство овладело всеми за судьбу гидрологов.

— Оторвет их... Что будем делать? — сетовал Жора Подобедов.

— Не оторвет! Ветер с южной стороны. Если бы это был норд, ну, тогда другой разговор, — успокаивал капитан Смагин.

На третий день пурга несколько утихла. Вдвоем с плотником Леоновым мы ушли на лыжах проверить, что делается в палатке.

Это было тяжелое путешествие. Суда почти немедленно исчезли из вида. Торосы выступали из снежной мути лишь при самом приближении к ним. Ориентировались исключительно по ветру и по выступающим кое-где из-под снега

следам вездехода. Наконец наткнулись на четырнадцатиметровый торос, стоящий около границы пловучего льда.

Направление было выдержано правильно.

За торосом виднелись льды, еще не оторванные штормом. Сомнения исчезли. Гидрологи оставались на месте. Но на самой границе припая уже шла неширокая трещина. Она еще не была непрерывной. Часть льдов сохранила свою связь с припаем.

Труднее всего было найти палатку. Она была совсем незаметна среди торосов при этом ничтожном горизонте видимости.

Мы прошли немало лишних километров, делая зигзаги, прежде чем увидели сквозь летящий снег ее темные очертания.

Гидрологи невозмутимо продолжали свою работу.

— Мы уже проверили трещину... Она еще не широка. А с моря осталось до нас около километра. Нам нужно еще три дня работать.

Шторм утихал. Работа подходила к концу. Жаль было прерывать ее.

— Пусть будет по-вашему. Если шторм опять разыграется, уходите немедленно к большому торосу.

— Есть! — согласились гидрологи.

Мы двинулись с Леоновым обратно. При наступившей тьме, в пурге, против ветра, итти стало еще труднее.

Часто приходилось останавливаться за торосами, чтобы отогреть замерзшее лицо и перевести дыхание.

— Пароходы на курсе.

Приветливо выглянули огоньки иллюминаторов. Скоро нас ждали свет и тепло.

— Я же говорил, что там все благополучно, — торжествовал капитан Смагин.— Там сидит народ, привыкший ко льдам по зверобойным промыслам. Знают, когда надо уходить.

Пурга заметно шла на убыль. Наутро выглянуло солнце, еще полускрытое облаками. Скоро можно будет продолжать ледоразведку.

ЭКСПЕДИЦИЯ УРВАНЦЕВА НА ВЕЗДЕХОДАХ К ЗАЛИВУ ДИКА И МЫСУ ЧЕЛЮСКИНА

На острове товарищ Урванцев деятельно готовился к экспедиции на вездеходах с расчетом прорезать северную часть Таймырского полуострова от бухты Терезы Клавенес на мыс Могильный, оттуда береговой линией подойти к мысу Челюскина и затем выйти опять к месту зимовки.

Цель экспедиции — топографическая съемка всей этой части полуострова, определение астрономических пунктов, геологические исследования и кроме того испытание автомашин в условиях Арктики во время длительных походов. Эти машины были сконструированы специально для такой работы, но, несомненно, окончательная их пригодность, выявление недостатков работы механизмов могло быть основательно изучено только на практике.

К 20 марта все приготовления были окончены. На двух машинах, в составе начальника экспедиции и геолога товарища Урванцева, геодезиста и метеоролога товарища Теологова, водителей машин товарищей Бизикина и Грачева, экспедиция двинулась в путь. С ними ушли две собаки — Харди и Альфа.

Дальнейший ход экспедиции и условия ее работы лучше всего будут ясны из дневника товарища Урванцева.

«20 марта. День выхода. Стояла ясная, солнечная погода, какая нередко бывает на севере в конце зимы. Температура около — 30°, очень слабый северный ветер. Вследствие низкой температуры и сильной перегрузки машин ведущие колеса сильно буксуют по лентам даже на небольших подъемах на гребне заструг.

Обогнув острова Самуила с юга, пересекаем пролив и далее идем вдоль берега Таймырского полуострова на юг, в глубь фиорда Терезы Клавенес.

Двигаемся по морскому льду, придерживаясь береговой

черты. Характер снегового покрова здесь обычен для прибрежной зоны: уплотненный зимними пургами снег с застругами до ½ метра высотой, вытянутыми с SW на NE в направлении преобладающих зимних штормовых ветров. Под уплотненной коркой в 2—5 сантиметров толщиною лежит более рыхлый снег осеннего происхождения, а местами прошлогодний, не стаявший за лето фирн. Вблизи более высоких береговых склонов, где ветер тише, снег рыхлее, но большей толщины (до 1 метра и выше).

Прихотливая изменчивость силы ветра, в зависимости даже от мелких неровностей рельефа, ведет вообще к тому, что толщина снегового покрова обусловлена в значительной степени сдуванием, переносом и отложением снежной пыли. На протяжении нескольких метров она может меняться от 5—10 сантиметров до 1 метра и более, без всяких видимых причин. Наличие вдоль берега пловучего льда и трещин, обусловленных приливо-отливными колебаниями уровня моря, делает здесь движение на машинах небезопасным, особенно в отлив, когда трещины расходятся иногда на полметра. В пасмурную, пурживую погоду надо быть осторожным, так как можно легко попасть гусеницей вдоль такой трещины.

Из-за перегрузки и буксовки лент идем большей частью на второй, редко на третьей передаче, гусеницы уходят в снег не более чем на 10—15 сантиметров в среднем. Сильно задерживают прицепки. Узкие нарточки часто попадают одним полозом в ту или другую колею машины, опрокидываются и волочатся вверх полозьями.

Перейдя пролив, пересекаем устье речки и попадаем в лабиринт крупных и мелких островов Вилькицкого. Идем по наружной восточной их стороне. Острова в большинстве скалистые, с отвесными обрывистыми берегами. Слагающие их породы—кристаллические сланцы, кварциты и конгломераты. Осмотр обнажений и топографическая съемка, требующая зарисовок рельефа, записей пройденного расстояния по одометру и компасного курса, вынуждают останавливаться через каждые 1—2 километра. На остановках, продолжающихся иногда по пятнадцати минут и более, радиатор плотно покрывается капотом, а мотор продолжает работать на малых оборотах, чтобы не замерзла вода.

Пройдя 29,4 километра пути, стали станом в 19 часов 10 минут под крутым скалистым мысом одного из островов. Все участники экспедиции, кроме автора, в полярном марш-

руте впервые, поэтому разбивка палатки идет медленно, приходится показывать, как нужно устраивать стоянку, чтобы спокойно переночевать, не опасаясь за целость палатки от внезапно налетевшей снежной бури.

Машины для предохранения от заноса ставим параллельно рядом друг с другом, радиаторами против господствующих ветров, что легко определить по направлению местных заструг. Палатка разбивается сзади машин, под защитой их кузовов, на плотном и достаточно мощном снеговом забое, чтобы колья оттяжек имели достаточно надежную опору. Ужинаем при электрическом свете переносной лампочки от запасного аккумулятора. От примусов в палатке тепло, сидим без меховых рубашек, в одних свитрах. В двадцать часов имели по радио связь с базой для определения угла настройки радиостанции. После чая и традиционной записи в дневник всех впечатлений «пошли на погружение» в спальные мешки, и вскоре все спали крепким сном.

21 марта. Просыпаюсь в начале седьмого. Вылезать из мешка неприятно, особенно когда мороз за 35°. Развожу примуса, чтобы нагреть помещение, ставлю на огонь чайник и котелок с завтраком. Ровно в семь часов бужу Теологова, которому пора производить метеонаблюдения. Температура — 35°, ясно и тихо, подувает слабый SW до 1—2 метров в секунду.

После плотного завтрака водители начинают разогревать машины, остальные принимаются за сборы и укладку имущества: спальных мешков, посуды и прочего. Остатки завтрака отдаются Харди, который уже давно умильно сидит перед палаткой, повиливая куцым обрубленным хвостом — знак чукотского происхождения.

Пока две паяльных лампы под защитой фанерной ширмы греют масло в картере, вода в «самоваре» успевает нагреться до кипения. Термос, в котором стояла вода, вылитая вечером из радиаторов, прекрасно сохраняет тепло. Вода наощупь была еще теплая, хотя мороз порядочный. Снег приходится оттаивать только для добавки.

Когда масло прогрелось, о чем можно судить по вращению мотора за пусковую рукоятку, подогреваются свечи и всасывающая труба, затем заливается в радиатор кипяток, после чего пуск не представляет особых затруднений, особенно если помогать стартеру пусковой рукояткой.

Несмотря на сильный мороз, аккумуляторы не замерзли.

Еще на базе было установлено, что, если аккумулятор заряжен полностью и имеет кислоту надлежащей плотности не ниже 30° Боме, он не мерзнет даже при — 40°, но стоит ему только разрядиться на 50 процентов, как замерзание неизбежно. Вся операция по разогреву и заводке машин отняла часа полтора. Палатка убрана, машины готовы. Можно выступать.

Но пока мы собирались, небо стало хмуриться, появились на юго-западной части неба зловещие признаки пурги— «блинки», чечевицеобразные облака, подул SW до 7 метров в секунду. Тянет уже пурга-поземка, однако видимость еще хорошая. Решили ехать.

В путь тронулись в 11 часов 27 минут. Идем попрежнему вдоль скалистых островов, периодически останавливаясь для осмотра обнажений, зарисовок рельефа и очертаний островов. Движемся медленно. Из-за низкой температуры буксуют ленты, особенно на машине № 3, сильно густеет масло в коробке передач. Резина и масло никак не успевают разогреться на ходу из-за частых остановок.

В 16 часов 30 минут подошли к южной оконечности островов и повернули на запад, к коренному берегу материка. Между тем пурга все усиливалась, дойдя уже до 12 метров в секунду. Хотя итти на машинах еще вполне возможно, однако ухудшившаяся видимость стала затруднять топографическую съемку. Поэтому решили, как только дойдем до материка, остановимся у первого удобного места.

Торопясь на стоянку, мы едва не стали жертвой несчастного случая. Геодезист Теологов, спеша скорее взять точку, т. е. записать отсчет одометра, курса и сделать зарисовку, выскочил из машины на ходу, поскользнулся на подножке и попал ногой под гусеницу. К счастью, снег здесь был достаточно рыхл, а водитель успел выключить сцепление, прежде чем бегунки наехали на ногу. Все кончилось лишь испугом и несколькими кровоподтеками. Помянув первую жертву автотранспорта в Арктике и ее предков теплым словом, двинулись дальше.

В 18 часов 15 минут стали станом в устьи небольшой речки, под защитой ее склонов. Машины поставили, как обычно, лбами против ветра, быстро разбили палатку, обложив ее кругом снегом, постелили внутри пол, внесли спальные принадлежности, ящик с продовольствием и пр. Теперь можно было спокойно пережидать окончания пурги.

Ночью ветер почти стих, чтобы к утру возобновиться с новой силой. Сидим, не высовывая носа на улицу, где царит снежный хаос. Только Теологов выползает в положенные сроки для метеонаблюдений.

22 марта. Утром, в семь часов, ветер SW, 16 метров в секунду, а в тринадцать часов — 18 метров в секунду. Это под защитой склонов в лощине речки, а что же делается наверху?! Полотно палатки гудит, как барабан, но оттяжки укреплены надежно, и можно быть спокойными. Вчера в ожидании пурги мы раскрепили палатку особенно прочно. Все спят. Вылезают из мешков только для того, чтобы поесть.

23 марта. Днем стало несколько тише, кое-где в разрывах облаков видно чистое небо, но понизу еще метет. Машины не занесло: наоборот — около лыж и гусениц снег даже выдуло. Зато сзади кузовов нанесло высокие сугробы, тянущиеся по ветру далеко назад. Внутри кузовов снега немного, только слегка припудрило сложенные ящики и прочий багаж; но стоявшие сзади машины прицепки с бензином занесло доверху. Пришлось много потрудиться, прежде чем удалось откопать снег, еле поддавшийся даже железным лопатам.

24 марта. Ночью пурга утихла. Утром пасмурно, температура—18,5°, ветер ENE, 20 метров в секунду. Встали, как обычно, около семи часов. Благодаря тихой, теплой погоде машины завели очень быстро и уже в 9 часов 55 минут тронулись в путь.

Пересекли широкую бухту, а затем низменный мыс, названный мысом НАТИ. Склон его к морю настолько полог, что спуск с суши на лед произошел совершенно незаметно. Идем далее на юг, в глубь фиорда, судя по низменным берегам очень мелководного. Вдали, километрах в пятнадцати, виден более высокий мыс, на который и берем курс. По дороге делаем остановку для заливки бензина и масла. Мыс оказался сложенным четвертичными ледниковыми отложениями, главным образом глинами, слагающими крутой береговой яр до 15 метров высотою. За мысом — обширная отмелая бухта. Пересекаем ее и становимся лагерем на низменной широкой террасе морского происхождения, пройдя 40,4 километра.

К ночи ветер стал снова усиливаться. Закат пурпурно-красный, звезды мерцают, а на западе под солнцем по горизонту видно сияние — отблеск взвихренной снежной

пыли. Все признаки грядущей пурги налицо. В двадцать часов имели радиосвязь с базой, сообщили о своем благополучном продвижении и местонахождении.

25 марта. Всю ночь пурга. Лишь к полудню стало стихать. Решили итти, несмотря на плохую погоду. Бензина стало меньше, и теперь представилась возможность избавиться от прицепок, которые сильно задерживали наше движение. Освободившиеся нарточки подвязали сзади кузовов с наружной стороны, где они не мешали остальному грузу.

Тронулись в путь в 12 часов 12 минут все по той же низменной террасе вдоль фиорда. На четырнадцатом километре пути фиорд закончился, перейдя совершенно незаметно в отмелую низменность. Несомненно, фиорд очень мелководен и не заслуживает этого названия, правильнее его считать глубоко вдающейся в материк бухтой. Отсюда поворачиваем в глубь материка на пересечение, взяв курс на юго-запад к заливу Дика.

Пока рельеф очень спокоен, низменность постепенно переходит в пологие увалы с высотами в 10—30 метров. Вершины их почти бесснежны, покрыты остроугольным щебнем гранитных пород.

Вскоре подходим к речке, текущей между увалов в бухту. Направление совпадает с нашим курсом, поэтому решили итти по руслу вверх до водораздела. Однако берега становятся скалистыми, образуя отвесные обрывы до 10—20 метров высотою, ширина русла суживается, и сверху нависают мощные снежные наддувы, грозящие обрушением. Пришлось возвратиться и, выбрав подходящее место, подняться снова на увалы, оставив речку к югу от своего пути.

В воздухе нависла мгла, сильно ухудшающая видимость. Становимся лагерем из опасения забраться в сильно пересеченную местность или, что еще хуже, свалиться с незамеченного обрыва в какую-нибудь речку вроде той, которую недавно покинули. Лагерем стали рано, в 18 часов 50 минут, пройдя всего 26,6 километра.

26 марта. Ночью началась пурга и продолжалась весь день. Небо ясное, солнце светит сквозь взвихренную снежную пыль, но двигаться нельзя. Видимость по земле не более как на 10 метров.

К вечеру стало стихать. Есть надежда, что завтра двинемся в путь.

27 марта. Утро солнечное, ясное и тихое. Темпера-

тура около — 12°, но на W и SW стеною стоит туман. По-видимому, там пуржит. Тронулись в путь в 9 часов 55 минут. Заводка машин сегодня отняла совсем немного времени. Идем все теми же пологими увалами, незаметно поднимаясь на главный водораздел. Сегодня по барометру абсолютная высота нашей стоянки над уровнем моря была всего 60 метров.

При отправлении дул слабый SW, 1 — 2 метра в секунду, но в пути ветер начал усиливаться: снова задула пурга. Несмотря на это, продолжаем итти вперед. После полудня ветер достиг уже скорости 15 метров в секунду, продолжая усиливаться. Впереди стало видно не более чем на 10—15 метров. Моторы начали давать перебои из-за снежной пыли, подсасывающейся вместе с воздухом в карбюратор. Пришлось остановиться, пройдя всего 22,2 километра.

С величайшим трудом под защитой машин поставили палатку, готовую ежесекундно вырваться из рук и улететь, как птица, в снежную мглу. К ночи ветер достиг силы урагана. Палатка дрожит и гудит, как бубен в руках шамана. Спасают только кузова, за которыми сила ветра немного умеряется.

28 марта. Барометр падает почти до 1 миллиметра за час. К вечеру барометр дошел до 738,4 миллиметра, упав в сутки на 19 миллиметров. За ночь палатку занесло почти с верхом; теперь уже опасаться, что сорвет штормом, совершенно не приходится. В воздухе резко потеплело, как это всегда бывает при пурге.

29 марта. Утром стало несколько тише. Надоело сидеть в палатке до одури, но ничего не поделаешь. Арктика учит быть терпеливым.

В последний период по дороге поймали полярную мышь — лемминг. Теперь живет в коробке, питается рисом, сушеной зеленью, чувствует, видимо, себя превосходно. Совсем ручной. Товарищи смеются: «Поймали скотинку из стада таймырского шайтана, вот он и напустил пургу. Пока не выпустим, не стихнет».

К вечеру пурга прекратилась. Откопали палатку, очистили кузова и моторы от нанесенного туда снега. Гусеницы и лыжи не занесло. Только сзади машин, по обыкновению, образовался высокий забой, под которым и была погребена наша палатка. Надеемся, что завтра погода позволит тронуться дальше, хотя вид облаков еще достаточно зловещ. И действительно, ночью снова замело.

30 марта. Утром пурга-поземка, ветер 9—10 метров в секунду. Однако наперекор стихии решили итти. Надоело сидеть. Вот уже десять дней, как мы вышли с базы, а сделали всего пять переходов, остальное время сидим в палатке из-за пурги.

В путь вышли в 10 часов 15 минут. Идем попрежнему полого-увалистой, слабо расчлененной местностью с общим уклоном на запад, к морю. Очевидно, в предыдущий переход мы незаметно перевалили через главный водораздел. Подъемы не более 5°, максимум 10°, относительно высоты возвышенности редко превышают 20—25 метров. Идем на третьей, в гору на второй и изредка на первой передаче. В 18 часов 37 минут пришлось стать лагерем, пройдя 40,1 километра. Задержка произошла из-за поломки шкива вентилятора на машине № 4. Отвалилась одна из щечек шкива, очевидно плохо приваренная на заводе. Вечером, пока грелся чай, повреждение было исправлено.

31 марта. Утро ясное, тихое, морозное. Повидимому, полоса пурги окончилась, и теперь установится штилевая, морозная погода. Сегодня путь тяжелый, идем по районам моренных скоплений древнего оледенения Таймыра. Морены образуют беспорядочное нагромождение отдельных возвышенностей и гряд с многочисленными замкнутыми впадинами и котловинами между ними. Водоразделов нет, так что приходится все время то спускаться вниз, то подниматься вверх. Обойти все эти лощины и впадины совершенно невозможно. Уклоны кое-где достигают 15—20° при разнице высот в 30—50 метров. Кроме того в лощинах и подветренных склонах лежат огромные скопления сравнительно рыхлого снега. Вот здесь и сказались преимущества наших машин, снабженных широкими сплошными гусеничными лентами. Благодаря небольшому удельному давлению на снег, машины очень мало вязнут, даже меньше, чем рядом идущий человек.

Из-за крутых подъемов кое-где ползем на первой передаче, зато при спуске приходится даже подтормаживать. Через 24 километра путь кончился, и мы вышли в залив Дика, на ровный морской лед. Лагерем стали у мыса Могильного. Он назван так потому, что здесь похоронен кочегар Ладоничев и лейтенант Жохов, умершие во время зимовки русской гидрографической экспедиции, совершавшей свой рейс на ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач» в 1914—1915 годах.

Около могил высокая железная пирамида — гидрографический знак. Ниже по склону в лощине сарай — ящик из-под самолета. В нем склад продовольствия. Консервы — борщ с мясом, изготовления 1911 года, еще совершенно свежий и превосходный на вкус. Банки хорошо отлакированы и потому только немногие повреждены ржавчиной.

Ночью был мороз под 40°, днем солнце подогрело и стало теплее — около 30°.

1 апреля. Утром вышли в путь. На дорогу взяли несколько банок консервов, чтобы внести разнообразие в наш стол.

Идем попрежнему тяжело, хотя на машинах груза осталось не более как по 1 100 — 1 200 килограммов. Виною этому прорезные лыжи с колесами, выдающимися вниз, за подошвы, на целых 10 сантиметров. По мелкому снегу и щебенистому грунту на перевалах полуострова они были наиболее полезны, здесь же, где снега было достаточно, колеса прорезали верхнюю, наиболее плотную корку на 10 сантиметров до подошвы лыж и тем сильно тормозили движение. Мы думаем, что эти прекрасные лыжи отняли не менее 25 процентов полезной мощности машин.

От мыса Могильного идем вдоль западного берега Таймыра, главным образом по морскому льду. На сушу поднимаемся только тогда, когда торосистые льды подходят к берегу вплотную, что главным образом наблюдалось в проливе Вилькицкого и в подходах к нему. Идем преимущественно на второй, иногда на третьей передаче, четвертая применялась в исключительных случаях. За день прошли 36,2 километра.

2 апреля. Такое же морозное ясное утро, как 1 апреля. Утром, в семь часов, — 32,9°. Дует слабый южный попутный ветер. Он холодит диференциал, сгущает в нем масло и тем самым тормозит движение. На полдороге подошли к отмелому берегу с песчано-галечной прибойной террасой. Перешли на нее. Здесь очень немного снега, и машины, опираясь передней осью на колеса, идут хорошо на третьей, иногда даже на четвертой передаче. Однако километров через двенадцать это удовольствие кончилось, начались вновь крутые, прорезанные лощинами берега. Пришлось опять перейти на морской лед. Машины идут, опираясь передом на лыжи, и сегменты под ними бороздят и пашут снежную корку. Если бы лыжи были опускные

на эксцентриках, подобного явления можно было бы избежать.

Лагерем стали у мыса Паландер, пройдя за день 49,1 километра. Нужно заметить, что остановки для геологических наблюдений и топографической съемки отнимают до 30 процентов рабочего времени. Таким образом без них мы проходили бы в день соответственно больше.

3 апреля. Мороз все усиливается. Утром, в семь часов, было — 33,9°, а ночью мороз доходил, вероятно, до 40°. Идем переменной дорогой, то по морскому льду, то по прибойной береговой террасе. Мотор машин № 4 стал капризничать, плохо работают цилиндры второй и третий из-за кольца. Машина № 3 в полном порядке, хотя все время идет головной, и ей приходится поэтому труднее.

Лагерь разбили на мысе Вега, у западного входа в пролив Вилькицкого, пройдя 40 километров.

На север и запад от стоянки видны сплошные массы сильно торошенных льдов, вплоть до пределов видимого горизонта. Через такие льды не только на машинах, но даже на порожних нартах на собаках или пешком не пробраться. Около мыса сохранился прошлогодний припай из неторошенных льдов метров сто шириной. По нему можно свободно двигаться на машинах.

4 апреля. Все так же ясно и морозно. Сегодня вышли раньше — в 10 часов 35 минут, чтобы к обеду попасть на станцию мыса Челюскина.

Бухту Оскара пересекаем по прошлогоднему неломаному льду, но далее свежеторошенные льды подошли вплотную к скалистым отвесным берегам пролива. Пришлось выбраться на сушу, хотя и здесь дорога не легка. Нужно пересекать многочисленные лощины, идущие к морю.

На машине № 3 прихватило морозом радиатор. Провозились часа два с его оттаиванием. К счастью, спохватились во-время, и все кончилось благополучно, течи нигде нет.

На мыс Челюскина прибыли в двадцать часов, пройдя 41,6 километра. Одновременно с подходившими к станции автомашинами шел на посадку самолет, прилетевший с зимовки Ленского каравана у островов Самуила. Таким образом перед зимовщиками мыса Челюскина демонстрировали свою мощь новые механические виды полярного транспорта и в воздухе и на суше.

Радушно принятые на станции, мы прожили здесь вместо предположенных двух дней целых четыре. За это время

были произведены осмотр и проверка машин. На машине № 4, как и предполагалось, прогорели выходные клапаны второго и третьего цилиндров. Они были заменены новыми. Затем при подтяжке болтов на этой же машине лопнул фланец верхнего патрубка водяного охлаждения. За неимением запасного, сделали новый из имевшейся листовой красной меди. На машине № 3 было обнаружено повреждение переднего левого нижнего бегуна. Лопнула обойма шарикоподшипника и повредила шейку траверса. Бегун и траверс заменили запасными. Кроме того на обеих машинах сменили на гусеницах около двадцати дюралевых плит, поврежденных или лопнувших в пути. Все остальное оказалось в порядке.

9 апреля двинулись в последний этап нашего маршрута — переход от мыса Челюскина до базы островов Самуила. Расстояние в 90—100 километров мы рассчитывали покрыть в один переход. Погода попрежнему держалась тихая и морозная. Вышли в 9 часов 15 минут с грузом на машине № 4 (911 килограммов) и на машине № 3 (917 килограммов). До мыса Щербины 20 километров шли сушей, так как в проливе сильно торошенные льды прижаты вплотную к берегу.

Бухту Мод пересекли по льду, пройдя на расстоянии одного километра от избушки Амундсена, зимовавшего здесь в 1918 году. Сейчас она занесена снегом доверху, так как стоит под горой.

На 50,8 километре пересекли мыс Прончищева и далее пошли вдоль берега на юг попрежнему по морскому льду. На 76,2 километре повернулись на остров Самуила к конечной цели маршрута — базе. Однако достигнуть ее удалось не сразу. На машине № 4 за пять километров до острова отлетела лопасть вентилятора и слегка повредило одну из трубок радиатора. Снимать его для ремонта в палатке на морозе не хотелось, запасного радиатора с собою не было, поэтому, выпустив воду из мотора, оставили машину № 4 до другого дня, и на базу прибыли уже ночью — в 1 час 53 минуты — на машине № 3, сделав за переход в 16 часов 35 минут 94,8 километра. На другой день, сменив радиатор, прибыла и машина № 4. Общая длина пройденного маршрута достигла 468,9 километра, из них до мыса Челюскина 347,9 километра, после него — 94,8 километра.

Так как все элементы пути, в том числе и остановки, регистрировались при производстве топографической съем-

ки, можно установить число ходовых часов и продолжительность стоянок каждого дня.

Утром вставали около 7 часов 30 минут, в путь же трогались в среднем в 10 часов 44 минуты; таким образом на утренний завтрак, сборы и заводку машин уходило около трех часов. На ночлег останавливались в среднем в 18 часов 47 минут, на закате солнца. Средняя продолжительность рабочего дня равнялась 8 часам 39 минутам, колеблясь в пределах от 4 часов 45 минут до 9 часов 52 минут, в зависимости от условий погоды и работы. Из этого времени собственно ходовых было 6 часов 34 минуты, остальное падает на остановки для научных наблюдений.

Всего в маршруте были двадцать один день, из них двенадцать ходовых, стоянок из-за пурги пять и в гостях на мысе Челюскина четыре дня. Если не считать стоянки на мысе Челюскина, то из-за пурги было потеряно 38 процентов всего рабочего времени. Это несколько выше обычных норм. Например, во время маршрутных работ по съемке Северной Земли в 1930—1932 годах из-за непогоды было потеряно около 24 процентов.

Всего в пути машины были 103 часа 45 минут, из которых собственно ходовых было 78 часов 53 минуты, остальные же 25 часов 52 минуты падают на остановки, главным образом для производства топографической съемки и научных наблюдений. Таким образом 25 процентов всего рабочего времени в пути падает на остановки.

В среднем за сутки мы проходили почти по 40 километров (39,1 километра), но конечно эта цифра была подвержена сильным колебаниям, главным образом в зависимости от условий погоды. Так, 21 марта из-за начавшейся пурги и плохой видимости прошли всего 19,5 километра, 27-го — 22,2 километра и 25-го — 26,6 километра. Все же, несмотря на крайне неблагоприятные условия погоды, наша средняя суточная скорость продвижения на автомашинах на 25 процентов больше, чем при работе на собаках.

Средняя скорость в час равна почти 6 километрам (5,9 километра), причем она была наименьшей в начале пути (от 4,1 до 4,4), когда машины были перегружены, а затем, по мере их разгрузки за счет сжигаемого топлива, прогрессивно росла. При переходе от мыса Челюскина к острову Самуила скорость достигла уже 7,8 километра в час.

Небезынтересно установить, каков был расход бензина за время маршрута и какую связь имеет эта величина с другими факторами: погодой, рельефом, нагрузкой и пр. Между прочим, нужно отметить, что точная регистрация расхода бензина по машине № 4 велась все время, а по машине № 3 только со 2 апреля. До этого момента для машины № 3 имеется лишь общая суммарная цифра. Впрочем, как это видно из данных по машине № 4, колебания расхода бензина зависят почти исключительно от характера пути, погоды и нагрузки, т. е. от факторов, отражавшихся в одинаковой степени на обеих машинах.

21 и 28 марта была сильная пурга, и расход топлива увеличился, примерно, в полтора раза.

Чрезмерно высокий расход наблюдался 4 апреля на машине № 4, в то время как на машине № 3 он был нормален. Это объясняется неисправностью мотора, у которого прогорели выхлопные клапаны. Рельеф мало сказывается на расходе бензина, повышается не более чем на 0,1—0,2 килограмма в час.

Замечается снижение расхода бензина по мере уменьшения нагрузки. В начале пути расход был равен в среднем 1,3—1,4 килограммо-километра, в конце, при подходе к мысу Челюскина, когда нагрузка на машину уменьшилась до 1,1—1,0 тонны, расход бензина упал до 1,2—1,1 килограммо-километра.

Средний расход бензина по обоим вездеходам равен 1,26 килограммо-километра—цифра довольно высокая даже для машин этого типа в условиях бездорожья.

В каракумском пробеге легковые вездеходы НАТИ показали при передвижении по сыпучим пескам расход от 0,55 до 0,7 килограммо-километра.

Чрезмерно высокий расход бензина объясняется рядом специфических причин: 1) частыми остановками для научных наблюдений, во время которых моторы продолжали работать во избежание замерзания радиаторов; 2) перегрузкой машин в первой части пути, когда приходилось итти почти исключительно на второй передаче; 3) прорезными лыжами, сильно тормозившими движение по уплотненному глубокому снегу; 4) забиванием снегом двигателей, вследствие чего потери на трение в ведущих колесах и лентах были высоки.

Итоги маршрута доказали не только полную возможность работы автомашин в полярных условиях, но и

выявили ряд преимуществ этого вида транспорта перед собаками и оленями. Прежде всего при использовании автомашин может быть значительно увеличен груз исследовательской партии и, следовательно, соответственно повышен масштаб, точность и объем научных работ. Наличие радиостанции позволяет иметь связь с базой и держать ее в курсе своих операций. Передвижение на машинах возможно в такую погоду, когда на собаках езда совершенно немыслима. Стоять в пургу приходилось не из-за невозможности продвижения, а главным образом вследствие затруднений в производстве научных работ на открытом воздухе в такую погоду. В случае необходимости вести периодические научно-стационарные исследования, как это имеет место, например, при гидрологических разрезах, на машинах можно делать продолжительные остановки, так как в период стоянки моторное топливо не расходуется, в то время как собак необходимо кормить ежедневно, независимо от их работы.

Наконец на машинах работа и отдых обставляется с большими удобствами, чем в санных экспедициях на собаках, где приходится урезывать и экономить буквально каждый килограмм груза. Здесь же можно иметь достаточно топлива для обогревания палатки и просушки одежды, электрическое освещение, лишний запас одежды и т. п.

Полярная маршрутно-исследовательская работа на автомашинах под силу каждому человеку среднего здоровья и выносливости, в то время как длительные санные экспедиции на собаках под силу лишь наиболее крепким, тренированным, опытным полярникам.

Маршрут вокруг Таймырского полуострова полностью подтвердил наблюдения и выводы о работе машин, полученные в экспедиционных условиях на базе. Недостатки конструкции и затруднения в работе, отмеченные на базе, имели также место и в маршруте. Кроме того в маршруте были дополнительно выявлены следующие недочеты: установлена нецелесообразность конструкции прорезных лыж, при которой, как уже указывалось, выдающиеся в прорезы колеса сильно тормозили движение по плотному снеговому покрову; мощность мотора оказалась недостаточной (за все время маршрута приходилось итти на третьей, а в начале пути даже на второй передаче; четвертой передачей пользовались в исключительных случаях по песчаным малоснежным отмелям на пробойной террасе). Необходимо увеличить

мощность по крайней мере на 25 процентов против существующей.

При соблюдении всех этих условий расход бензина, вероятно, снизится до 0,7—0,6 килограмма на пройденный километр, средняя же скорость с грузом 1,3—1,4 тонны увеличится до 10—15 километров в час».

РАСШИРЕНИЕ РАДИУСА ПОЛЕТОВ. ПРИЕЗД ПРОМЫШЛЕННИКОВ. ОХОТА

Радиус полета аэроплана «У-2» перестал удовлетворять нас. Летя на короткое расстояние, мы не могли проследить всю кромку льда Таймырского полуострова.

Линдель и Игнатьев решили поставить на самолете дополнительный бензиновый бак. На пароходах всегда находятся люди самых разнообразных профессий. На «Володарском» нашелся хороший жестянщик. По чертежам из пустых бензиновых банок он сделал нужный бак в виде торпеды. Через несколько дней «торпеда» была установлена на самолете. Теперь мы могли уже покрыть расстояние до шестисот километров.

Район островов Самуила был достаточно изучен. На очереди — наблюдение за льдами около Малого Таймыра и восточных берегов Северной Земли.

4 апреля вылетели в этом направлении. Мороз доходил до 35°. Привычными курсами пошли к полосе пловучего льда. Кромка припая на траверсе Малого Таймыра шла прямо на север. Здесь пловучие льды тесно прижаты к замерзшему проливу Вилькицкого. Лишь узкая линия показывает их границу.

С середины пролива самолет попал в туман. Наблюдения стали невозможны. Бреющий полет над самой поверхностью не помог делу.

— Чортово место! Никак не можем добраться до острова Таймыра!

Пришлось вернуться к материку и вылететь на мыс Челюскина.

Дорога эта стала для нас настолько привычной, что здесь нас не смущал никакой туман.

Малейшие проблески света уже давали возможность определить, где мы находимся. Острова Локвуда, мыс Пончищева, бухта Мод... Дальше гора Аструпа. Даже характер торосов стал нам знаком до мелочей.

Скоро достигли зимовки мыса Челюскина. Когда наш самолет делал круги для посадки, с противоположной стороны показались вездеходы экспедиции Урванцева.

Растерявшиеся собаки не знали, к кому из этих гостей броситься с изъявлением своих дружеских чувств.

При виде Харди, сидящего на вездеходе, их дружеские чувства сменились сильнейшим гневом. В свою очередь Харди, долгое время лишенный своего обычного удовольствия — драки, загорелся желанием вознаградить себя за долгие лишения.

Люди радостно пожимали друг другу руки. Собаки переругивались между собой самым невероятным образом.

Палка, прошедшаяся по спинам наиболее горячих сторонников драки, несколько успокоила страсти.

— Альфа не прибежала на зимовку?

— Нет.

— Значит, разорвал волк или заблудилась и замерзла в тундре.

Это было последним словом над погибшей собакой. Она на второй день отбилась от экспедиции Урванцева и больше не возвращалась ни на острова Самуила, ни к экспедиции.

Зимовщики мыса Челюскина готовились в ближайшие дни выйти в маршрут для гидрологического разреза пролива Вилькицкого. Две собачьи упряжки должны были перевезти людей и весь их груз через торосистые льды.

— Нам бы ваши вездеходы, — с завистью говорили некоторые из зимовщиков.

Однако их зависть была необоснованна. Через торосистые льды пролива Вилькицкого путь вездеходу был закрыт.

Транспорту на собаках еще долгое время суждено играть большую роль в Арктике. Для легких разведочных работ, для прохода по заторошенным пространствам, для подвозки продукции охотничьего промысла собаки незаменимы.

Себестоимость эксплоатации вездеходов в период зимних работ, при невозможности полной загрузки их, составляет 31 рубль за тонно-километр. Вездеходы рентабельны только там, где им обеспечена бесперебойная, планомер-

ная работа, т. е. на местах крупного строительства, или же там, где приходится иметь дело с большими неделимыми тяжестями.

Техника не должна бить экономику, ради которой она применяется. Себестоимость доставки моржа на вездеходах на расстояние двадцати километров превышает стоимость самого моржа, и таким образом пропадает самый смысл промысла.

Наш самолет вскоре оставил мыс Челюскина и перелетел на острова Самуила. Туда же двинулись и вездеходы, после того, как были исправлены некоторые повреждения.

★

Гидрологические и метеорологические работы здесь шли обычным порядком. В мортехникуме состоялись очередные испытания учащихся, давшие вполне удовлетворительные результаты. Регулярно происходили занятия в политкружках. Интенсивно ремонтировались машины и корпуса пароходов.

Стенгазета наполнилась многочисленными корреспонденциями «с мест», где сообщалось о ходе соцсоревнования между пароходами, об ударниках и лодырях зимовки. Вместе с тем она призывала к борьбе с растущим огрублением нравов. Пример грубости подавали и некоторые лица из комсостава парохода «Правда».

Стенгазета, а вместе с нею и вся общественность зимовки дали резкий отпор этому явлению, заставив этих людей знать границы в своих выражениях и поведении.

Зимовщики в целом, за исключением отдельных единиц, сохранили бодрость и энергию.

Вечером был поставлен отчетный доклад о ходе научных работ. Он ясно показал, что к концу зимовки они будут выполнены. Но можно ли будет выполнить всю программу летных наблюдений за положением ледяного покрова? Мы рассчитывали, что будем производить эти наблюдения с аэроплана «Р-5». Между тем приходилось летать на «У-2», мотор которого был в пять раз слабее, чем мотор на «Р-5». Дальние же полеты были еще впереди.

Многочисленные вопросы зимовщиков о работе самолетов в лагере Шмидта заставили нас сделать подробную информацию о жизни челюскинцев на льдине и о героических полетах летчиков.

Радио наших пароходов перехватывало только отдель-

Около палатки гидрологов.

ные, случайные сведения, не давая полной картины того, что происходило в районе гибели «Челюскина». Это волновало и будоражило зимовщиков.

— Почему они не выходят сами на материк? — тревожились некоторые.

— Не выходят, значит нельзя. Товарищи Шмидт и Воронин лучше знают, можно итти или нет, — возражали более опытные поморы.

Полученное нами сообщение о том, что в лагере Шмидта осталось уже немного людей, значительно успокоило настроение самуильцев.

— Несколько дней — и все будут на материке.

— Я так и знал, что они скорее будут в Ленинграде, чем мы, — взгрустнул после этого один из слушателей.

Еще 6 апреля на зимовку островов Самуила из бухты Прончищевой приехали на собаках промышленники Журавлев и Синельников. Расстояние около четырехсот километров было покрыто ими в четыре-пять дней.

Они настаивали на скорейшем прилете в бухту врача для осмотра людей, подозрительных по цынге. Кроме того они нуждались в прибытии к ним свежего человека со сто-

роны для разбора некоторых несогласий между промышленниками, покуда эти несогласия не разрослись в «полярную склоку».

Наш самолет некоторое время должен был еще продолжать полеты между островами Самуила и мысом Челюскина. Надо было доставить на мыс для обработки и анализа материалы гидрологических и метеорологических работ.

Помимо этого кромка пловучих льдов к этому времени восстановила положение, в котором она находилась до мартовских замерзаний. Снова она была не более чем в двенадцати-пятнадцати километрах от нашей стоянки. Медведи и медведицы со своими детенышами оставляли на льду припая довольно частые широкие следы. Недостаток в свежем мясе и в корме для собак заставил нас подумать о более энергичной охоте.

Недалеко от восточного острова находился еще один маленький островок. Он был обложен крупными торосами, но в километре от него припай уже кончался. Там шла широкая полынья воды, иногда закрывавшаяся подвижным льдом. Это было самое подходящее место для охоты. К нему перекинули фанеру и устроили небольшую избушку, в которой охотники могли ночевать и получать дополнительный запас продовольствия.

Палатка гидрологов была перенесена в более безопасный пункт, на край припая. Таким образом создались две опорные базы.

Журавлев и Синельников прибыли к нам на двух упряжках собак. Как только собаки отдохнули от далекого путешествия, мы выехали на охоту.

Упряжки были великолепны, особенно у Журавлева. Его передовик — черный Беркут — в совершенстве знал правила езды и прекрасно вел свою стаю.

Собаки Синельникова состояли из девятимесячных щенков. Передовиком у него был Макар, кавказская овчарка. Макар ехал на «Русанове» в 1933 году, еще сидя в корзине около своей матери. Теперь мы встретились с ним в другой обстановке.

Несмотря на свою молодость, Макар обладал большой силой и обещал превратиться в хорошего ездового пса. Только лапы у него были гораздо нежнее, чем у полярных собак. Жесткий снег стирал до крови его подошвы.

Тем не менее молодой темперамент брал свое. Щенячья упряжка шла, не отставая, за упряжкой Журавлева.

Подъехали к краю припая. Темная вода, наполненная серыми ледяными иглами, лениво плескалась о двухметровый лед. Плавали отдельные льдины с заторошенными краями. Над полосами открытой воды нависли клочья тумана.

Упряжка бежала неторопливой собачьей рысью на восток, вдоль припая. Из-за тороса показался медведь. Он удивленно посмотрел в нашу сторону и затем стал медленно приближаться.

Собаки превратились в чертей. Они неслись на медведя, не разбирая дороги.

— Пират, Беркут!.. Ля!.. ля!.. (окрик остановки), — орал Журавлев.

Воткнутый в снег хорей наконец затормозил нарты. Медведь был в нескольких шагах. Три почти одновременных выстрела — и зверь распластался на льду всем своим огромным, великолепным туловищем.

Собаки успокоились. Только изредка они нервно повизгивали, прекрасно понимая, что дело уже кончено и они получат хорошую кормежку по прибытии на место.

— Мы снимем шкуру, а вы пока посмотрите дальше, — распорядился вошедший в азарт Журавлев.

С собакой Белкой я пошел в торосы. Белка, принюхиваясь к ним, бежала, бросаясь в разные стороны. Чутье у полярных собак очень плохое. Их выручают только зрение и сметка.

Белка озадаченно смотрела в открытую полынью, откуда выставились головы двух крупных моржей. Их чудовищные морды и белые клыки были не далее ста метров. Выстрел почти верный. Но убитый морж почти моментально тонет. Стрелять его на воде было совершенно бесцельно.

Белка сошла с припая на тонкую пленку молодого льда, подошла поближе к моржам и подняла лай. Моржи отвечали ей своим голосом, похожим на мычанье.

Собака нетерпеливо смотрела на меня, как бы говоря:

— Пора же стрелять...

Поругавшись с собакой, моржи уплыли под лед и затем показались уже далеко, в другой полынье.

Недовольная Белка вернулась на припай. Мы пошли дальше. На самом краю припая показалась темная бесформенная масса. Бинокль показал: лежат два больших моржа... Белка могла теперь только помешать.

В это время Журавлев уже подъезжал на своей упряжке.

— Василий там управится один.

Привязав Белку к нартам, мы медленно поползли, прячась за торосами.

Осталось двадцать метров. Моржи лежали спокойно, но стрелять было нельзя. Нам были видны только их массивные туши. Убить наповал моржа можно только пулей в голову, около уха. Это гарантирует от его исчезновения подо льдом.

Мы лежали тихо. Наконец что-то обеспокоило моржей. Оба они подняли свои безобразные головы. В тот же момент раздались два выстрела. Головы бессильно упали вниз. Кровь била фонтаном и скоро образовала целую лужу.

Долго мы провозились над снятием шкур и разделкой туш. Вдруг из воды показалась голова третьего моржа. Он был не более чем в десяти метрах, мычал, как бык, и недоумевающе глядел на нашу работу. Мы устали от долгого пути, съемки шкур и особенно от перетаскивания их на более надежное место припая.

Руки замерзли на холодном воздухе. Оленьи сапоги пропитались кровью и тоже замерзли.

— Лишь бы он не вылезал на льдину. Придется тогда его убить. Это доставит новую работу...

Морж внял нашему желанию и, поплавав около нас, ушел под лед.

Добычу перетащили поближе к охотничьей палатке и, забрав с собой головы и половину шкуры моржа, поехали к пароходам.

Через торосистые льды собаки с трудом тянули нарты, тяжело нагруженные мясом и шкурами медведя и моржа. Но все-таки они преодолели трудный участок и потом уже легко пробежали двадцать километров ровной дороги.

Не выпрягая собак, мы поднялись на пароход, чтобы несколько отогреть руки. Прошло не больше пяти минут, как вахтенный вбежал в кают-компанию с криком:

— Бегите скорее! Медведь!

Схватив винтовки, выбежали на снег.

Большой красивый медведь подошел к собакам и, не обращая на них внимания, направился к нартам, где лежали моржовые головы и шкуры.

Он был убит на расстоянии не более десяти шагов. По следам было видно, что зверь давно уже шел за нартами, но успел догнать их только на остановке.

Оставленные на припае часть шкур и мясо моржей в дальнейшем послужили великолепной приманкой для медведей.

Охотничьи экскурсии проходили теперь гораздо успешнее, чем раньше. Бывали конечно случаи, когда приходилось возвращаться с пустыми руками, потратив на охоту несколько дней. Но бывали дни, когда охотники убивали сразу по четыре медведя. Многое зависело от ветра и погоды.

Мяса и шкур моржей и медведей накопилось на припае немало. Не успевали вывозить на собаках. Пришлось отправить два вездехода. Они забрали почти весь запас. На месте оставили только приманку.

Люди и собаки теперь были обеспечены свежим мясом надолго.

По росту и характеру белые медведи далеко не одинаковы. Случалось убивать очень крупных и красивых самцов. Они очень часто шли за охотником и, приблизившись к нему, переходили в наступление. Трудно сказать, насколько враждебно были они при этом настроены. Возможно, что и здесь играло большую роль любопытство.

Другие медведи, более молодые, но также крупные и упитанные, становились жертвой излишней доверчивости и любопытства. Они приближались неторопливо, не пытаясь подкрадываться. Иногда, не будучи замечены охотником, они останавливались в нескольких шагах от него и внимательно рассматривали человека, не проявляя никакой враждебности.

Попадались также и медведи, которые при виде человека и собак немедленно обращались в бегство. Убивать такого зверя удавалось только в том случае, если его окружали и задерживали несколько собак. Таких было большинство.

Результаты охоты в 1933—1934 годах на островах Самуила, на мысе Челюскина и Северной Земле показали, что количество медведей убывает в Арктике очень быстро.

На острове Диксон медведи уже являются некоторой редкостью. В наших широтах — на мысе Челюскина и островах Самуила — они встречаются еще довольно часто. Но после большой добычи 1932 года на мысе Челюскина мы находили их уже в гораздо меньшем количестве, несмотря на более систематическую и расширенную охоту. На Северной Земле зимовщики убили только несколько экземпляров.

Медведица не каждый год дает медвежонка. Полного роста он достигает, вероятно, на четвертый год.

Охота на медведя не регламентирована. Экспедиционные

суда, никогда не нуждающиеся в мясе, обычно открывают настоящую баталию при виде каждого зверя, не считаясь с его возрастом, ростом и т. д. Многие медведи уходят и пропадают подраненными.

Об этих «подвигах» потом корреспонденты сообщают по радио, как о чем-то выдающемся. На самом же деле это бессмысленное убийство — не что иное, как особая разновидность хулиганства.

Морж истреблен во многих местах Ледовитого океана. В море Лаптевых и в восточной части Карского моря он еще держится большими массами. В настоящее время моржа бьют все, как попало и когда угодно. В 1934 году с «Малыгина» с гордостью сообщалось в Москву по радио:

«Увидели на льдине пять моржей и всех перебили. Достать удалось только одного. Остальные утонули».

В бухте Прончищевой было перебито несколько залежек моржей, причем погибло много молодняка.

Хотя Ледовитый океан и имеет некоторые запасы зверя, но при таких методах охоты уничтожить его очень нетрудно.

Давно пора выработать правила охоты и для этих мест, совершенно воспретив ее экспедиционным судам. На зимовках охота конечно должна производиться, так как здесь зверь убивается по необходимости, и его бьют в те периоды, когда он наиболее ценен.

Почти все зимовки 1934 года испытывали острую нужду в мясе для собак и вынуждены были подкармливать их мукой, привозной рыбой и даже консервами.

Острова Самуила не были изучены в промысловом отношении. Нашими разведками установлено, что они являются районом довольно больших залежек моржа. Дополнительными промысловыми животными могут служить здесь медведь, песец, нерпа и иногда волк.

★

16 апреля промышленник Журавлев вместе с врачом Е. И. Урванцевой двинулись на одной упряжке собак в бухту Прончищевой.

О путешествии в бухту прекрасно рассказано Урванцевой.

«16 апреля я с Журавлевым покинула базу, направившись в бухту Прончищевой. Дорога предстояла дальняя,

нужно было пересечь пространство в триста пятьдесят километров по восточной части Таймырского полуострова. В нашей упряжке было четырнадцать собак (по выражению Журавлева, «четырнадцатицилиндровый мотор»). Нарта у нас набралась тяжелая, так как наша база снабдила артель промышленников слесарным инструментом, библиотекой, канцелярскими принадлежностями и многими другими вещами, необходимыми для зимовки, вплоть до стенных часов. Да нас двое. Да еще палатка. И нарта оказалась перегруженной.

Корма собакам пришлось взять только на одну кормежку. Мы рассчитывали на следующий день добраться до места, где Журавлевым была оставлена туша убитой им медведицы.

Первый день нашего пути был удачным: ясная погода, хорошая дорога. Собаки шли со свежими силами очень легко. Все это дало возможность сделать за день тридцать пять километров по одометру.

На другой день погода изменилась. С утра навалил туман. Видимости никакой — кругом все, как в молоке. Ориентироваться стало очень трудно. Температура упала до — 32° Ц.

Найти место, где была оставлена туша убитой медведицы, нам не удалось.

Стали станом, разбили палатку.

На третий день температура хотя и поднялась, но пурга усилилась настолько, что крайнюю собаку (передового) временами нельзя было видеть. Потерять направление было очень легко, а ехать надо: корма собакам нет.

Ориентировались мы по компасу, выпущенному для ширпотреба. Компас был неточен и нас подводил. В заключение всех невзгод, преследовавших нас в этот день, выпало стекло у компаса и пропала стрелка. Искали, искали мы стрелку, но так и не смогли найти. Напрасно лишь морозили себе руки.

Солнца не было. Ориентироваться по застругам было невозможно: они шли в разных направлениях благодаря частой смене ветров в этой местности.

Иного выхода не было, как отогреть руки и сделать снова попытку найти стрелку.

После тщательных поисков стекло и стрелку нашли. Исправив компас, с трудом подняли уставших собак и двинулись дальше. Ехать долго не пришлось. Пурга усилилась,

да и собаки после двухсуточной голодовки шли плохо. Пришлось остановиться и разбить палатку. Принялись готовить ужин. Целые галеты и печенья отдали собакам, мелкие крошки поджарили для себя в масле.

Всю ночь продолжалась отчаянная пурга. Выйдя из палатки, невозможно было устоять на ногах. Наутро пурга утихла, но туман скрыл окрестности. Собаки дрожат.

— К вечеру, — говорит Журавлев, — придется два «цилиндра» выключить.

Это значило ликвидировать двух собак на корм остальным.

Несмотря на трудности, все же в этот день мы сделали сорок три километра. Вечером отдали собакам последние галеты. Ночью кое-кто из псов подвывал — тянул голодную песню. На утро следующего дня мы имели налицо только две банки мясных консервов. Одну отдали двум собакам — Обалдаю и Квику, которые выглядели хуже других.

Напившись чаю, двинулись дальше. Собаки были сильно истощены, но все же шли вперед, отдавая последние силы. Помогало, что дорога шла под гору. Часа через четыре мы выехали на море. Туманы и пурга не покидали нас до конца поездки. Только благодаря богатой интуиции Журавлева и умению ориентироваться в пургу, 21 апреля, в четыре часа дня, мы подъехали к знакомому месту, где лежала привада (моржовое мясо) для приманки песцов.

Здесь, в двадцати пяти километрах от становища, мы смогли накормить этим моржовым мясом наших верных спутников и друзей — собак, преданно разделявших с нами все горести и невзгоды нашего далекого путешествия.

Раньше, в пути, я подкармливала собак чем могла, несмотря на то, что Журавлев протестовал: скормила им мясные консервы и сухари, шоколад и пирожные, которые везла в виде гостинца зимовщикам и детям в становище бухты Прончищевой.

Оставив у привады палатку и весь груз, забранный нами с базы, мы двинулись в путь, преодолевая последние двадцать пять километров.

В десять часов вечера мы, уже налегке, приехали в становище, где нас радостно встретил весь коллектив промышленников.

Длинный и тяжелый путь остался позади.

В бухте Прончищевой мне пришлось прожить до 3 мая.

Всего в становище бухты зимовали двадцать один человек: десять промышленников, из которых четверо приехали сюда с женами, и семеро детей.

Зимовщики в становище помещались в хорошем, просторном доме. Каждая семья имела отдельную комнату.

В глухую темную пору члены артели между собой перессорились, разбились на группы. Одна группа досаждала другой. Взаимно друг против друга выставляли необоснованные оскорбительные обвинения.

Склока создала нездоровую бытовую атмосферу.

Некоторых зимовщиков под предлогом, что они якобы больны заразными болезнями, лишали права входить в кухню, не допускали исполнять хозяйственные обязанности.

Произвела тщательный врачебный осмотр всех членов артели, как взрослых, так и детей.

Устроила общее собрание членов зимующего коллектива. На собрании разъяснила, что заразных болезней не обнаружено. Прочитала лекцию на тему о венерических болезнях.

Ежедневно вела беседы с зимовщиками на медицинские и санитарные темы.

Указала на нерациональное, одностороннее питание, на нерациональное расходование продуктов, в частности на большое употребление в пищу мясных консервов.

Настоятельно предложила изменить питание, пополнить его пищевыми продуктами, содержащими все рекомендуемые современной медициной витамины.

... При медицинском обследовании здоровье зимовщиков в основном оказалось удовлетворительным. Но были и больные. У одной женщины имелись яркие признаки цынги. Организм этой зимовщицы был надорван предыдущими зимовками на Новой Земле. У одного зимовщика оказались ленточные глисты.

«Очервление» глистами на крайнем Севере — явление бытовое: зимовщики употребляют полусырую мясную и рыбную пищу. Излюбленная строганина, приготовляемая из сырой замороженной рыбы, тесное общение на зимовке с собаками являются причинами заражения глистами.

У двух промышленников были обнаружены сердечные заболевания: порок сердца в стадии компенсации.

Дети были в хорошем состоянии, за исключением двух ребят Журавлева Ивана — девочки Гали, пяти лет, и мальчика Клавдия, трех лет, которые родились и росли на Новой Земле. У обоих были признаки рахита. Они были бледны,

вялы, в умственном отношении отставали от других детей того же возраста.

... В обратный путь мы двинулись на двух собачьих упряжках. К нам присоединился брат Журавлева, поехавший на острова Самуила для промысла на нерпу.

Корма было взято теперь более чем достаточно, так как знали, что с наступлением светлой поры пурга усиливается.

На другой же день ударила сильная пурга, и нам пришлось остановиться в палатке.

Выйдя из нее, я не нашла ни одной собаки.

— Где же они? — спросила я Журавлева.

Оказалось, собаки были занесены снегом. На мой голос из-за сугроба показалась красивая морда Филатки, самого прожорливого пса из упряжки брата Журавлева.

Перед отъездом с базы я не забыла захватить книги, и они помогли мне скоротать время отсиживания в палатке.

К утру пурга начала утихать, и мы двинулись дальше. Дорога была ужасная. Местами намело столько снега, что собаки погружались в него с головой. За восемь часов нашего передвижения одометр показал всего двадцать девять километров. Бедным собакам доставалось туго. Не менее уставали и мы, так как все время приходилось соскакивать и помогать собакам.

Скоро снова разыгралась пурга. Пришлось опять выпрягать собак и отсиживаться. Пурга ударила настолько сильная, что палатка гудела, как бубен, а временами порывами ветра полотнища ее щелкали, как из ружья.

Развели примус и напились чаю.

Стоять можно — корм собакам есть.

Пурга все усиливалась. К вечеру Журавлев не выдержал и разворчался.

Утром 8 мая прояснело, даже выглянуло солнце, и мы за пять часов сделали сорок четыре километра. До базы оставалось пятьдесят километров.

Вдруг Журавлев кричит мне:

— Самолет!..

Оказалось, на «У-2» летели Б. В. Лавров и Линдель. Они держали курс на бухту Прончищевой. Сделали посадку вблизи нашей палатки, побеседовали с нами, выпили чаю и вернулись на острова Самуила. Часа через три и мы двинулись в путь. Не успели отъехать двух километров, как на мысе Фаддея появилась большая медведица с медвежонком, которые, завидев нас, начали удирать. Собаки, несмотря на

Медвежонок Маша на шкуре своей матери.

то, что проделали большой путь и устали, пустились за медведицей.

Через несколько минут братья Журавлевы умело расправились с тушей медведицы. На мою долю выпало следить за медвежонком Машей, как мы его назвали, так как Маша вела себя неспокойно, когда ее разлучили с матерью. Первым делом Маша привела в действие одометр, и, если бы я во-время не подоспела, вряд ли от него что-либо осталось. Машу мы привезли с собою на базу.

Проехали мы несколько часов, и опять ударила пурга. Собаки отказались итти, от хорея почти ничего не осталось. Обалдуй получил должное за свое упрямство. Пришлось разбить палатку. Через час Журавлев вышел из палатки и увидел вешку. Оказалось, мы стоим всего в трех километрах от базы.

Пурга начала стихать, и мы двинулись в путь. Время приближалось к полуночи, но было светло.

На базе нас поджидали и сильно беспокоились. Здесь все благополучно. Люди здоровы.

После дороги мы спали, как убитые. Только Журавлев кричал во сне:

— Обалдуй, чортова голова!.. Милка, вражья сила!»

ПОЛЕТЫ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Погода стояла неустойчивая. Несмотря на это, самолет сделал несколько полетов на мыс Челюскина, перебросив туда наши материалы по гидрологии и метеорологии.

Мы решили продолжать ледовую разведку. Нам предстояло лететь или опять к Малому Таймыру, или в залив Фаддея и дальше в бухту Прончищевой. Туман на севере заставил избрать второе направление.

На этом пути нас ждало много работы. Давно наше внимание было приковано к почти постоянно наблюдаемому на востоке водяному небу. Кроме того далеко не лишне было проследить и нанести на карту глубь Таймырского полуострова, хотя бы в его наиболее доступной части. Даже береговая линия этого полуострова на карте не везде проведена непрерывной чертой. В районе островов Петра и Бегичева она обозначена пунктиром, как условная, подлежащая засъемке.

Геологическая экспедиция 1929 года под руководством Урванцева обследовала район Таймырского озера и его рек — Верхней и Нижней Таймыры. Экспедиция предполагала тогда, что Таймырское озеро должно иметь еще другой сток воды, в северо-восточном направлении, так как река Нижняя Таймыра, значительно меньшая, чем Верхняя Таймыра, не может по своему руслу перебросить всю воду, полученную сверху.

В залив Фаддея впадает небольшая речка. В глубине его никто никогда не был. У нас явилось предположение, что эта речка может быть вторым стоком воды Таймырского озера. В таком случае залив Фаддея может иметь большее промысловое значение, чем это казалось до сих пор.

8 мая мы вылетели в этот район, чтобы произвести

ледоразведку и осмотреть место впадения в залив указанной на карте речки.

Выполнив вполне благополучно ледоразведку, самолет повернул к заливу Фаддея, пересекая большое пространство неподвижного припая. Стали налетать клубы тумана. Это не остановило полета. Но потом туман настолько сгустился, что из поля зрения выпало все — небо, снег, острова. Мы упустили время для посадки, и это заставило нас лететь дальше, в надежде вырваться где-нибудь из непроницаемой для глаз завесы. Компас вел себя беспокойно из-за частых зигзагов самолета, выискивавшего место для посадки.

Туман немного поредел. Под нами мелькала бугристая тундра, покрытая желтоватым снегом. Ясно, в тумане мы потеряли направление.

Мотор замолк.

— Что же теперь будем делать?

— Возвращаться к морю, а там посмотрим...

Мотор заработал. Заряды тумана снова начали окружать самолет. Он быстро снизился на замеченную ровную площадку.

В тундре мы или на море?

Ответ на этот вопрос мы получили только после окончательного прояснения. Невдалеке от нас виднелся мертвый берег Таймырского полуострова. Вдали сверкали белые шапки отдельных гор. Мы сели почти на границе суши и моря.

Линия меняющихся курсов, проложенная на карте по записям в летной книжке, определила наше местонахождение. Мы в заливе Фаддея.

Самолет снова поднялся в поисках речки. Ее устье было засыпано глубоким снегом. Трудно отличить теперь узкое русло реки от случайной долины.

Ее не видно. Возможно, что ветер, сила которого не учитывалась нами из-за отсутствия на «У-2» нужных приборов, отнес нас несколько в сторону.

Новым курсом мы идем в направлении к пловучим льдам, чтобы оттуда лететь в бухту Прончищевой. На снегу выделяются какие-то два черные пятна непривычной формы. В полете не отличить, двигаются они или нет.

Аэроплан переменил направление. Черные пятна превратились в две нарты, запряженные собаками. Человеческие

фигуры жестами рук и разведенным костром приглашают сделать посадку.

Мы опустились невдалеке от собачьих нарт. Навстречу шли три закутанные в оленьи меха фигуры. Это были промышленники — два брата Журавлевы и врач нашей зимовки Е. И. Урванцева. Они возвращались из бухты Прончищевой.

Поворачивать утомленных собак в обратную сторону — к бухте Прончищевой — было невозможно. Проще было вернуться самолету к островам Самуила.

Через полчаса замерзшие пароходы были уже под нами.

★

10 мая весь день бушевала пурга. На этот раз она была сильнее, чем когда-либо. Мороз совсем незначительный. Всего — 8°. Но при сильном ветре он кажется холоднее, чем при — 40° в спокойную погоду.

Самолет, заботливо укрытый Линделем и Игнатьевым, стоял в безопасности между пароходами. Тем не менее он весь покрылся снегом, и около него вырос высокий снежный вал.

Только к утру ветер окончательно стих. Опять выглянуло солнце. Белая пустыня осветилась и засверкала.

Все выбежали на снег наверстать упущенное из-за непогоды время. Быстро взлетают на палубы пароходов кадки со свежим снегом. Дружно идет раскопка грузов, сгруженных осенью с «Правды».

Собачья упряжка Синельникова лежит, готовая к отъезду на охоту. Кавказские овчарки Макар и Муха с наслаждением растянулись на снегу, подставив негреющему солнцу свои бока.

Ветер норд-ост, не более трех баллов. Температура —8°. Условия, вполне подходящие для полета. Быстро освобожденный из своей снежной ямы самолет понес нас к кромке пловучего льда, обычной исходной точке наших полетов, и оттуда на северо-запад — к острову Большевик Северной Земли.

Вчерашний норд-остовый шторм произвел здесь большую перегруппировку льдов. На западе канал чистой воды значительно сузился, но на востоке он был попрежнему широк. Северное течение, обнаруженное нашими гидрологами, уже начинало восстанавливать прежнее положение льдов.

Совсем другая картина представилась нам к западу от островов Самуила по направлению к Малому Таймыру. Там

лишь узкая линия, прерываемая иногда грядой свежих торосов, отмечала границы неподвижного льда.

Наконец показался и заветный остров Малый Таймыр. Он лежал в полосе невзломанного льда, несколько в стороне от курса нашего полета вдоль припая. Величественный, высокий берег Северной Земли быстро приближался к нам. Мы миновали его. Линия невзломанного льда продолжала вести нас прямо на север.

— Дойдем до пролива Шокальского и обратно.

Но Линдель в ответ заботливо похлопал по верхнему бензиновому баку. Это означало, что запасы бензина не так уж велики. Надо возвращаться.

Самолет делает крутой разворот. Теперь можно осмотреть и Малый Таймыр, полетным временем определив его расстояние от района пловучего льда.

Через двадцать минут мы уже летели над поверхностью острова. Следовательно, это расстояние равно тридцати пяти — сорока километрам.

Остров очень низкий. Он прерывается ложбинами, которые сверху выглядят, как трещины обнаженного темного покрова. Около берегов видны незначительные торосы. С южной стороны острова, в глубине пролива Вилькицкого, торосы гораздо крупнее.

22 апреля 1919 года спутник Амундсена, Тессем, поставил свой знак в этом районе. Он ошибочно принял тогда соседний остров Старокадомского за остров Малый Таймыр.

Ветер заметно окреп. При каждом развороте он так уносил наш самолет, что требовалось продолжительное время, чтобы опять восстановить прежнее направление.

От посадки около знака Тессема на этот раз пришлось отказаться.

Берем курс на OSO, по направлению к нашей полынье. Мотор усиленно работает. Полынье давно пора показаться, но вместо нее под нами замерзшие торосистые поля.

Вдруг по правому борту появляется ясная береговая линия.

Откуда она?.. Новый остров? Этого быть не может. Здесь было достаточно экспедиций...

Наше смущение длилось недолго. Мы узнали знакомое очертание материковой линии. Вдали виднелась гора Аструпа. Сильный норд-остовый ветер унес нашего легкого «воробья» на юго-запад, вместо взятого направления на восток-юго-восток.

Новым курсом, по старой привычной дороге, начинаем итти к островам Самуила. Безнадежное предприятие. Мы почти стоим на одном месте. Линдель набирает высоту до тысячи метров. Пока самолет шел вверх, его опять отнесло к юго-западу. Но на высоте напор ветра слабее. Мы более быстро пошли к цели. Материк остался в стороне. Видна группа небольших островов Локвуда. Западный остров Самуила был уже почти под нами. На море, совсем близко от нас, показалась серая стена пурги. Она окружила самолет, закрыв сразу весь горизонт.

Самолет быстро скользнул вниз. Линдель искал посадочную площадку.

— Здесь торосы... садиться невозможно.

Почти стелясь у самой земли, самолет идет на юг вдоль береговой линии и затем, перелетев через остров, садится на ровную снежную поверхность. В ту же минуту все окончательно скрылось из виду.

Только опытность и хладнокровие Линделя позволили совершить удачную посадку в такой трудный момент.

Пароходы от нас не более чем в двенадцати-пятнадцати километрах. Еще несколько минут, и мы были бы на месте. Но как раз этих нескольких минут нам и не-
хватило.

Палатки с нами нет. Мы зарылись в снег около самолета. Мотор умолк.

Пурга свирепела с каждой минутой. Через час вдруг все прояснело. Пароходы стали видны совершенно отчетливо.

Попытки завести мотор не увенчались успехом. Он совершенно застыл.

— Бензина почти не осталось, — задумчиво констатирует Линдель.

Мы уже достаточно промерзли во время полета и сиденья в снегу.

— Идем к зимовке. Потом на собаках привезем бензин.

Мы оставили аэроплан, максимально укрепив его. Однако пурга сделала только небольшую передышку. Скоро снова все исчезло на горизонте.

Компас остался на самолете. Направление показывает ветер. Идем с большими усилиями, держась выбранного курса.

Вдруг Линдель останавливается:

— Надо отдохнуть.

Отдыхаем пять минут и снова идем. Через километр опять голос:

— Надо отдохнуть основательно, часа на три. Правая нога совсем не идет.

Во время полета Линделю пришлось работать больше, чем мне. Его усталость естественна, но от этого не легче. Вырыли глубокую яму, обложив ее края снежными плитами. Против ветра на двух палках растянули покрывало от шубы и легли в яму, крепко прижавшись друг к другу.

Снег быстро похоронил нас. Неприятно лежать в таком положении. Кругом тает от дыхания. Капли воды пропитывают одежду. Потом она замерзает. Холод начинает охватывать сначала руки и ноги, а затем и все тело.

— Линдель... холодно?

— Холодно...

— Тогда идем...

Снова охватывает нас метель, но мы преодолеваем еще несколько километров.

— По-моему, мы уже кружим, — говорит Линдель.

Иллюзия кружения вполне понятна и объяснима. Мы не кружим, но мы видим только кружащийся около нас снег.

— Проверим по следам.

— Линия следа прямая. Мы идем правильно.

— Все равно, мне надо отдыхать...

Снова лежим в снежной яме, засыпанные снегом. Местность прекрасно знакома. Мысленно перебираем все варианты направлений, если, действительно, не увидим пароходов.

— Направо встретим торосы, налево — южный остров, прямо упремся в восточный остров Самуила. Сбиться с дороги не можем.

Суда должны быть близко. Но снег начал засыпать нас уже с другой стороны. Ветер незаметно для нас переменился. Это очень печально в нашем положении. Потерян последний ориентир. Теперь, несомненно, придется пережидать пургу в снежной яме. Но кто скажет, когда она прекратится?

Надо итти. Сквозь густую мглу показались неясные проблески солнца. Часы и солнце дают возможность восстановить нужное направление. Мы поднимаемся из своей «берлоги».

— Глядите, собака...

Мы оба видим ее вдали. Она совершенно похожа на Ринку и бежит немного в стороне от нас.

— Я сейчас ее приведу.

Несколько шагов вперед — и вместо Ринки у ног лежит сухая головка полярного мака. Ветер катил ее по снежной поверхности. Рефракция увеличила ее размеры и расстояние от нас.

— Я удивился, как скоро вы подошли к собаке! — смеется Линдель.

Необходимо двигаться, хотя бы для того, чтобы согреться.

Солнечный свет едва пробивался сквозь густые серые облака. Ветер попрежнему силен, и попрежнему ничего не видно. Итти трудно. Через несколько километров вновь залегаем в снежную яму, отметив палкой взятое направление.

Солнце стало светить несколько ярче.

— Надо итти!

Вдруг не более чем в километре несколько раз сквозь пургу мелькнули верхушки пароходных мачт. Мы были у цели, выдержав правильное направление.

Покрытые снегом с ног до головы, подошли к нашему «дому».

Наш путь от самолета до парохода продолжался около двенадцати часов. Вполне понятно поэтому волнение, которое охватило нашу зимовку и зимовку мыса Челюскина. Рузов послал радиотелеграмму в Москву о нашей пропаже.

Ответ пришел немедленный: «Организуйте поиски местными средствами».

Мы чувствовали себя вполне удовлетворенными. «Местные средства» оказались действительными.

— Сегодня вы заглянули прямо в пасть полярной смерти,— сказал Журавлев, выслушав наш рассказ.

— Ну, и заглянули. Ничего особенного,— невозмутимо ответил Линдель.

Ледоразведка до Северной Земли была сделана. Мы начали готовиться к полету в бухту Прончищевой.

Дни бежали теперь торопливо. Зимовка подходила к концу. Надо было кончать намеченные осенью работы. Геологов ушел производить съемку островов Самуила. С ним ушел капитан Смагин для постановки там морского знака. Упряжка собак притащила туда бревна и доски. Ученики мортехникума готовились к экзаменам. Полным ходом шел ремонт пароходов. По их бокам висели люльки. С них

раздавался музыкальный стук молотков, отбивающих ржавчину. Кое-где по бортам гуляли кисти, после чего часть судна принимала свежий, красивый вид. Гидрологи закончили свои наблюдения на кромке льда. Остались только футшточные наблюдения около самих пароходов. Погода стала совсем весенней. Мороз не превышал 8°.

17 мая над пароходами показались первые чайки. Они летели целыми стаями. Тут были и черные разбойники, и совсем белые полярные чайки, и крупные серые буревестники. Собаки, как сумасшедшие, носились за ними. Их также охватила весенняя радость.

Одновременно с чайками появились и пуночки. Утром мы были разбужены их веселым пением. В первый момент это показалось сном. Слишком несовместимо было милое пение птиц с окружающей мертвой пустыней. Яркое солнце на голубом небе говорило о наступлении весны. Четыре пуночки порхали по бортам и хлопотали около куска подвешенного медвежьего мяса. Ничто не напоминает о тяжелой полярной зиме, о седых туманах и свирепых пургах. Неужели солнце окончательно справилось с зимними холодами?.. Слишком рано! В 1933 году только в июле здесь начались положительные температуры...

Вездеходы повторили свой маршрут на мыс Челюскина, перевезя туда часть грузов. Это был «скоростный» пробег. Расстояние около ста километров было покрыто в 13 часов 38 минут. Отдохнув на мысе один день, вездеходы рано утром вернулись на острова Самуила.

Ушедшая с ними кавказская овчарка Чуркин на обратном пути отстала и с воем вернулась на мыс Челюскина. Зимовщики с удовольствием зачислили ее в свой инвентарь.

23 мая был день рождения Урванцева. Воспользовавшись предлогом, устроили на острове праздник. Там имелся настоящий, квалифицированный повар. Поэтому обед был приготовлен необычайно вкусно. Мы уже отвыкли от таких тонкостей. Болотников решил преподнести нам сюрприз и поставил на стол настоящий трубочный табак вместо обычной махорки. Табак по этикетке должен был быть не плохой. Но странно — привычная махорка кажется вкуснее. Трудно сказать, изменился ли табак за время лежания зимою, или изменились наши вкусы...

Медвежонок Маша, привезенная Журавлевым, росла злой и дурачливой. При каждом удобном случае она нападала на собак. К людям ее отношение было более спокойным.

Но гладить себя она не позволяет: немедленно пускает в ход зубы и когти.

Зато пойманный лемминг стал совершенно ручным. Он живет в небольшом ящике и с удовольствием грызет сухие овощи.

Около дома возилась груда черных и серых щенков. Это уже новая порода полярной собаки, укрупненная кавказской овчаркой. Следующая зима покажет, оправдают ли эти щенки возлагаемые на них надежды. Но уже теперь видно, что они станут крупными, сильными собаками. Будут ли их лапы так же приспособлены к жесткому снегу, как лапы их матери, это покажет только практика походов.

Весело прошел день. Нет оснований думать, что наша зимовка не принесла пользы. Результаты наших работ уже налицо. На острове основан целый поселок. Туда совершенно спокойно могут приехать новые люди. Метеослужба работает исправно. Почти закончены гидрологические наблюдения. Советский флот, несомненно, получит из нашего мортехникума новых штурманов и механиков. Сделана топографическая съемка. Испытаны вездеходы.

Не выполнена только часть ледовых наблюдений с аэроплана. Но эта работа перманентная. К тому же у нас еще достаточно времени для ее продолжения.

Возвратились на пароходы поздно вечером. На другой день погода испортилась, но Журавлев и Синельников все-таки уехали обратно в бухту Прончищевой, заручившись обещанием о скором нашем прилете туда.

В БУХТЕ ПРОНЧИЩЕВОЙ

26 мая мы вылетели в бухту Прончищевой. День был ясный, но неустойчивый. То и дело налетали небольшие туманы. Однако не было надежды, что погода здесь будет когда-нибудь лучше. Надо довести ледоразведку до конца или вообще отказаться от дальних полетов.

В бухте Прончищевой нет радио. Следовательно, там не могут знать о нашем вылете. Пароходы вообще не будут знать, долетели мы или нет. В случае аварии мы не можем рассчитывать ни на какую помощь.

Поэтому на этот раз мы подготовились более тщательно. С нами палатка, винтовка и пятидневный запас продовольствия. Большего взять мы не можем.

— Через сколько времени вас искать? — спросил на прощанье капитан Смагин.

— Через десять дней. Раньше не надо...

Пройдя остров Самуила, самолет прорезал первый заряд тумана. Кромка припая довольно круто шла на юго-восток. За припаем виднелась широкая полоса открытой темной воды.

Вид воды доставляет большое удовольствие, но в то же время возбуждает вопрос: чем объясняется это явление? Неизвестным отжимным течением, большой силой приливов и отливов, рельефом дна?

Линия припая привела нас к островам Фаддея. Они еще в невзломанном льду, но крайний из них уже совсем близок к полосе открытой воды. Здесь происходит более интенсивное разламывание льда, чем около островов Самуила.

После островов Фаддея самолет снова вошел в туман. Возникает мысль: не вернуться ли?

Но ледоразведка обещает дать очень интересную картину. Продолжаем полет и снова попадаем в места ясного дня. Курс попрежнему на юго-восток, куда ведет нас припай.

Показались низкие, постепенно повышающиеся к югу берега. Вдали виднеется высокий темный хребет, пока еще никем не исследованный. Ближе к берегу стоят отдельные плоские горы.

По мере приближения к материку припай становится меньше и меньше. Около знака «лиственницы» [1] вода подходит почти вплотную к берегу. Припай — не более пяти километров. Таким образом его граница проходит по линии— острова Самуила, острова Фаддея и знака «лиственницы».

От знака «лиственницы» наш курс меняется на восток. Здесь уже совсем широко раскинулась полоса темной воды. Припай тянется около берега узкой грядой. Около небольших прибрежных островов он отдаляется в море, но затем снова прижимается к берегу.

В летную книжку поспешно заносятся детали картины льдов и направление горного хребта.

Снова туман. Он настолько густой, что лететь далее становится невозможным. Обратный путь к пароходам отрезан. Линдель спешит использовать еще не совсем потерянную видимость, и самолет садится на ровный лед небольшой бухты.

— Будем ставить палатку и пить чай?—спрашивает он. И затем сам отвечает: — Посидим, покурим. Может быть, и пронесет.

Вышли на берег. Он покрыт небольшим покровом снега. Сквозь него проступают черные камни. Пустынно и молчаливо. Вернулись к самолету и ушли по припаю к морю.

Время идет крайне медленно. Часа через три стало немного светлее. Мотор опять заработал. Продолжаем полет в том же направлении — на восток. Припай сохраняет прежний порядок. Горный хребет заметно приближается к берегу. Его передовые части — отдельные плоские горы — местами совсем близки от нас. Группа неизвестных островов, обложенных льдом, привлекает наше внимание.

Линдель пускает мотор на малые обороты. Становится тихо.

— Это острова Андрея?

— По времени не может быть. Наверное, что-то другое.

— Не пойти ли к горному хребту?

— Тогда потеряем линию ледоразведки.

---

[1] Сухое дерево, поставленное вверх корнями на берегу, на восток от залива Фаддея.

Мотор снова заработал своим обычным темпом. Теперь требуется максимальная внимательность. Если это острова Андрея, нужно быстро переменить курс на юг, иначе мы уйдем в район пловучих льдов.

Через короткое время мы снова в тумане. Мотор опять почти замолкает.

— Теперь куда?

— На юг.

У нашего самолета большой недостаток: в кабине пилота нет компаса, он имеется только в кабине летнаба.

— Куда лететь?

— Направо, а затем прямо.

Чем дальше, тем туман становится гуще. Нужно итти на посадку. Сели в глубокой снежной ложбине. Следы лыж показывают, что мы на материке. Место посадки нам в точности не известно. Оно должно быть где-то между островами Андрея и островами Петра, на мысе Восточного Таймыра.

Ничто не предвещает скорого просветления. В воздухе полный штиль. Туман висит, как занавес. Сыро и холодно. Разбиваем палатку и залезаем в нее. От горящего примуса становится тепло и уютно. Выпитый чай и раскуренные трубки приводят нас совсем в хорошее настроение.

— Десять дней просидим. Продовольствия хватит. Уйдет же за это время туман! Тогда и улетим.

Оставив примус горящим, мы засыпаем.

На другой день туман продолжается. Мы разошлись в разные стороны «на разведки».

Этот район более богат жизнью. Маленькие точки на снегу — это следы лемминга. В другом месте прямая линия следов песца. Раздвоенные копыта дикого оленя оставили глубокие впадины в снегу. По ним проложили дорогу широкие лапы полярного волка. Но удивительно, что тут же проложил свою дорогу и белый медведь.

Воображение рисует арктическую драму. Несутся вперед испуганные дикие олени, их преследуют волки. Сзади топает изо всех сил неуклюжий медведь. Он спешит, вероятно, к уже готовой добыче. Разогнав волков, он присвоит себе остатки оленя.

Следы белого медведя говорят о том, что море здесь невдалеке. Вопрос, где мы, теряет значительную долю своей остроты.

Через четырнадцать часов туман поднялся. Горы высту-

пили темными конусами. Теперь совершенно ясно, куда лететь. Еще немного на восток, и мы будем у островов Петра.

Мотор заработал. Но тут новая, непредвиденная неприятность... Взлететь невозможно. Туман почти уничтожил снег. Наша посадочная площадка со всех сторон окружена выступившими островками земли, покрытой мхом.

Тщетно Линдель старается заставить самолет оторваться от площадки. Самолет бежит только до тех пор, пока я толкаю его. Но лишь только вскакиваю в кабину, он опять останавливается.

После долгих поисков нашли другую снежную площадку. С большим трудом притащили к ней самолет и наконец взлетели.

Курс оказался правильным. Мы пошли к островам Петра. Далеко на восток от поворотного мыса виднелись невзломанные поля припая. Среди них зияли большие черные полыньи. Но плавающих льдов нет и в помине. От островов Андрея они уходили на восток. Припай как бы продолжал в этом направлении линию берега. Только от 65-й параллели опять начался узкий канал чистой воды. Он постепенно расширялся. Около бухты Прончищевой его ширина была не менее пятнадцати-двадцати километров. Припай здесь был довольно широкий и торосистый. В самой бухте не было никаких признаков взломанного льда.

Солнце сияло ярко, как на юге. Вода приняла настоящий голубой цвет, против которого я так протестовал, видя его на картинах художника Рыбникова. Белые полуразрушенные льдины медленно плыли по воде. Чайки разных пород носились над ней большими стаями. Невдалеке протянулся треугольник гусей.

Со стороны материка бухта Прончищевой окаймлена цепью высоких сопок. В лучах солнца они потеряли свою обычную угрюмость.

Мы прилетели совсем в другую обстановку.

Снизившись до ста метров, мы скоро находим и зимовку. Наш прилет вносит радостную сумятицу в жизнь зимовщиков. Особенно сердечно встречает нас детвора.

Дом — один из лучших на полярных зимовках Таймырского полуострова. Высокие большие комнаты, теплые и сухие, позволяют жить и работать, как в обычных условиях. Комнат больше, чем надо. Для радиостанции и метеослужбы имеются готовые помещения.

Около дома много разномастных собак и щенков. На

длинных ремнях тут же гуляют пять маленьких белых медвежат.

Ребята здоровые и краснощекие. Только двое, уроженцы Новой Земли, несколько слабее.

Журавлева и Синельникова еще нет. Вероятно, их тоже задержали туманы.

После чая мы ушли спать и спали на этот раз, действительно, крепко и спокойно. Полет был удачен и интересен.

Утро наступило яркое и радостное. Весело прыгали и пели около дома пуночки, играли щенки и ребята, рылись в снегу забавно-угрюмые медвежата.

Пара собачьих упряжек поджидала промышленников, отправлявшихся на разделку убитых моржей. Песцовые шкурки, развешанные на веревках для просушки, колыхались от небольшого ветра. Часть шкурок была совсем невысокого качества.

— Это все?

— Все,— последовал неутешительный ответ.

Надо использовать сегодняшний день для дальнейших полетов на юг к острову Бегичева и в бухту Нордвик.

Самолет снова в воздухе. Перед нами прекрасная картина. Чем дальше на юг, тем на большем просторе играют морские волны. Сопки и горы придвинулись ближе к берегу. Около острова Преображения и острова Бегичева открытая вода круто поворачивает на восток и вдали замыкается глухой стеной неподвижного льда. Среди льдов большие пятна воды. Острова Преображения и Бегичева стоят в невзломанном льду. Мы поворачиваем на восток, по направлению к ним. От материка остров Бегичева отделен небольшим пространством, забитым сплошным торосистым льдом. Видимо, основная часть льда направлялась сюда сильным течением. Здесь и нужно искать канал в бухту Нордвик, которого не нашла осенью «Правда».

Остров Бегичева неправильно нанесен на карту. Его береговая линия совершенно не похожа на линии карты. Острым низменным мысом остров координирует с таким же мысом материка. Возможно, что здесь проходит коса. На юго-востоке остров более высок. Местами глубокие ложбины, занесенные снегом, пересекают его темную поверхность.

Спокойно замерзла бухта Нордвик. Только кое-где видны груды торосов. Осмотр берега бухты не входит в

план нашей разведки. Мы летим к горному хребту, чтобы взглянуть в глубь неисследованной части полуострова. Оттуда навстречу нам дует сильный ветер. Слабый мотор не может справиться с ним. Самолет качает и бросает в разные стороны. Приходится отступить до более удобного случая.

Горная цепь дает, повидимому, начало многим речкам, не показанным на карте. Они сейчас засыпаны снегом и поэтому неудобны для их съемки. Одна из них, севернее реки Новой, вероятно, довольно больших размеров.

На полуострове имеется ряд крупных озер. Три из них— невдалеке от бухты Прончищевой.

Разведка льдов на восток — от острова Большевик Северной Земли до бухты Нордвик — теперь окончена.

Зимовка вынырнула из-за небольшого мыса. Мы снизились, довольные тем, что полет прошел без всяких приключений. Нас встретили Журавлев и Синельников. В пути им удалось убить медведицу и взять живыми двух медвежат.

Теперь можно было приступить к обсуждению больных вопросов зимовки.

В промысловом отношении год оказался неудачным. Песец почти исчез с наступлением полярной зимы. Было добыто всего сто двадцать штук. Главную добычу составляли моржи. Их били целыми залежками, не щадя и моржат.

— Все равно подохнут без матери.

Одного из моржат использовали, как приманку. На его плач моржи подплывали большими группами и лезли на берег. Здесь их ожидали охотники. Однако в конце концов моржам удалось освободить моржонка и увести с собой.

— Мы занялись обделыванием убитых моржей, — не ждали живых с этой стороны,—оправдывался Журавлев.

Зимовка разделилась на два лагеря — холостых и женатых. Холостые злоупотребляли спиртными напитками. Но в то же время они были настоящими промышленниками. Женатые спиртом не увлекались, но и не работали как следует на промысле.

— Ваша специальность?

— Столяр... Чернорабочий... Носильщик...

— Как же вы поехали в качестве промышленника?

— Думали, что научимся.

Их жены предъявили Журавлеву требование платить им за носку воды, дров, подметание помещений и т. д.

— Даром никто работать не будет...

Моржонок, добытый в бухте Прончищевой.

— Кому эта вода? Кому дрова? Для себя же носите, — не выдержали холостые. — Мы все время на промысле.

Женщины замолкают в озлобленном упрямстве.

— Не пойму я их, — говорит жена Журавлева. — Весь свой век живу на Севере, а никогда не слыхала, чтобы за это деньги платили. Сама себе и мужу принесу воду, с кого же за это деньги получать?

Женатые на стороне своих жен. Промышленники, прошедшие суровую школу Севера, гневно выступают против них.

— Оленей мы убили. Кто их ел? Вы! Деньги с вас получали?

Во-время сказанное нужное слово могло бы предупредить разлад, но Журавлев, прекрасный, опытный промышленник, не сумел сказать его.

— А вы весь спирт выпили, — переходят в атаку женатые.

На этот раз удар направлен правильно. Холостые, чувствуя свою вину, неуверенно оправдываются:

— Придешь с холоду... Можно и выпить...

— Это на два-три дня подряд!

Долго продолжалось это сумбурное собрание. Ясно было, что зимовка организована крайне неудачно. Одни приехали, не зная дела, в расчете на жалованье и даровой паек; другие, умея промышлять, не могли или не хотели удерживать себя от лишней рюмки, особенно когда на складе лежит годовой запас.

Мотивировка у них специальная:

— Выпили бы все, а потом перестали бы...

Такая психология присуща очень многим старым промышленникам. Они могут прекрасно перевоспитаться под руководством более развитых политически работников. Но на зимовке не было не только таких людей, но даже небольшой библиотеки. Свободное время между охотничьими поездками заполнялось склокой и выпивкой.

В других условиях враждующих следовало бы немедленно разъединить. Но здесь это сделать невозможно.

— Возьмите нас на острова Самуила, — просятся двое.

— Вывезите нас обратно, — заявляет тройка женатых.

Порядок на собрании наконец восстанавливается. Все вопросы решены.

— Жалованье за самообслуживание никто платить не будет. Весь остаток спирта будет уничтожен...

— Его уже немного и осталось, — радостно отвечают промышленники, довольные тем, что этот продукт еще ранее нашел себе «полезное» применение.

— Остальные расчеты будем производить в городе.

Как показали дальнейшие события, жизнь в бухте приняла после этого собрания более здоровое направление. Весенняя охота заняла все время, перспектива выселения с зимовки не всем улыбалась.

На другой день мы улетели к своим пароходам, обещав ежемесячно навещать бухту Прончищевой. Полет прошел вполне удачно. Полоса воды стала гораздо шире. Острова Фаддея были уже захвачены ею.

В Москву пошла радиограмма об окончании разведок в восточной части Таймырского полуострова и о переносе летной базы на мыс Челюскина.

НА МЫСЕ ЧЕЛЮСКИНА. ПОЛЕТ К СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛЕ. АВАРИЯ

Зима не хочет сдаваться. Очень часто дуют холодные норды и норд-осты. Дожди сменяются снегом. Температура — 4°, — 5°, редко — 3°. Трудно представить себе, что это уже июнь. Но все же в этом году процессы потепления идут гораздо интенсивнее, чем в прошлом году. В солнечные или туманные дни снег быстро тает. На льду пролива Вилькицкого виднеются большие озера пресной воды. Берега на значительном протяжении уже почернели. Только ложбины и ямы попрежнему сверкают белым блеском. Убогая полярная растительность ожила и спешит быстро закончить процессы роста, расцвета и созревания.

Изменился за это время и внешний вид невзрачного жилища зимовки мыса Челюскина. Снег около домика растаял, домик кажется немного выше и еще более похож на сарай. Исчезло «украшение» около крыши — длинная связка сушеной рыбы: она съедена собаками. От сарая до бани повисли широкие белые шкуры убитых медведей. Но шкур немного—всего тринадцать штук.

На шкуры с большим вожделением смотрят собаки. Им удалось недавно отгрызть одну ногу шкуры. Они полны желанием повторить свой опыт. Старик Колыма более бодро переставляет свои искалеченные в многочисленных поездках лапы. Храбрый Канин ходит с глубоким свежим рубцом на спине, полученным в недавней схватке с медведем. Щенки Таймыр, Тигр, Челюскин, Ефрат и другие превратились в рослых, хороших собак, готовых к упряжке. Старый философ Аната медленно идет по талому снегу. Его голова, как всегда, по-старчески опущена книзу. Тут же Чуркин, привязанный на цепи. Многих знакомых собак нет. Часть

их убита медведями, часть пропала без вести, часть уехала на работу.

В мае на двух нартах уехала гидрологическая партия к островам Нансена и Гейберга. По этой причине население мыса Челюскина уменьшилось на тридцать пять процентов, точнее говоря, на четыре человека.

Я с Линделем наполовину восполняем эту «убыль».

Начальник зимовки Рузов не изменился. Он то озабочен судьбой своего немногочисленного населения и их ближайших соседей, то весел в силу своего природного темперамента.

— Хотите почитать свежую газету?

В руках у него очередной выпуск «Северного форпоста». Новостей много. «Биолог Тюлин убил пуночку... и поймал в полынье несколько ракообразных»... «Пропали без вести Лыско и Степка». Новости известны и без газеты.

Летной погоды нет. Идет снег при сильном западном ветре. Видимости никакой. Полет от пароходов до мыса Челюскина мы не считаем уже полетом. По новым же маршрутам в таких условиях летать довольно рискованно. Поэтому Линдель упрашивает синоптика Рихтера «сделать поскорее летную погоду».

— План не выполним... Как будем давать отчет в Москве?

Закончив наблюдения на востоке, мы должны были выявить картину льдов на западной и на северной стороне Северной Земли. Надо было дать материал для составления первой гипотезы о возможности плавания в позднее время года вокруг Северной Земли и в море Лаптевых.

Рихтер, посидев над своими картами, исчерканными разнообразными кривыми, обещал к ночи «дать хорошую погоду».

Наступил час, назначенный для «хорошей погоды». Однако кругом стоит туман. Моросит мелкий, наводящий тоску, дождь. Ненцы, эвенки и другие народы Севера иногда жестоко наказывают своих богов за невыполнение обещаний. Решили и мы всем коллективом испробовать это средство на Рихтере.

Рузов немедленно пустил в обращение тут же сочиненные стихи:

Приняв Наполеона позу,
Борис (Владимира сынок)
Лаврову явственно изрек:
— Даю вам точные прогнозы:

Часов, примерно, через пять,
К одиннадцати, вам в угоду,
Устрою дивную погоду.
Вы смело можете летать.

Лавров и Линдель вновь свой путь
На вест ретиво обсуждают.
Часы бегут. Погода — жуть.
Лишь малость ветер затихает.

Синоптик, видя, что прогноз
Сегодня снова не удался,
На койку вмиг свою забрался,
Под одеяло скрыв свой нос...

Полет сегодня немыслим.

★

8 июня явилась возможность лететь. Вылетели к мысу Могильному. Шли все время вдоль берега. После дождя снег по берегам почти исчез. На льду всюду синие озера. Кое-где появились уже трещины.

Полет был непродолжительный. Черный большой ящик и высокий морской знак показали, что мы достигли места назначения. Сделали посадку на берегу, так как лед уже был покрыт мелкими пятнами воды.

Вокруг тихо и пустынно. Мелькнула и быстро исчезла вспорхнувшая из-за камней белая куропатка. На снегу отпечатались лапы медведицы и медвежонка.

Два посеревших креста, окруженные цепями, стоят молчаливыми свидетелями давнишней арктической трагедии. Это были могилы штурмана и кочегара, зимовавших здесь в 1915 году на пароходах «Таймыр» и «Вайгач». Безжизненное белое пространство местами прерывалось острыми выступами черных камней. Вдали виднелся характерный загиб залива Толля, за которым начинался лабиринт островов архипелага Норденшельда.

Эти кресты удивительно гармонировали с этим царством векового покоя. Даже привычное сердце неприятно сжимается при виде этих угрюмых напоминаний о будущей судьбе полярного исследователя в случае какой-либо, даже и небольшой, ошибки.

На всем горизонте ни клочка открытой воды, если не считать синих озер на льду, образовавшихся в результате таяния снега. Кромка подвижных льдов была где-то далеко.

Казалось, что архипелаг Норденшельда крепко запер ворота к сквозному Северному морскому пути.

Бензин для самолета выгрузили в будку с припасами. Здесь будет наша подсобная база во время дальних полетов.

Летя в тумане и дожде, мы вернулись на мыс Челюскина. Все уже спали, когда мы вошли в помещение зимовки. Только обеспокоенные нашим продолжительным отсутствием Рузов и Игнатьев бродили по комнатам, не зная, как убить время.

— У нас душа не на месте, когда вы летаете при такой погоде.

На следующий день погода опять испортилась. Рихтер не поддается нашим увещеваниям и угрожает затянуть ее по крайней мере на два дня.

Все разошлись на охоту. Тюлин вернулся с первой нерпой. По следам нерпы подошел к дому медведь. Мясо его было весьма кстати. Шкура же почти никуда не годилась. Линька была в полном разгаре.

Долго тянется время в такую погоду. Мысль о предстоящем вскоре полете не дает возможности заняться чем-либо серьезным. Мы с Линделем теперь кочевники, не имеющие определенного местожительства.

Разработали детальный план облета Северной Земли, проложив курсы по всем возможным вариантам.

12 июня наступило прояснение. Солнце оживило безжизненную тундру и торосистые льды пролива Вилькицкого. Ярко выступала гора Аструпа — наш всегдашний маяк при полетах в этом районе. Барометр обещал устойчивую погоду. Товарищ Рихтер на этот раз давал хороший прогноз. К вечеру, когда погода стала явно устойчивой, мы решили вылететь.

Началась обычная предполетная процедура.

— Контакт.

— Есть контакт.

Пропеллер нашего самолета «У-2», или, как мы его называли попросту, «воробья», пришел в движение. Пробег по снегу — и мы оторвались, послав наклоном крыльев в обе стороны поочередно свой прощальный привет товарищам мыса Челюскина, где провели мы за время полярной зимы немало и хороших и тяжелых моментов. Легли на курс к горе Герасимова, около мыса Неупокоева. Под нами лежали то торосистые гряды льдов, идущие параллельно берегам, то растрескавшиеся и посиневшие от растаявшего

снега ледяные поля. Шел заряд туманов. Самолет легко его прорезал, держа норд-вестовый курс. Скоро показались сероватые берега Северной Земли. Новый заряд тумана на время опять закрыл ее. Далекий горизонт, где предстояла наиболее трудная ориентировка, оставался чистым. Смущаться наличием таких зарядов тумана — это значит навсегда отказаться от полета в Арктике. Слишком редко выпадают такие дни, когда бы на всем протяжении пути самолета одинаково сияло солнце, одинакова была бы видимость.

Мы прошли и этот заряд. Впереди совсем близко показалась черная гора Герасимова. Пролив Вилькицкого был пройден.

Взгляд на часы показал точность нашего полета в соответствии с высчитанным временем и направлением. Сзади осталась гора. Самолет шел по проливу Шокальского, запертому в крутых, отвесных берегах. Пролив покрыт ровным белым снеговым покровом. Нет и следа взламывания льда или даже поверхностного таяния. На западе начинает чуть виднеться водяное небо. К нам приближалась кромка пловучих льдов. Очевидно, она шла большим изгибом, начинаясь где-нибудь около острова Крузенштерна и постепенно подходя к берегам Северной Земли.

Под нами прошла группа небольших островков. Мы подходим к бухте Снежной. Курс меняется в направлении к мысу Гамарника.

Нигде раньше в наших многочисленных полетах мы не встречали такой точной карты и таких естественных маяков, как при этом полете. Ледники высотой в пятьсот-шестьсот метров служили прекрасными вехами на нашем пути. Обнажившиеся отмели бухты Снежной и мыса Гамарника говорили сами за себя.

В воздухе мы уже 2 часа 20 минут. Вскоре под нами показался песчаный мыс Гамарника и его ледник. Дальше шел для нас прямой путь на архипелаг Каменева, на маленький остров Домашний, где стояла еще более маленькая одинокая избушка зимовщиков Северной Земли. Кромка подвижного льда нами нащупана совершенно определенно. Начиная с бухты Снежной, она начала прижиматься к берегам Северной Земли. От мыса Гамарника ее видно уже на расстоянии не более чем двадцать — двадцать пять километров.

После него она меняет свой курс, поворачивая в направ-

лении острова Самойловича. С высоты своих тысячи метров мы видим вдали следующий мыс, Кржижановского, и около него большую полынью открытой воды. Мотор по-прежнему уверенно и ровно стучит. Приборы показывают нормальное давление, нормальную температуру масла, нормальную скорость. Нормально и количество оборотов винта. Все в порядке. Мыс Гамарника пройден. Надо ложиться на другой курс.

Но здесь на этот раз обычная удача при полетах нам изменила. В ровный, ритмичный гул мотора ворвался шум как бы от взрыва. Послышался свист пролетевших осколков, запах горящего масла. Прибор показал падение оборотов винта. Самолет начал терять высоту. Пилот выключил мотор. Авария несомненна. Надо прежде всего найти площадку для спуска. Выбирать в таких условиях долго не приходится. Мы снизились, самолет коснулся снега, вздрогнул и, сделав несколько прыжков, остановился, забившись лыжами в снег. Лопнул передний трос, соединяющий шасси самолета.

Мы вылезли из своих кабинок на белое, снежное поле. Осмотр самолета ясно показал, что исправление мотора на этот раз для нас невозможно. На месте одного цилиндра; между первым и вторым ребром, зияло глубокое отверстие, как глубокая рана, откуда продолжали лететь брызги масла.

«Ну вот, теперь мы попались в лапы Арктики, и попались основательно...» — вот была первая мысль, которая пришла в голову нам обоим после осмотра нашего мотора.

Действительно, мы попались основательно. Трудно было подыскать более удачное место, в отрицательном смысле этого слова, для аварии. Позади пространство свыше трехсот километров. Там покрытый глубокими трещинами и полыньями пролив Вилькицкого, там же, может быть, в несколько лучшем состоянии, но все же в очень тяжелом, пролив Шокальского, покрытый сверху глубоким снегом. Впереди не менее ста пятидесяти километров путанного, извилистого пути, где берега Северной Земли сливаются с морем под общим снежным покровом, где также уже все пространство полно воды и глубоких ледовых трещин. Надо пройти этот тяжелый путь и найти маленькую, незаметную точку-зимовку, надежно упрятанную на каком-то низменном острове, названном, вероятно иронически, Домашним.

Если, как нас предупреждали, даже с аэроплана ее будет трудно найти, то еще труднее найти эту точку-зимовку

среди этих сотен тысяч квадратных километров белого, безжизненного пространства. Продовольствия у нас на пять нормальных дней. На сколько времени хватит наших сапог и нашей одежды, которые по качеству мы давно отнесли, на основе практики, к «скоропортящимся продуктам»? Где взять сани, лыжи и вообще все то, что необходимо для такого трудного полярного путешествия?

В памяти невольно встают многие арктические путешествия моряков и полярников после гибели их судов. Много ли их кончилось благополучно? Немного, хотя многие из них и были снаряжены куда лучше, чем мы.

★

Самолет стоял беспомощным и неуклюжим, приподняв кверху свое хвостовое оперение и глубоко увязнув лыжами в топком снегу.

— Надо подумать о самолете, — решили мы. — Нельзя ли его со льда подтянуть к песчаному берегу, который виден как будто невдалеке. Это сохранит его в случае подвижки льдов.

Мы откапываем лыжи самолета, делаем ему дорогу в снегу, чтобы он мог выползти на поверхность. Отверстие на месте лопнувшего цилиндра затянули замшевой кожей.

— Контакт.

— Есть контакт.

Мотор заработал, самолет еще только ранен, но он еще жив. С помощью мотора, непрерывных толканий и подъемов то одного, то другого крыла удается вытащить его из ямы. Взлететь невозможно. Мотор не делает нужного числа оборотов, топкий аэродром конечно также не для взлета. Пробуем превратить наш самолет в аэросани.

Он начинает скользить по поверхности снега, но через пять минут его лыжи снова уходят под снег. Он становится в совсем необычайную позу. Далеко вверху находится его хвост. Всем мотором он глубоко увяз в снегу. Впечатление лошади, упавшей на бегу мордой вниз. Технически это называется «полукапот».

Мы пробуем вдвоем поднять его голову из ямы. Это оказывается невозможным. Нет твердой опоры. Как только начинает развиваться наше напряжение, ноги постепенно уходят глубже в кисель из снега и воды. Новый метод: Линдель взбирается на самый конец хвоста в качестве противовеса. Я, утонув по пояс, найдя наконец себе твердую

точку опоры, начинаю поднимать голову самолета. Маневр удается. Самолет становится в нормальное положение. Снова вытаптываем ему дорогу, заводим мотор и сверхчеловеческим напряжением вытаскиваем его на поверхность.

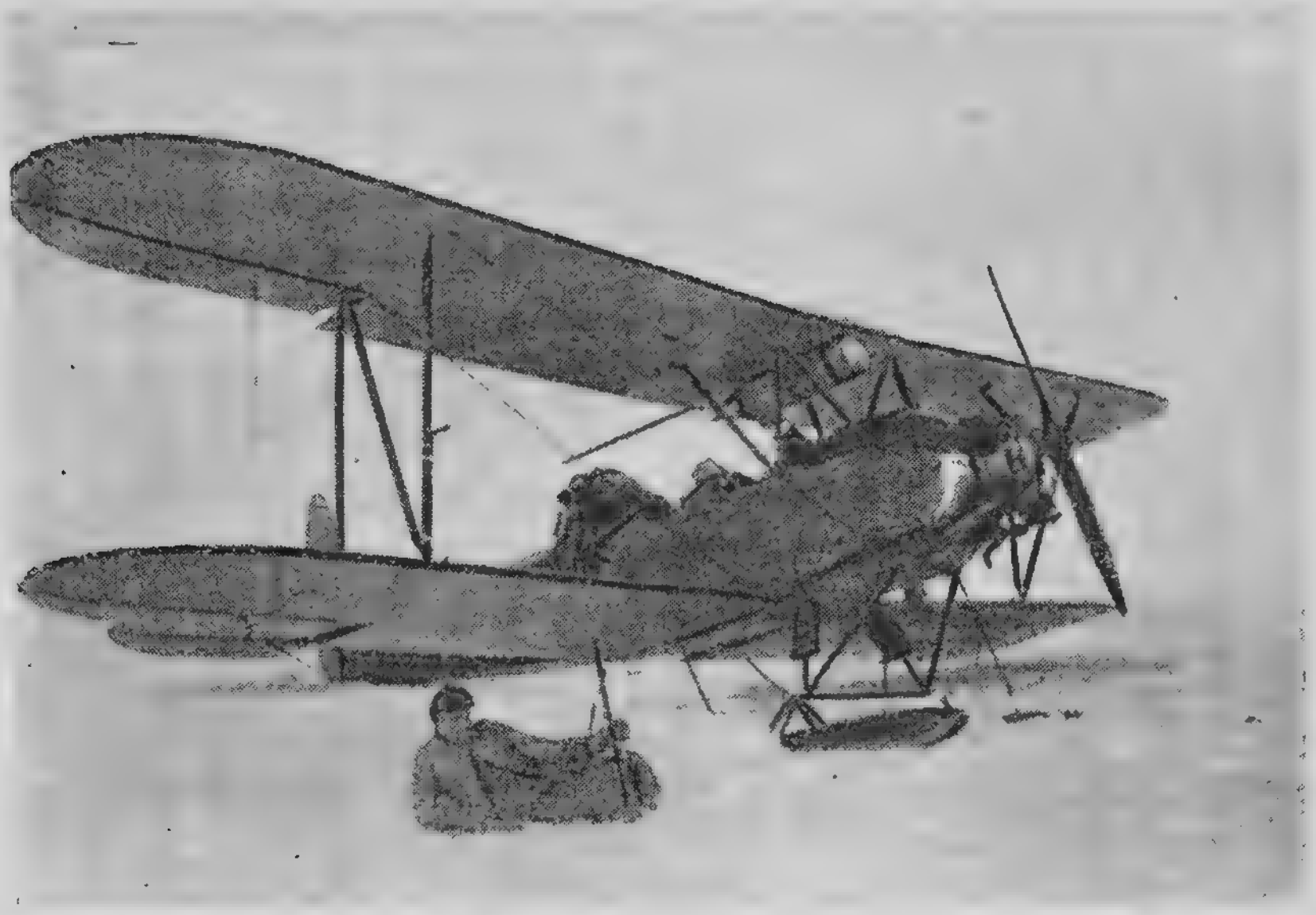
Эту сцену с полукапотом и новым откапыванием мы повторяем бесчисленное количество раз, отвоевывая не более двадцати пяти — тридцати метров за каждый прием. К концу второго дня наши силы иссякли. Постоянная напряженная работа почти по пояс в снегу и в воде основательно нас подорвала. Невозможность спасения самолета стала почти ясной. Разбили нашу легкую палатку около самолета, чтобы сделать себе передышку. На примусе вскипятили чай. Несмотря на проделанную тяжелую работу, есть совсем не хочется. Хочется только пить крепкий, самый крепкий чай, курить и затем спать.

Погода окончательно испортилась. Поднялся сильный ветер с востока, и пошел снег. Температура — минус 5°. Последнее нас радует. Может быть, завтра снежная поверхность будет более скована этим небольшим морозом. Это даст возможность снова попытаться увезти самолет.

Наша палатка, сделанная из случайного материала, всегда заставляла желать много лучшего. При ветре она не держит тепла, при дожде она промокает. В этих случаях бесполезно жечь примус. Мы плотно закутались в наши летные шубы и заснули хоть не надолго, но крепко. Проснулись от неприятного сюрприза. Лежим уже не на снегу, а на воде. Вода протекает снизу и с боков. Постланное снизу собачье одеяло почти покрыто водой. Если не встать, мы скоро примем холодную ванну. Лучше снова взяться за работу.

Снежная корка под влиянием небольшого мороза как будто лучше держит. Лыжи самолета снова откопаны. Мотор загудел. Самолет делает судорожное движение, пытаясь выползти из глубокой ямы. То за одно, то за другое крыло вытаскиваем его из этого мокрого холодного месива. Наконец он снова на поверхности. Однако наше торжество было очень мимолетным. Самолет сделал два метра вперед и опять ушел глубоко в снег и воду. Повторяется прежняя процедура. В результате нашей упорной и настойчивой работы мы выиграли за день не больше километра. До намеченного мыса еще очень далеко.

На Севере расстояние чрезвычайно обманчиво. Сегодня предмет кажется очень близким, кажется, что надо порабо-



Самолет после аварии на мысе Гамарника с вырытыми лыжами.

тать час-другой, и все будет в порядке. На самом деле результаты получаются другие. Желанный объект не только не приближается, а, напротив, как будто уходит все дальше и дальше. Так произошло у нас и с расстоянием до мыса Кржижановского.

Надежды на спасение самолета приходится оставить, и на этот раз окончательно. Мы молча смотрим друг на друга.

— Пора уходить. Самолет придется бросить. Если время позволит и мы будем живы, мы вернемся за ним, взяв на помощь еще двух человек.

Сегодня — 13 июня. Завтра нам надо проститься с самолетом и уходить, пока не поздно, если уже не поздно.

★

14 июня. Погода очень скверная. Идет пурга. Довольно сильный норд-остовый ветер. Температура — минус 5°. Поднялся после короткого сна. Мокрый снег насквозь промочил палатку. Зажигать примус бесполезно. Линдель спит, уйдя с головой в свою собачью доху. Вчера он начал жаловаться на головную боль. Это вполне понятно. На зимовке все знают, что он прекрасно тренирован для полетов и в то же

время никуда негодный ходок для дальних расстояний. Двухдневная напряженная работа, видимо, сказалась на нем.

Без дела скучно сидеть в промокшей палатке. Пассивное ожидание — это самое тяжелое в нашем положении. Но сейчас итти в далекий поход нельзя, так как погода совершенно не годится для путешествия.

За крутящейся снежной мглой скрылся песчаный мыс Кржижановского. Только напротив виден черный крутой берег. Бужу Линделя. Мы уславливаемся, что я пойду на небольшую разведку к берегу в поисках более крепкого снега.

В глубоком, рыхлом снегу ноги проваливаются беспрестанно. Надмороженная сверху корка не выдерживает тяжести человека. Ноги попадают на морской лед, пройдя предварительно подснежную воду. Дорога очень тяжелая, берег приближается медленно. Несмотря на холодный ветер, стало жарко. Появляются колебания — стоит ли итти дальше? Повидимому, везде одинаково. Самолет постепенно превращается в небольшую точку, но он еще виден своей чернотой на белом пространстве. Чем дальше, тем хуже становится дорога. Ручьи, сбегающие с высоких берегов, насквозь пропитали снег. Показались небольшие озера с синеватой водой, сквозь которую местами отчетливо выделялся разъеденный водой морской лед. Разведка кончена, пора возвращаться обратно. Теперь другая задача — найти маленькую точку самолета среди крутящейся снежной белизны. Эта задача — не из легких. Но опыт полярных походов на зимовке приходит на помощь. Направление ветра, иногда еще незаметенные следы — все это дает возможность держаться правильного курса. Подошел к самолету в состоянии крайней усталости и утомления, мокрый от подснежной воды. Линдель вскипятил чай. Я рассказал о результатах разведки.

— Надо держаться этого направления по морскому льду, не подходя к берегу.

Мысли идут в сторону оставленного мыса Челюскина и недостигнутой Северной Земли.

— Теперь уже везде знают о нашей аварии. Над нами летят слова по радио, но ни поймать их, ни передать свои слова мы не можем. Положение не из приятных.

Все продовольствие нами взято на учет, все до мелочи. Мысленно мы жмем руку повару зимовки на мысе Челюскина Рулеву, который в последний момент перед полетом сунул нам в кабинку ковригу свежеиспеченного хлеба.

Началось обсуждение вопросов.

Первый вопрос: ожидать ли нам помощи, выйдя на мыс Кржижановского, или итти самим до населенного места, до одной из зимовок?

Второй вопрос: если выходить самим, то куда — на мыс Челюскина или на Северную Землю?

Ожидание помощи со стороны нами решительно отвергается.

Мы — двое физически сильных людей, побывавших в арктических условиях, умеющих ориентироваться. Чего ради мы будем заставлять других рисковать собой из-за нас? Будем выходить самостоятельно.

Куда? На мыс Челюскина или на Северную Землю? Мыс Челюскина нам роднее и привычнее. Но этого конечно мало. Важным преимуществом маршрута на мыс Челюскина является еще и другое — невозможность сбиться с пути. Слишком хороши везде маяки—ледники острова Октябрьской революции и острова Большевик. Через пролив Вилькицкого проходить будет трудно, но материк найти легче, чем остров Домашний в архипелаге Каменева. Минус этого направления — далекое расстояние. При необходимости огибать ледовые трещины и полыньи это даст нам путь не менее чем триста — триста пятьдесят километров. Продовольствия у нас оставалось уже меньше чем на пять дней. Путь на мыс Челюскина для нас невозможен. Остается один выход — итти на зимовку на островах архипелага Каменева. Решение по обоим вопросам принято.

Мы рассматриваем нашу полетную карту, прокладываем себе направление дороги и намечаем пункты предполагаемых остановок. Все вычислено, размерено и записано. Однако конечно нам совершенно ясно, что не раз и не два нам придется менять наши курсы, так как впереди та же ледяная вода, тот же снег, те же трещины, как и в проливе Вилькицкого. Кромка подвижного льда в этом районе чрезвычайно близка.

— Наше положение, пожалуй, похуже челюскинцев, — резюмировал Линдель результат обсуждения нашего похода и выявления наших ресурсов. — Те хоть по радио могли говорить, а у нас и этого нет.

— Но наше положение лучше, потому что нас только двое, и мы уже много походили на своей зимовке по разным льдам во время ночи, пурги и туманов.

Положение совершенно ясное. Ожидать помощи мы не хотим, да это и бесполезно. Надо выходить самим.

К этим мыслям мы возвращались не раз. Наши друзья-полярники помочь нам не могут. Собаки безусловно не пройдут по этой дороге. Вездеходы тоже. Самолетами они не располагают.

— Могут ли к нам прилететь самолеты из Москвы?

— Несомненно могут. Но это опасно и для них, и для нас. Посадка здесь невозможна. Нам не помогут, и сами погробятся,— констатирует Линдель.

— Надо уходить, и как можно быстрее, чтобы предупредить посылку помощи самолетами.

Маршрут проложен. Средний проход в день по этим дорогам не будет превышать десяти километров. Следовательно, пятнадцать дней пути нам гарантированы. К этому надо прибавить несколько дней страховых, на случай вынужденных остановок. Мы знаем, что наше положение серьезное, но еще далеко не катастрофическое. С нашим запасом продовольствия мы должны продержаться двадцать дней. У нас винтовка и наган. Начинаются сборы в дорогу. Надо взять все необходимое и ничего лишнего. Надо сделать сани или подобие саней, чтобы облегчить себе часть пути.

Самолет можно немного разрушить, не приводя его в негодность. Для саней мы взяли верхнюю крышку фюзеляжа. С сиденья сняли подушку и вырвали оттуда фанерный лист. Согнутый и подтянутый проволокой к концу крышки фюзеляжа, он дал ей некоторый вид лодки с широким носом. Получились не сани для полярного путешествия, но довольно неудобная и неходкая волокуша. Груз все-таки на нее положить можно. Спичек у нас не очень много, поэтому надо снять с самолета пусковое магнето. Сняли и масляный бак, чтобы налить его бензином на время пути.

Итак, наш груз: сани, продовольствие, оружие, бензин, теплая одежда, палатка, компас и примус. Номенклатура вполне приличная для похода, но качество и количество всего нашего багажа все-таки оставляет желать много лучшего.

Общий груз получился немаленький, особенно для той дороги, которая нам предстояла. Несомненно, часть его придется бросить в пути, особенно когда наши сани развалятся.

Мы были готовы к своему далекому путешествию по намеченному маршруту. Пора снимать палатку. В последний раз забрались в нее, чтобы сделать «закурку». Палатка промокла и сверху и снизу.

Жаль было оставлять самолет. С ним связано столько боевых, хороших настроений. Оставляя его, мы отрывались от чего-то близкого. Может быть, здесь еще играло роль какое-то подсознательное чувство, что он, самолет,— последняя нить, которая связывает нас с людьми. Уходя от него, мы должны попасть в объятья тяжелой арктической обстановки, где нет жизни, где человек еще далеко не царь природы. Небольшими человеческими шагами мы должны покрыть громадное пространство и не допустить ни одной ошибки, так как каждая из них может быть роковой.

Перед самым отходом написали записку с изложением истории нашей аварии и указанием маршрута, которым мы предполагаем итти. Мы обещали в этой записке товарищам, если они придут нас искать, что на каждой остановке мы будем оставлять такие же записки с изложением дальнейших наших маршрутов. В заключение подтвердили, что «продовольствия имеем на пять дней, физически, морально здоровы». Наша записка положена в обычный полярный «конверт» — консервную банку — и оставлена на видном месте, на самолете.

Надо уходить. Прощай, наш славный самолет, «воробей», заболевший в самом невыгодном для нас месте. На плечи накинуты веревочные лямки, еще раз последний привет самолету, и мы тронулись в путь.

★

15 июня. Неприветливо встретила погода наше выступление. Поземка усиливалась. Пески Кржижановского и даже близкий крутой берег скрылись из виду. Ноги непрестанно вязнут в глубоком снегу. Шаг за шагом мы продолжаем итти к намеченной цели, ориентируясь компасным курсом и ветром. Надо было пройти первые десять километров до остановки на намеченных песках.

Чем дальше мы отходим, тем тяжелее становится дорога. Повидимому, ледники Северной Земли уже дали много прибрежной воды. Ноги преодолевают двойное препятствие — корку снега, затем корку льда над пресной водой и наконец упираются в твердый морской лед. Наши импровизированные сани стали нестерпимо тяжелы. Получалось

впечатление, что точно кто-то, невидимый нами, иногда схватывает их крепкой рукой и задерживает ход. Мы останавливаемся для их осмотра. Оказалось, что тонкая, двухмиллиметровая фанера на задней части саней уже протерлась. В отверстие набился лед и тормозит весь ход. Наскоро произвели починку и бросили часть груза на льду, двинувшись дальше к намеченной цели. Прошли камни-валуны — результат морского прибоя — и вышли на пески.

Мы знали, что путь будет тяжел. Но все-таки всей тяжести его мы тогда еще не предвидели.

После утомительной трехдневной работы в снегу и воде берег показался нам чрезвычайно уютным и привлекательным. Под ногами твердая и почти сухая почва. Пески кое-где покрыты моховым покровом. Перелетают и кричат темносерые кулички. Чайки пролетают над нами и как бы в недоумении делают несколько кругов около живых людей, вероятно ранее невиданных ими. Вдали видна гуляющая пара гусей.

После вязкого, мокрого снега, после безмолвия снежной равнины — такая жизнь! Линдель начал ставить палатку, выбрав для нее почти совсем сухое место. Я отправился обратно в снега за оставленным грузом. В эту ночь мы чувствовали себя прекрасно по двум причинам: во-первых, сделано неплохое начало пути и, во-вторых, мы сегодня спим в хороших условиях. Питались мы крайне скудно. Есть не хотелось, больше хотелось пить. Вероятно, это было результатом естественного в нашем положении нервного напряжения.

16 июня. Мы проснулись хорошо отдохнувшими, выпили чай, съели по три галеты и по небольшому куску хлеба с маслом. Это то, что нам полагалось по раскладке. Немного времени потеряли за курением и затем выбрались из палатки. Погода сегодня довольно хорошая. Дождя нет. Слабый меняющийся ветерок. Температура, вероятно, держится около нуля. Термометра у нас, к сожалению, теперь нет.

За песчаным берегом мыса Кржижановского видно большое пространство чистой воды, дальше за ним опять льды, сначала ровные, затем торосистые. Там должна проходить кромка подвижного льда, которую мы искали с самолета Теперь будем видеть ее во время своего пешеходного путешествия.

Чудесный вид представляет собой ледник. Одна часть

его уже освободилась от снега. Черное пространство уходит наклонно, несколько в глубь горы, образуя как бы театральную сцену. Снег, висящий на вершине ледника, образовал над ней замечательный занавес. Мы — маленькие, миниатюрные фигурки перед этим ледником. Около него образовались небольшие озера, заполненные совершенно красной водой. Это сделала почва мыса Кржижановского. Ближе к морю есть моховой покров. Кое-где торчат головки цветов. Это полярные маки, которые не теряют времени для своего цветения и созревания. Посредине довольно большое и, видимо, глубокое озеро. Несомненно, оно непостоянного характера и является глубоким только в период таяния снегов. В северной части мыса лежит большое высохшее русло реки. Сейчас только небольшая часть его, с одного боку, наполнена водой, но когда-то здесь была, повидимому, довольно широкая и глубокая река, питаемая снегами этого ледника.

Наши сани бесполезны при переходе через этот мыс. Снег только местами покрывает его. Берем груз себе на плечи и в два перехода перебираемся на северную часть песков. Разбиваем там палатку в высохшем русле реки. Здесь будет наша ночевка. Завтра мы пойдем уже по снегам и льдам Полярного моря.

После краткого отдыха пошли искать плавник для костра, чтобы просушить свои сапоги и одежду. Плавник надо искать на берегу моря. Подошли к нему. Вдали виднелись темные очертания какой-то суши в самых разнообразных сочетаниях снега и воды, — острова, бухты, мыски и т. д.

Что это за острова? Неужели уже отсюда виден архипелаг Каменева? Так близко!..

Беру их направление по компасу и сверяю по карте. Склонение здесь очень большое — 32°30′. Компас не решает загадку. Эти видимые острова не совсем на том курсе, как это показывает карта. Но разница очень небольшая. Наш компас не выверен. Едва ли можно рассчитывать, что здесь, именно в этой точке, где мы сейчас стоим, правильно и склонение, указанное у острова Каменева. Но если это не архипелаг, то откуда же взялась эта суша, которую на карте мы нигде не видим на этом месте? Линдель твердо уверен, что это архипелаг. Он очень бурно реагирует на это.

— Три перехода, и мы будем там.

Он еще не отказался от суждений, привычных при полете

на аэроплане. Север так часто обманывает расстояниями, что здесь нельзя верить ни своим, ни чужим глазам.

Нас привлекают две черных точки, лежащие не очень далеко от мыса. Они ярко выделяются на белом фоне льдов.

— А вдруг это собачьи нарты с зимовки Северной Земли, вышедшие нам на помощь?

Как ни доказывает нам разум, что на помощь нам рассчитывать нельзя, но в глубине души все-таки живет маленькая затаенная надежда. Мы долгое время смотрим на эти черные точки.

— Нет, они что-то не движутся.

— Может быть, отдыхают.

Мы пошли дальше в поисках плавника. Нашли два прекрасных строевых бревна с архангельскими метками. Они плавали, повидимому, очень не долго. Это послала, несомненно, зимовка с Северной Земли в период своего строительства. Однако для нас было бы лучше их видеть гораздо более тонкими. Среди нашего груза нет ни топора, ни пилы. Без них это богатство не по нашим силам. Другого плавника нет.

Пора уходить в нашу палатку для отдыха. Черные точки оставались на месте. Несомненно, это не нарты. Надо раз навсегда выбросить мысль о возможности посторонней помощи. Она демобилизует. Завтра в путь без всяких иллюзий и колебаний.

17 июня. Черные точки—«нарты»—остаются на своем месте. Мы смеемся над своими иллюзиями. Больше они деморализовать нас не будут. Путь непроходим для собак.

Сегодня яркий солнечный день. Вся снежная равнина блестит. От нее идут заметные струйки в воздухе. Рефракция изумительная. Небольшие торосы кажутся огромными айсбергами. При продолжительном наблюдении за ними они начинают как бы двигаться. Огромный ледник, который по карте стоит далеко за проливом Сталина, появляется совсем близко. При этой рефракции еще более соблазнительными нам кажутся близкие пятна суши, лежащие на норд-весте от нас. Мы еще живем надеждой, что это архипелаг Каменева. Это по прямой линии совсем недалеко от нас.

— Может быть, это крайний, так называемый Восточный, остров? От него не так далека и зимовка!..

Главная задача — найти этот скрывающийся от нас остров Каменева. Надо попробовать итти прямым путем, перерезая снежную равнину ближе к пловучим льдам.

После аварии самолета. На мысе Кржижановского.

В отмену своего маршрута, указанного в первой записке, оставленной около самолета, мы сообщаем на этой ночевке, что взяли курс на видимый конечный остров.

Осмотрели сани. Они произвели грустное впечатление. Не им выдержать этот путь. Количество груза нужно убавить, если мы хотим дойти с ним хотя бы до островов. Мы бросаем промокшее собачье одеяло, одну паяльную лампу и ряд других нужных вещей. Но выбора нет. Осмотр сапог показал, что кожаные сапоги еще могут держаться, меховые же, летные, для похода уже не годны. Голенища перетерлись о жесткую снеговую кромку во время нашей двухдневной работы над спасением самолета.

Они размокли и стали скользкими наощупь. Тащить такую тяжесть нет смысла. Мы производим с ними нужную операцию. Голенища отрезаны, остались одни опорки. Они высохнут и будут служить нам «спальными туфлями». Основательно ремонтируем сани.

С облегченным грузом спускаемся на снег, держа курс на далекие черные пятна. На линии нашего похода лежат «нарты».

Рыхлый снег и вода. Сначала это не так тяжело.

«Нарты» начинают шевелиться. Это действительно живые существа. Поднимаются две черных головы. Внимательно смотрят по направлению к нам. Еще момент, и они скользнули головой вниз, скрывшись подо льдом. Это были нерпы. Мы констатируем факт их наличия с большим удовлетворением. В случае крайности есть возможность держаться охотой, но сейчас нам не до нее. Нет возможности терять ни одного дня. Можно ожидать очень быстрого и внезапного взламывания ледяного покрова.

Дорога между тем становится все хуже и хуже. Чем дальше мы уходим в море, тем глубже наши ноги уходят в снег, смешанный с водой. Начинается какое-то глубокое болото, наполненное ледяной кашей. Мы долго месим эту смесь снега и воды, надеясь выбиться на более мелкое место. Скоро вода уже дошла почти до пояса. Итти дальше нельзя. За торосами впереди синеет еще большее пространство, залитое водой, прерываемое снежными грядами. Надо избрать другой курс. По пояс в воде долго не протянешь.

Так обманула нас прямая линия. Мы сделали большой зигзаг по трудной дороге. Однако конечно нельзя сказать, насколько была бы легче на этом участке дорога ближе к берегам. Сегодня мы получили урок, из которого следует вывод — не все прямые пути самые короткие.

Намеченное темное пятно не только стало ближе, но, казалось, ушло от нас еще дальше. Пора делать остановку. Однако остановка на снежной воде совсем не привлекательна. Мы выходим после длительной работы на низкий песчаный берег, оставив в стороне ледник Кржижановского.

Резким поворотом к востоку уходит этот горный ледник от моря. С северной стороны на него смотрит такой же седой великан. Дальше, в глуби острова, видны небольшие сопки, покрытые снегом. Они образуют ущелье, через которое несется ветер, туман, снег, в зависимости от настроения суровой Северной Земли.

Все это дает величественную прекрасную панораму дикого, необжитого места, цельную в своем нетронутом мертвом покое. Не нарушает этого мертвого покоя и присутствие двух людей. Молчание нас покоряет. Каждый шум кажется здесь дисгармонией. Мы перекидываемся только короткими нужными фразами. Палатка разбита на сухом песке, около небольшого пресного озерка. С наслаждением освобождаются ноги от намокших сапог, все остальное должно просохнуть на нас. Линдель пробует из винтовки под-

стрелить куличка. После выстрела на месте остаются клочки мяса и перьев. Не стоило терять патронов и губить птицу, которой здесь так мало. Это для нас не дичь. Дробовика же у нас нет. Теперь он нам очень пригодился бы. Многого нам недостает. Но самолет «У-2» только маленький учебный самолет, на который нельзя дать все необходимое на случай такого вынужденного арктического путешествия.

18 июня. Четырехчасовой отдых, горячий чай с галетами и немного шоколада вполне восстановили наши силы. Сегодня наш маршрут проложен по компасному курсу на норд. Склонение места нашей ночевки конечно неопределенно. Мы руководствуемся только склонениями, указанными на карте для острова Каменева. Этот курс взят условно. Трещины, полыньи, торосы нас заставят не раз менять его. Нам важно перерезать залив Сталина и выйти на его северный берег.

Низкий песчаный берег местами обнажен от снега. Эти места издали кажутся островами. Это делает линию береговых очертаний совершенно не похожей на то, как она нанесена на карте. Дорога попрежнему тяжелая, с тем же глубоким снегом и подснежной водой. Но около берега прибавились еще многочисленные глубокие трещины. Сверху они запорошены снегом. Только иногда узенькая впадина показывает их наличие. Но и это еще далеко не точный показатель. На самом деле трещины гораздо шире, чем показывает эта впадина. То один, то другой из нас попадает в эти капканы, глубоко уходя в «гости к нерпам». С проклятием вылезаем из них, чтобы вскоре опять попасть в эту же западню. Лучше уйти в море, ближе к плавающим льдам. Там трещины, по крайней мере, отлично видны.

Мы идем теперь гораздо увереннее и легче. Уже выработался шаг, привыкли к определенному напряжению мускулы, и не так режет плечо веревочная лямка. Береговые пятна начинают отклоняться на норд-норд-ост. Это значит, что мы проходим залив Сталина. Низкие отдельные островки, прерываемые белыми низменными пространствами, создают впечатление новых бухт, проливов и непонятных возвышенностей.

Мы внимательно опять рассматриваем карту, затем со всем напряжением глаз стараемся уловить непрерывность противоположной береговой линии, чтобы взять правильный курс на пересечение залива. Но это решительно невозможно. Рефракция не позволяет иметь правильное суждение о рас-

стоянии. Наши глаза уже начали испытывать первое влияние солнечных лучей. Появилась резь. Зрение несколько затуманено. В конце концов мы сходимся во мнении — та точка, наверное, конечный пункт залива Сталина. Пошли наперерез. И на этот раз путь не оправдал себя. Глубина воды быстро возрастала. Наши ноги уходили все глубже и глубже в снег и воду. Больше того, вода дает первые признаки солености. Где-то среди этого водного пространства близко большая полынья морской воды. Перспективы купания в море нас совсем не привлекают. Наш курс меняется — ближе к берегам, в обход этой полыньи, туда, где больше лежит снега. Но и здесь дорога исключительно трудна. Мы еще нигде на пройденном пути не встречали такого глубокого снега, с такой упорной, двойной ледяной коркой, которая одна за другой ломается под ногами, а затем усиленно задерживает ноги внизу. Продвижение становится крайне медленным. Приходится останавливаться все чаще. Работа становится непроизводительной. Сегодняшний день мы, как загнанные лошади, можем работать только рывками.

Погода в это время окончательно испортилась. Из горного широкого ущелья на нас подул сильный холодный ветер с мокрым снегом. Вершины ледника исчезли в тумане. Дальше итти сегодня бесполезно. Надо беречь силы, впереди еще большая часть пути.

Где поставить палатку? Это серьезный вопрос, — кругом снег и вода.

— Пока спишь — накупаешься на всю жизнь, — иронизируют шутливо наши языки.

Но в душе нет этого шутливого настроения. Каждый переход ставит нам все больше и больше препятствий. Однако ясно, что от паники мы так же далеки, как всегда были далеки во время наших полетов и наших зимовочных приключений. Есть только естественное физическое утомление сегодняшнего дня, но не истощение и тем более не моральное разложение. Но спать сегодня, очевидно, не придется. Мы можем только вскипятить чай в наскоро поставленной палатке. Вода быстро набегает в нее по мере углубления снега под нашей тяжестью. Из отколотой льдины сделали себе стулья, чтобы не сидеть в воде. Горячий чай нас хорошо согрел. Мокрые одежды снимать бесцельно. Палатка намокла и сверху. Через полотнище на нас уже падают небольшие капли. Мы закуриваем трубки, наслаждаясь наступившим отдыхом.

— Интересно — ищут нас или еще нет? — загадывает Линдель.

— Лучше бы не искали. Потом нам же придется искать искателей. Для самолета здесь прямая провокация. Собаки завязнут и не вылезут.

— Да и мне,— отвечает Линдель,— что-то не хочется, чтобы нас искали. Раз пошли, значит пошли.

Клубы дыма, приятная горечь табака придают нашей беседе спокойный, домашний характер.

— А если бы на Северной Земле был Сергей Журавлев, дошел бы он до нас или нет?

— Нет. Собак бы перебил, но не дошел, либо дошел бы, но тоже пешком.

Странно, мы устали, но спать не хочется. Я записываю в свой дневник пройденный путь. Наши мысли уходят в «страну воспоминаний»: Ленский поход, отрыв от семей, зимовка, наши полеты... И мы снова подходим к разговорам о нашей аварии. Еще слишком свежа рана, чтобы ей не болеть.

Но пора опять надевать лямки. Тепло, принесенное горячим чаем, давно исчезло. В палатке нестерпимо сыро. Мокрая одежда неприятно холодит все тело. Дорога нас согреет. Надо выбиться этим переходом хотя бы на большой торос, где не будет воды, или на один из бесчисленных островков, видимых на далеком горизонте, если только это острова.

Наши сани уже дали трещину. Нижние тюки подмокают. Будет ли где-нибудь легче дорога? Или все сто пятьдесят километров нам надо пройти через эти снега, полыньи, трещины? Вероятно, так. Только самым большим напряжением всех своих пяти чувств и физических сил мы можем выбраться из этой ловушки.

На нашем пути стоит ряд больших торосов, разбросанных отдельными кучками. Они уже подтаяли и поэтому дают самые причудливые очертания. Зеленоватый, иногда голубой лед красиво блестит при свете. В одном из торосов видна большая пещера. Возможно, что здесь провела полярную ночь медведица и в марте ушла отсюда со своим маленьким медвежонком. Дорога около торосов очень тяжелая. Пурги и поземки намели здесь огромные сугробы снега. Они теперь уже рыхлые. Мы вынуждены часто останавливаться, чтобы, освободившись от лямок, вытоптать себе дальнейшую дорогу или сделать небольшую передышку. Под снегом по-

прежнему вода. Ночевать здесь также нельзя. Надо все-таки выбиться на остров. Ветер с норд-оста — не больше четырех метров в секунду. Температура, вероятно, около — 1—2°.

Кромка подвижных льдов поворачивает на запад. По-видимому, там, где мы проходим, нет никаких течений, или они очень слабы. Лед разъеден в самых разнообразных местах, и большей частью в этих местах виднеются круглые полыньи.

Секундомер показывает, что мы не проходим и километра в час, несмотря на самую напряженную работу. Обычная картина для Арктики — много тратится усилий и очень мало результатов.

— Давайте сделаем закурку, — подает мысль Линдель. — По советским законам это на производстве разрешается.

Действительно, пора сделать передышку. Намеченный островишко как будто стал ближе. Без сна и почти без пищи мы идем уже больше двадцати часов. Тяжелый переход. Место исключительное по своей безжизненности. Нет даже чаек, которые раньше изредка проносились над нами. Гармония Севера — молчание и неподвижность. Естественно, что мы своим движением нарушаем эту гармонию. Все дисгармоничное, по законам природы, должно быть уничтожено. Молчаливыми Север нас уже сделал. Мы разговариваем очень мало. Но до неподвижности нам еще очень далеко, если мы не попадем в западню полыней и трещин.

Трубка догорела, пора в дорогу. Еще три часа, и мы пробьем себе дорогу до островков. Делаем круги, обходим полыньи, палками от палатки ощупываем сомнительные места, перелезаем через груды снега около торосов, через прибрежные трещины и наконец с чувством огромного облегчения сбрасываем лямки, выйдя на сырой, вязкий берег небольшого островка.

Плохой выбор для ночевки. Нет ни одного сухого места. Под верхним слоем грязи сразу начинается вечная мерзлота. Ножами мы долбим твердую почву, чтобы вставить туда палки для палатки. Скорее на отдых, съесть свои походные пайки и заснуть, отдавшись радости давно заработанного сна. В пути мы пробыли около пятнадцати часов. Как ограничены теперь наши потребности и как малы теперь наши претензии к «бытовым условиям»!

Сегодня мы, повидимому, переутомлены. Надо спать, но спать еще не хочется.

— Который час?

— Десять часов.

Но десять часов утра или вечера — этого мы сказать не можем. Мы живем сейчас в стране вечного дня и вечного света. В солнечные дни нам легко ориентироваться во времени. Компас и солнце дают безошибочный ответ. Сегодня нет солнца. Нас окутала густая промозглая серая сырость. Только путем восстановления в памяти, когда — утром или вечером — мы вышли с предыдущей остановки, у нас складывается убеждение, что сейчас утро.

— А число?

Это я устанавливаю по своему дневнику. Сегодня 19 июня, десять часов утра.

Все-таки не спится. Нас обоих беспокоит одна мысль. Архипелаг виден вдали или это береговая линия — изгиб залива Сталина, или это что-нибудь еще другое? Насколько точна карта? Насколько правильно отображение береговой линии на нашей карте, при ее маленьком масштабе?

С самолета так легко во всем ориентироваться. Там земля лежит внизу, как карта крупного масштаба. Карта на самолете повторяет ее в меньшем масштабе и позволяет наносить уходящие точки в путевую книгу. Теперь все изменилось. Горизонт видимости ничтожен. Незаметные или ничего не значащие ранее изгибы берега теперь превратились в труднопроходимые пространства.

Так, вероятно, чувствует себя птица с переломанными крыльями.

— Если это архипелаг, то это для нас чересчур короткий путь. Если же это северная точка залива Сталина, то, значит, мы идем очень, очень медленно.

— Завтра увидим. Пора спать.

На этот раз мы действительно засыпаем. Спим крепким, здоровым сном. Собачья шуба и оленья доха отлично защищают нас от холода и сырости. Холод идет только снизу, от нашей не в меру мягкой постели — сырой глины. Но к этому можно приспособиться.

19 июня. Шесть часов вечера.

Силы прекрасно восстановлены. Погода на редкость хорошая. Совершенно не северная. Солнце сияет настолько теплое, что не хочется шевелиться под его лучами. Сброшены все мокрые части костюма. Они прекрасно прожарятся на солнце до нашего отхода. Выпукло выступили все вчерашние точки. Но картина теперь совсем другая. Черных то-

чек стало гораздо больше. Они снова изменили перспективу. То ли это острова, то ли оттаявший берег. Там образовалось что-то вроде новой бухты, в другом месте как будто полуостров... Неужели Парижская коммуна? В таком случае вчерашний черный мысок несомненно архипелаг Каменева.

Ничего нельзя разобрать на этом расстоянии. Мы намечаем новую линию пересечения, быстро свертываем палатку, тюкуем в привычные свертки грузы и надеваем свои лямки.

Сани сильно сдали. Они уже протерлись в двух местах.

— Лишь бы хватило их до архипелага!..

Снег и вода сразу становятся глубокими. Но нам отступать уже некуда. Ближе к берегам — горная речка. Там наверное размыт даже морской лед. Итак, вперед. Переход, как бы он ни был тяжел и опасен, совершенно неизбежен. Жарко. Мы идем в одних рубашках, опять утонув почти по пояс в снегу и воде. Делаем зигзаги, обходя особенно подозрительные места. Под ногами неровное дно. Повидимому, залив замерзал очень неспокойно. Отсюда и глубокие места и возвышенности.

Солнце интенсивно греет. Слышится журчание невидимых ручейков растаявшего снега. Ущелье и горы на севере от нас сверкают белоснежными шапками вершин. Глаза неприятно туманятся. Опять начинается небольшая резь. Надетые очки не предохраняют глаз. Они совершенно и по качеству и по форме не подходят для полярных путешествий. Пролив все-таки надо перейти. Путь становится несколько легче. Мельче становится вода. Сверху лежит совсем тонкий слой снега, через который ноги проходят в воду почти без задержки. Однако наши сани скользят по снежной пленке без больших провалов. Подмокают только нижние грузы, но это не опасно. Все, что боится воды, нами предусмотрительно положено сверху.

Берег кажется совсем близким. Нам понадобилось однако еще пять часов, чтобы сделать этот переход. Между тем все это расстояние едва ли больше трех-четырех километров. Но все-таки цель достигнута. Это значит, пройдено одно из наиболее серьезных мест. Скоро разрешится загадка, где лежит архипелаг Каменева.

По выработанному плану сейчас время отдыха. Солнце высушило для нас площадку. Оно продолжает греть так же сильно, как и вначале. Можно просушить вещи.

Установка палатки и на этот раз отняла у нас много времени. Под сухим моховым покровом опять сразу начиналась вечная мерзлота. Палки не идут в нее. Опять ножами долбим землю. Наконец все готово. С торжеством мы идем в наш «уютный дом». Быстро сбрасываем всю мокрую одежду и отдаем ее в распоряжение солнца. Примус шипит, согревая еще больше палатку. Сегодня у нас праздник. По расписанию мы варим сегодня банку консервов и выпьем шоколад. Сразу два блюда.

Наши сани настолько сдали, что требуют капитального ремонта или облегчения груза. Но что можно еще бросить? Продовольствие? Нельзя. С ним мы еще продержимся около десяти дней. На меньший срок пути мы не имеем права и рассчитывать. Одежду, бензин? Невозможно. Груза у нас в обрез. Только на архипелаге мы можем решиться на эту крайнюю меру. Сейчас же, как бы ни было нам тяжело, но весь этот груз нам нужен. Постараемся укрепить сани остатками фанеры и проволоки. На больные места будем класть только легкие предметы.

В крайнем случае расколем сани вдоль начинающейся трещины и сделаем двое саней. Но груз должен быть с нами.

В палатку к нам пришел первый визитер Северной Земли — серенький лемминг. Его мордочка, похожая на мордочку морской свинки, поднята кверху. В черных глазах любопытство и страх, нос тревожно нюхает незнакомые, но, вероятно, вкусные запахи.

Мы лежим не шевелясь, боясь спугнуть своего посетителя. Лемминг взобрался на мешок с продовольствием, погрыз его — не понравилось. Спустился ниже к остаткам нашего обеда и вдруг исчез под слоем наших шуб. Все наши поиски оказались напрасны. Очевидно, в конце концов страх пересилил любопытство. Он, проскочив под шубой и боковой стенкой палатки, вышел на волю.

20 июня. Прошло уже восемь дней, как мы исчезли из мира живых людей и ушли довольно далеко от места аварии. Но где мы находимся — этого сказать нельзя. Все наше воображение бессильно, чтобы разгадать эту загадку.

Мы в узловом пункте опасных мест. Стоит только ошибочно перейти незаметный, засыпанный снегом перешеек к проливу Красной армии, и тогда наши шансы на благополучный исход станут весьма и весьма сомнительными.

Сегодня надо сделать еще один пятичасовой переход на

норд, чтобы оттуда итти уже на вест, где должны лежать острова архипелага.

Я советуюсь с компасом и картой, стараясь поднять свое «картографическое воображение», чтобы из видимых вдали темных пятен суши составить себе отчетливое представление о совместимости видимой картины с какой-либо линией карты. Ошибки у нас не должно быть. Каждая ошибка будет роковой в наших условиях. Здесь самая путанная часть нашего пути. Компас говорит, что мы на правильном курсе. У нас имеется небольшая надежда, что видимые пятна суши — начало архипелага. Полагаться целиком на компас нельзя. Неизбежны отклонения. Компас не совсем точно выверен. Его показания всегда корректируются по солнцу, по ветру и по направлению снежных заструг0в, в зависимости от погоды и от видимости.

«Может быть, мы уже видим самый конечный пункт одного из островов архипелага,— сверлит мысль.— Но, может быть, мы и совсем не там, где предполагаем».

Очень тяжелы в подобных положениях разъедающие волю сомнения. Падает уверенность, от этого падает и напряженность работы. Силы растрачиваются бесполезно, проверяется и считается каждый шаг.

Однако, если это острова Каменева, то они гораздо ближе, чем мы предполагали в начале похода.

Линдель пытается рассеять мои сомнения:

— Мы идем очень хорошо. Устаем, но идем быстро, не меньше трех километров в час.

Мои подсчеты говорят другое. Наше продвижение — не больше километра в час. Но всегда хочется верить тому, что приятно.

К концу пути погода испортилась. Из ущелья подул холодный ветер с мокрым снегом. Поспешно выбрали место для палатки. Заночевали.

— Теперь-то нас уже ищут, или, быть может, бросили искать. Сегодня девятый день нашего исчезновения.

— Ну, Линдель, а как ваша жена будет реагировать на эту историю? Нервничает?

— Теперь-то уже нервничает. А так она привыкла,— отвечает Линдель.— Хотя так долго я никогда еще не пропадал. А у вас как?

— Надеюсь, что жена ничего не знает. Никому не захочется сообщить ей эту новость. Разве из газет узнает. Тогда плохо.

— Что-то думают о нас наши зимовщики?

— На пароходах нас лучше знают, хотя конечно пропадаем уже долгонько. Капитан Смагин наверняка говорит в кают-компании: «Теперь-то за шкуры наших летчиков я и пятака не дам».

Храбрый, знающий ледовые условия и условия зимовки, этот капитан не раз так образно оценивал опасности наших полетов. Это правда. Сейчас наши «шкуры» котировать высоко никак нельзя. Если мы переберемся на архипелаг, цена на них несколько поднимется, дойдет, пожалуй, даже до пятидесяти процентов их стоимости.

Сегодня у нас хороший день. Мы пьем шоколад, получаем по три галеты, намазанные маслом, а вечером в праве открыть одну из банок консервов.

21 июня. Погода совершенно испортилась. Давно ли нас обогревало солнце, сегодня же его нет и в помине. Небо обложено серо-свинцовыми тучами. Горное ущелье выслало враждебную нам армию. Оттуда дует холодный, пронзительный ветер с мокрым снегом, сменяющийся дождем. Заряды тумана покрывают то одну, то другую сторону гор. Только их вершины остаются видными во всей полноте. Туман идет к нам. Нет никакого просвета. День будет исключительно скверный.

На всем этом сказочно-пустынном пространстве жизнь представлена только двумя человеческими фигурами. Это мы, еще не сдающиеся захватившей нас мощи арктических пространств. Ничтожной и жалкой выглядит наша маленькая палатка на фоне этих гор и равнин. Здесь ничто не нарушает тишины.

Погода еще больше утяжеляет сегодняшний наш переход. Надо бы переждать ее. Но кто скажет, когда наступит лучшая погода и что произойдет за это время в проливе? Припасы наши тают, несмотря на очень бережный расход.

Только безостановочное движение вперед может вернуть нас в человеческое общежитие.

Вещи упакованы, лямки надеты, мы спускаемся с гостеприимного берега снова на снеговую поверхность. Мы не ждали легкого пути, поэтому у нас нет никакого разочарования, когда почти с первых же шагов наши ноги глубоко уходят в снег и подснежную воду. Курс взят прямой на предполагаемый архипелаг.

На месте ночевки оставлен каменный гурий и в нем записка, заложенная в спичечную коробку, с указанием нашего перехода и взятого компасного курса.

Дождь и снег попрежнему обильно поливают нас, хотя мокрее нас сделать уже невозможно. Не стоит на это и обращать внимания.

Восточный ветер дует нам в спину. Он помогает нашему движению. От тяжелой дороги нам не холодно. Только во время коротеньких остановок чувствуем, как ветер легко проходит сквозь намокшую ватную куртку и как неприятно холодно сейчас на воздухе.

Но остановки наши очень коротки, не больше одной-двух минут, чтобы перевести дыхание.

Каждый шаг пути открывает нам новые горизонты. Хотя мы и убеждены, что идем на архипелаг, но некоторая доля сомнений еще остается. Не все укладывается в тщательно проработанные курсы и карту. В отношении последней у нас с Линделем большие разногласия. Он не верит точности карты и показаний компаса, верит больше своим глазам. Я больше верю карте, солнцу и компасу, глаза же беру как регистрирующую и вспомогательную силу. С аэроплана ошибка компаса в несколько градусов — ничего не значащая величина, особенно на коротких расстояниях. Видимый горизонт там очень велик, перемещение быстрое. Глаза быстро могут исправить ошибку компаса или проложенного курса.

Совсем другое дело на земле. Глаз охватывает слишком незначительный район. В Арктике опасно полагаться на одни глаза, особенно в моменты таяния снегов и постоянного изменения из-за этого видимой картины.

Поэтому во время пути, особенно же во время остановок, вновь и вновь приходится возвращаться к карте и компасу. Я ищу характерный загиб северного берега залива Сталина, приподнятую голову полуострова Парижская коммуна и сквозной пролив после нее из пролива Красной армии. Но их не видно. Они покрыты снежным покровом. Мы прошли половину маршрута, все время идя водой и снегом выше колен, иногда же, на невидимых проливах, уходя почти по пояс.

— Пора сделать маленький отдых.

Осторожно, чтобы не раздавить наши хрупкие полуразломанные сани, мы присаживаемся на них. Линдель заведует табачным довольствием. Выдача—на раз две папиросы.

Обычно табак высыпается в трубку. Это вкуснее. Приятно затянуться теплым, горьковатым дымом после долгого тяжелого пути и долгого воздержания. Линдель прерывает молчание неожиданной репликой:

— Товарищ Лавров, почему вы молчите? Смотрите на карты и компас. Вы начинаете опять над чем-то думать. Так запсиховать можно. «Арктика крепость, мы ею овладеем...»

Я рассказываю Линделю результаты своих наблюдений, как они для нас ни неприятны. Это не архипелаг, это только конец залива Сталина.

Линдель, вне себя, вскакивает, проявляя совсем не свойственную ему экспансивность.

— Тогда где же проклятый архипелаг? Не сбивайте меня с толку — это архипелаг. Или тут чорт знает что!..

С курса мы не сошли ни на градус, но подвигаемся медленнее, чем предполагали.

Линдель внимательно всматривается в далекие темные точки на севере и говорит:

— А пожалуй, и верно, не похоже что-то на карту. Верно, мы где-то еще в заливе Сталина. Но все равно мы на курсе. Лишних два перехода, и все...

Погода стала значительно хуже. Туман нас догнал. Теперь впереди только белая матовая стена.

Ветер затих. Моросит мелкий неприятный дождь. Нужно напряженное внимание, чтобы не начать кружить по этой равнине. Приходится часто советоваться с компасом.

Лямки снова надеты. Снова борьба с тем же снегом и водой, только еще более осложненная полным отсутствием всякой видимости.

То и дело мы поправляем друг друга и проверяем наш ход по оставленным следам: выдерживаем мы прямую линию или нет. Прямая линия не выдерживается. След идет зигзагом, но компас говорит о правильном курсе. Теперь приходится полагаться только на него.

Удивительно неприятно итти при такой обстановке. Глаза напряженно следят за каждой точкой. Но впереди пустота. Становится больно смотреть. Время от времени приходится совсем закрывать глаза, чтобы дать им отдых.

В пути мы уже девятый час. Усталость сказывается на каждом шагу, но о длительной остановке нельзя думать до самого берега. Нет никакой возможности раскинуть здесь палатку даже на время.

Передышки делаются все чаще и чаще. Холодная подснежная вода освежает и как будто поднимает силы.

Пробуем внести «рационализацию» в наше продвижение:

— Будем останавливаться через каждые двести шагов.

Дело идет как будто лучше. Голова отдается механике счета. Время идет незаметнее. Но скоро мы уже не в силах выдерживать «норму». Она падает очень быстро, особенно в глубоких местах.

Мы опять начинаем приближаться к какому-то острову или берегу. Сквозь туман он начинает иногда показываться то двумя, то тремя черными точками. Это уже совсем близко, не больше полкилометра. Наше зрение на этот раз поражено сильно. Нам кажется, что берег не стоит на месте. Он двигается в разных направлениях. Резь в глазах и туманная пленка становятся более чем неприятными. В голове беспокойная мысль — только бы выдержать до берега, в палатке глаза отдохнут.

Остановки делаются теперь через каждые десять-двадцать шагов. Движение замедляется. Но все же отдых близок. Его ждет каждый клочок переутомленного организма. В пути без всякого перерыва мы были на этот раз около двенадцати часов. Как приятно смотреть на черноту земли после утомительного снежного блеска! Вышли на берег, сбросили надоевшие лямки и устало сели на первые попавшиеся камни. Закурили. Надо еще ставить палатку. Но на этот раз все против нас. Растаявшая тундра превратилась в болото. Вязкая красная глина нигде не давала приюта. Поиски сухого места были напрасны. Ложиться на землю, как это мы часто делали, здесь было немыслимо. Холодная липкая грязь — плохое место для ночевки. Единственный выход — сделать мостовую, но и камней здесь мало. Пришлось таскать их из дальних мест, чтобы вымостить небольшое пространство. Наконец и эта работа кончена. Пол вымощен, палки вдолблены в вечную мерзлоту. Вещи разложены. Нечего и думать о просушке одежды в этот сырой день! Единственное средство, чтобы согреться, — сбросить с себя все сырое, закутаться в сухие малицы и без конца пить горячий чай.

Сапоги брошены в угол, все остальное развешано у потолка палатки. Загудел приветливо примус. Сразу становится теплее. Чувствуется усталость во всем теле. Видимо, физически мы уже порядочно поизносились.

Но у нас бодрое настроение. Все-таки, несмотря ни на

что, мы прошли сегодня намеченный трудный путь. Пусть это будет последняя точка залива Сталина, все же это большая победа.

Теперь почти нет неясностей. Весь путь укладывается в рамки показателей. Горы, как и нужно по карте, остаются позади. Завтра мы сделаем «вылежной» день. Ноги и особенно глаза настоятельно напоминают о необходимости отдыха.

Примус гудит как-то особенно приятно, становится совсем тепло. Приятная истома сковывает тело. Хочется лежать без движения, следя за дымком трубки, и так перейти в забытье.

День или ночь, — мы определить не можем. Солнца нет. Часы показывают десять часов, но чего? Мы даже не хотим сейчас разбираться. Не все ли равно?..

22 июня. Несмотря на вчерашнюю усталость, мы проснулись рано. Холод очень активно помог нашему быстрому вставанию. Воздух — как в погребе белье все-таки несколько просохло, и это хорошо, так как у нас другой смены нет.

Сегодня мой день готовить «завтрак». Мы аккуратно чередуемся. Тем временем Линдель ушел на разведку. По плану сегодня «вылежной» день. Но, как мы ни скромны в своих требованиях, все-таки место нам решительно не нравится. Липкая глина охватывает сапоги, прилипает к мокрому костюму, и ничто не высыхает.

Отдых все же нам нужен. Я смотрю на похудевшее, почерневшее, обросшее бородой лицо Линделя. Несомненно, я выгляжу не лучше. Но самое главное — глаза. Им надо дать обязательный отдых.

Пока примус делал свою работу, я вышел из палатки осмотреть пройденный и предстоящий путь. Дождь прекратился. Туман также исчез. Мы заметно подвинулись на запад. Горы остались позади. На юго-востоке виден ледник Кржижановского. На севере — бесчисленный ряд темных низменных точек и линий, прерываемых белым, таким же низким пространством. Целый лабиринт.

По карте здесь наиболее путанное место, на самом же деле путаница еще больше, чем об этом говорит карта. Снег тает на маленьких бугорках, которые нашей картой конечно не отмечены. Рефракция их приподнимает. Поэтому здесь можно увидеть все, что хотите, — бухты, холмы, полуострова, острова и т. п., но курс наш бесспорно верен.

Линдель вернулся сияющий.

— А все-таки мы уже на архипелаге!

Позавтракав, пошли вместе на разведку, на противоположную сторону острова. Если это крайний пункт залива Сталина, то прямо на запад по курсу должен лежать архипелаг, в промежутке, несколько севернее его, должен быть полуостров Парижской коммуны.

Но на западе ничего не видно, кроме ровного снежного поля замерзшего Полярного моря. Повидимому, мы, действительно, на архипелаге...

Скоро нашлось для нас новое, очень хорошее место для отдыха — на сухом песке около ручья.

Решили прервать наш день отдыха и выехать из болота, тем более, что на это надо было потратить не более трех часов.

Сказано — сделано. С восторгом мы разрушили нашу палатку и переселились на новое место. По сравнению с предыдущими двумя ночевками здесь поразительно уютно.

Как относительно все в мире! Давно ли на островах Самуила подобное местечко казалось нам диким и совершенно негодным для отдыха. Нашелся и плавник. Ярко загорелся костер, и мы устроили генеральную сушку.

— Ничего не должно быть мокрого ни на нас, ни в палатке.

Костер с честью выполнил свое назначение. Высохли даже сапоги.

В палатке тепло и уютно. Закутали головы ватными куртками, чтобы глаза отдохнули в абсолютной темноте. Условно мы готовы считать наш пункт восточным островком архипелага Каменева. Следовательно, самый путанный, тяжелый путь уже позади.

Как не отдохнуть с полным спокойствием, когда дело обстоит так хорошо!

Весь этот день мы действительно очень хорошо отдыхали, даже не хотелось покидать этот «приветливый» уголок.

Но надо спешить, потому что наши припасы тают, путь же еще немалый, если мы даже на архипелаге. Впереди еще бухта, и притом очень большая, а дальше переход через морской пролив к конечному пункту — острову Домашнему.

23 июня. За точность даты поручиться трудно. Сейчас или утро 23-го числа, или вечер 22-го. Солнца нет. Сколько времени мы отдыхали, установить трудно. Позабыли отметить часы. Но это в конце концов не так важно.

Наша авария теперь для всех ясна. Но никто в мире не может знать, где затерялись на этом огромном пространстве два человека. Нас, пожалуй, сейчас труднее найти, чем иголку в стогу сена. Нет и надежды на помощь. Технически она невозможна.

Вышли отдохнувшие, вполне окрепшие. Глаза не болят, тем более, что, идя теперь по самому краю снега, мы смотрим на землю. Сейчас надо пройти этот Восточный остров и постараться выйти на Средний.

В таком духе мы и оставили записку на месте ночевки. Мы написали, что все время будем держаться южной стороны островов, указав, что отклонения могут быть только временными, вызванными условиями дороги. Скоро мы вышли к большой бухте. По конфигурации она вполне соответствовала бухте между Восточным и Средним островом архипелага.

Очень приятно было получить новое подтверждение мысли, что мы на архипелаге. Только что-то очень быстро мы прошли остров. Вероятно, «быстро идем», как утверждает Линдель.

Без колебаний спустились на водную поверхность бухты. Пересечь ее все-таки не так трудно, как это было вчера. Снова снег и вода. Сапоги наши никуда негодны. С первых же шагов они пропускают воду. Подошли к небольшим торосам. Здесь особенно глубок снег. Приходится пробиваться буквально шаг за шагом. Но пройдены и они. Сбоку какой-то небольшой островок. Дальше — опять водная поверхность почти вплоть до берега. Через два часа бухта была пройдена. Теперь мы должны быть на острове Среднем.

Но почему так скоро?

В пути мы не больше пяти часов. Между тем по карте мы едва-едва должны были бы одолеть это пространство за десять часов.

По выработанной практике, через пять часов мы должны взять часовой отдых. Поэтому наскоро ставим палатку, без больших креплений, и пускаем в ход примус. Консервы сегодня трогать нельзя. Варим чай, к нему же берем очередные три галеты с маслом.

Местность попрежнему пустынна. Только какая-то невидимая птичка тянет однообразно: «пить, пить, пить...», затем задорно отвечает: «пей, пей, пей...» Так, по крайней мере, мы переводим эту однообразную песню.

Часовой отдых проходит быстро. Мы снова в пути. Если все так пойдет, то сегодня пройдем весь Средний остров, а там останутся еще два перехода — и конец нашему путешествию.

Такими бодрыми фразами мы перебрасываемся во время дороги. Путь нам не кажется тяжелым. Он несравним с пройденными этапами. Мы идем по земле. Здесь только иногда от нас требуется большое напряжение — во время подъема на гору или при переходе через ручьи и озера. Но этих тяжелых мест не более пятидесяти процентов пути. Мы успеваем во время прохождения легких мест отдохнуть и потом со свежими силами брать трудные места. Нашему радужному настроению наступил скоро конец. Вдруг показалась новая, очень большая и широкая бухта. Откуда она?

Средний остров таких бухт не имеет. В душу заползает холодное сомнение:

«Куда же нас чорт занес?»

Однако спускаемся с берега в бухту, взяв опять прямой курс на запад для ее пересечения.

Мы идем привычным, монотонным, неторопливым шагом, который выработался у нас во время пути. Линдель утверждает, что так ходят буйволы по грязи. Прошло уже три часа, а берег еще очень далеко. По прямой линии бухты сегодня не взять. Да и правильно ли мы идем? Может быть, каждый шаг только уводит нас дальше от намеченной цели. Надо ориентироваться на ближайший остров.

Через два часа мы были там. На сравнительно высоком острове нас прохватывает холодный ветер. Надо скорее скрыться от него в палатке и согреться. Однако трудно отдыхать, не зная, где мы остановились. Пришедшее сомнение тем более неприятно, что накануне мы чересчур крепко поверили в свое близкое спасение.

Сквозь облака иногда показываются тусклые блики солнца. Я снова беру компас, карту и свои путевые записки. Все подтверждает, что пролив Красной армии еще нами не пройден и что мы на правильном курсе, но острова Каменева опять становятся под большое сомнение. Самое большее и, пожалуй, самое верное, что мы пересекаем бухты где-то близко около полуострова Парижской коммуны. Отсюда вывод: острова Каменева должны лежать от нас в том направлении, как мы идем.

Остров небольшой. Надо взойти на самую его высшую точку и оттуда еще раз осмотреть горизонт. Сегодня види-

мый горизонт все-таки довольно велик, несмотря на отсутствие солнца.

Кругом то же безжизненное, белое пространство. Однако именно на том курсе, где должен лежать архипелаг, вдали начинают виднеться пятна более желтого снега, чем на остальной части горизонта. Раньше на своем пути мы их нигде не видели. Снег такого цвета бывает всегда только на суше или около нее. Надо держать направление. В вычислениях курса ошибок нет. Место нашей остановки где-то действительно около Парижской коммуны.

— А не остров ли Самойловича мы видим? — выражает сомнение Линдель.

На всякий случай мы прикидываем на карте курс на остров Самойловича.

— Нет, он совсем не на нашем курсе. Он гораздо южнее. Его не видно, так как он, повидимому, еще в снегу, как и острова архипелага. Завтра мы разрешим все сомнения, а на сегодня надо довольствоваться тем определением места, которое мы имеем.

На душе неприятно. Возникают сомнения: правы ли были мы, выходя на зимовку Северной Земли? Не лучше ли было взять направление на мыс Челюскина? Хотя туда и дальше путь, больше чем вдвое, но тогда не было бы этих проклятых сомнений. Там четкая дорога, как по вехам. Тяжелые мысли, тяжелые сомнения! Но это только фантазия— что для нас был возможен выход на мыс Челюскина. До него береговой извилистой линией надо пройти не менее трехсот пятидесяти километров. При пятидневном запасе продовольствия! Там пролив Шокальского. Разве можно было рассчитывать на легкую дорогу?! Наверняка тот же снег и вода. Как пропустил бы нас пролив Вилькицкого? В каком виде мы бы его нашли через двадцать пять — тридцать дней, которые бы нам понадобились, чтобы дойти до него? Нет, мы правы! Единственный наш путь—путь на зимовку Каменева. Здесь трудно ориентироваться, это верно. Но мы еще не сделали ни одной ошибки при прокладке пути. Мы только устали от постоянного напряжения и от не в меру голодного пайка.

Завтра конец сомнениям, это совершенно очевидно. Тогда успех пути несомненен. Физически мы еще совершенно крепки. Продовольствия хватит не менее чем на семь дней. За это время мы приблизимся к кромке моря. Там будет и зверь!

24 июня. Двенадцатый день нашего исчезновения. В числах мы начинаем сомневаться. Наши сутки — это время, потраченное на переход и на отдых. Часы остановились. Они, вероятно, отсырели во время бесчисленных попаданий в глубокие места. Плохо работает примус. Понемногу все приходит в негодность. Это крайне неприятно. Сани дали почти сплошную продольную трещину. Линдель опять сшил их кусочками проволоки. Надолго ли, трудно сказать, но пока итти можно.

Для сегодняшнего рейса нам опять понадобится сверхнормальное физическое напряжение. Надо дойти до «белых островов», как мы теперь называем желтые пятна на снежном море.

Еще раз рассматриваем карту и окончательно резюмируем наше мнение — мы где-то около Коммуны. Оставили записку на месте нашей ночевки. Для кого эта записка? Ни для кого. Мы давно знаем, что можем выйти из своего положения только своими силами. Надо сказать беспристрастно, — отсутствие всякого следа человека действует угнетающе. Мертвый покой и однообразие остро заставляют чувствовать свое одиночество. Можно быть Робинзоном около тропиков, где говорит каждая травинка. Плохо бы чувствовал себя Робинзон здесь, где закон природы — неподвижность, покой и безмолвие.

Пора в путь к далеким «белым островам» в поисках пропавшего архипелага Каменева. Высокий гурий из камней, раньше укреплявших палатку, стоит памятником о нашей ночевке. С каждым днем наши записки становятся короче и лаконичнее. Кому писать? Мы близки к той или иной развязке.

Теперь нас не удивляет никакая глубина снега и воды, никакие полыньи и трещины. Спустившись с острова, я сразу ушел в глубокую прибрежную трещину. На виду оставались плечи, голова и руки. Линдель смеялся, когда я вылезал оттуда. Моя очередь смеяться пришла быстрее, чем мы оба ожидали. Оказывается, ему не повезло еще больше. Не больше чем через десять шагов от него также осталась только одна голова и кисти судорожно ухватившихся рук.

— Чорт возьми, вот нырнул, как морж, — сказал он, отдуваясь от усилий.

Эти прибрежные трещины глубоки и небезопасны, но книзу они обычно суживаются и дают опору для ног. Дальше пошел обычный снег и вода, то по колена, то

Торосы и полыньи около Северной Земли

выше колен, опять меньше, опять больше и т. д. Шаг за шагом мы приближаемся к «белым островам». Если через три-четыре часа ходу покажется сквозной пролив из пролива Красной армии, все в порядке. Сомнений больше не будет.

Через три часа сквозной пролив открылся. На фоне его конечный пункт полуострова Парижской коммуны вырисовался, как на карте. Настроение поднялось.

Теперь продвижение вперед идет очень быстро. Нас охватывает какой-то энтузиазм борьбы с препятствиями, слишком надоели эти вопросы: где мы?

Пролив, ведущий к Красной армии, кончен. За ним вдали виднеются смутные темные точки. Это должен быть полуостров Крупской.

Ясно, что ночевать мы будем на берегу архипелага.

Два часа усиленной работы, и мы выходим на желанный берег. В пути десять часов беспрерывного хода с очень редкими и короткими остановками.

Недалеко от острова лежат две нерпы. При нашем приближении они неспеша уходят в свое подводное царство.

С торжеством победителей выходим на берег. Сомнений больше нет — это Восточный остров архипелага Каменева. Самая путанная и трудная дорога осталась позади.

Мы дошли до обнаженной от снега земли и сбросили надоевшие лямки. Надо найти место для палатки. Несколько шагов вперед, и вдруг неожиданный сюрприз — большие темные банки валяются на земле в разных направлениях. Их пять штук. Каждая весом не меньше двух килограммов. Это первые следы человека. Немедленно идут в ход нож и плоскогубцы. Сверху сало, под ним — однообразная масса, приятная на вкус. Сомнений нет, это — пеммикан, наиболее питательное и портативное северное блюдо для полярных собак.

Снаружи банки поржавели, но внутри жесть сохранила весь свой блеск. Нет никакого признака вздутости.

Кто оставил этот пеммикан? На коробках нет этикеток, но, несомненно, это остатки от собачьего корма экспедиции Ушакова.

Около места находки разбили нашу палатку. Сделали себе кашу из пеммикана. Еда нам кажется вполне приемлемой для питания не только собак, но и для нас. Продовольственный вопрос теряет свою остроту. Первоначальное назначение пеммикана нас не смущает...

— Мы все равно теперь работаем, как собаки.

После жирного пеммикана чай исключительно приятен. Вообще сегодня день нашего торжества. Сомнений больше нет. Компас, карта больше не противоречат нашим впечатлениям. Все улеглось в разработанный план нашего похода. Трудные места остались позади. Теперь только не надо терять времени, потому что впереди еще большая бухта и маленький остров Домашний, затерянный невдалеке от последнего острова архипелага. Потом на Домашнем надо найти совсем ничтожную точку — маленькую избушку зимовки с четырьмя людьми и двадцатью собаками.

Наши поиски большого архипелага мы будем суживать до поисков маленькой точки.

25 июня. Десять часов утра. Как число, так и время суток надо понимать условно. Солнца нет. Мои часы остановились, часы Линделя вообще не ходят. Слабый ветер с норд-оста. Температура нолевая.

Сегодня перед началом похода смотр нашего бедного инвентаря. Винтовка в исправности, но ее пора смазать и почистить. За отсутствием масла ничего сделать нельзя.

Наган заржавел, но в порядке. Сани выдержат не больше двух переходов. Примус отказывается работать. Наши сапоги, видимо, совсем не для таких путешествий, носки уже лопнули, а сапоги Линделя лопнули и сбоку. Одежда еще может держаться, но недолго. С продовольствием, после находки пеммикана, пока благополучно. Бензина хватит на десять дней. Мы оба вполне здоровы.

Волокуша-сани сдадут окончательно, вероятно, уже на Среднем острове. Нас это вполне удовлетворяет, они честно помогли нам на самом трудном пути.

С собой берем только одну банку пеммикана. Остальную четверку убираем как следует и ставим около нее гурий. Если не найдем зимовки, тогда вернемся и заберем их к тому месту, где решим обосноваться до нашего конца. Обстоятельства покажут, что нужно будет делать. Сейчас же их забирать мы не можем, они слишком тяжелы для нас и наших саней.

Мы рассчитывали на легкую дорогу по островам. Восточный остров плоский, низменный, с постепенным подъемом. Подъем иногда прерывается балками, занесенными глубоким рыхлым снегом. Ручьи образуют впадины, наполненные водой. Все это сильно осложняет дорогу. Особенно трудны переходы через глубокие балки и растаявшие озера. Но все же маршрут здесь несравненно легче, чем каждый из ранее пройденных.

На горизонте отчетливо вырисовывается окончание пролива Красной армии. С одной стороны его граница — наши острова, а с другой — полуостров Крупской и ледник острова Пионер. Сзади нас провожают горные цепи острова Октябрьской революции. Их темные очертания со снежными вершинами еще долго будут служить нам маяками. На юге — бесконечное белое пространство. По мере продвижения на запад все чаще и чаще виднеется ряд больших торосов. Они подошли в одном месте к самому берегу Восточного острова. Ясно виден район пловучих льдов, они не более чем в десяти километрах от берега.

Мертвый покой здесь также не нарушается никакими звуками, но следов жизни уже гораздо больше. Встречается бесчисленное количество следов и норок лемминга. В другом месте отпечатался свежий след песца. Вдоль берега виднеется подтаявший след крупного белого медведя, изредка проносятся молчаливые чайки. Почва неблагоприятна для растительности. Моховой покров идет редкими пятнами.

Олений мох виден отдельными кустиками, но, несмотря на это, мы нашли здесь позеленевший от времени олений рог. Это, вероятно, был, так же как и мы, «аварийный» олень, приплывший сюда на льдине не по своей воле.

Наше внимание привлек продолговатый предмет правильной формы. Это оказался заржавленный бидон из-под керосина. На нем вырисовывается наш герб — серп и молот — и надпись: «Нефтесиндикат СССР».

Даже в таком виде приятно видеть следы человека. На всякий случай мы отвинчиваем его пробку — нет ли записки, но он совершенно пуст.

К вечеру переход через остров был закончен. Перед нами лежала лагуна, залитая синеватой снежной водой. По воде идут небольшие волны. Бухта очень большая, как это и обозначено на карте.

Переход через эту воду конечно можно значительно сократить. Для этого нужно обойти ее с севера. Там узенькими полосками земли оба острова подходят очень близко друг к другу, но это значит увеличить путь больше чем вдвое. При этом будет ли легче итти нам около берега?

Я отправляюсь на разведку в воду, Линдель ставит палатку. Вода местами довольно глубока, но эти впадины можно обойти.

В общем в этом переходе нет ничего необычайно трудного по сравнению с пройденным путем. Ближе к Среднему острову вода пропадает. Там лежит ровная пелена снега, которая, вероятно, будет самым тяжелым местом перехода, особенно около торосов.

Этот прямой маршрут мы избираем после непродолжительного обсуждения.

Пятичасовой отдых. Линдель сделал микроскопические котлетки из пеммикана, которые по количеству меня не удовлетворяют.

После находки пеммикана он становится несравненно скупее на продукты в дни своего дежурства.

Хотя продовольственный «обоз» и находится в моем ведении, но он иногда проявляет «инициативу» в смысле максимальной экономии.

— По корму будет и работа, — говорю я Линделю.

Ворча что-то под нос, он варит дополнительную кашу из пеммикана.

Папирос у нас осталась одна пачка. Кризис подходит с ужасающей быстротой. Поскольку его неизбежность оче-

видна, мы не делаем никаких попыток замедлить его наступление.

Отдых вполне удовлетворил нас. Вообще наши требования к удобствам свелись к такому минимуму, что удовлетворить нас совсем нетрудно. Сухой песок вместо постели, сколько-нибудь укрытое место от ветра и дождя — все кажется в порядке. Умываться, бриться мы совсем отвыкли.

Один раз мы позволили себе роскошь растопить снег в котелке специально для умывания, но каждый день этого делать нельзя, надо беречь бензин.

Маршрут через бухту был очень тяжел. Сани совсем перестали скользить. Они пашут снег своими протертыми местами и потому разрушаются еще быстрее.

Глубокие провалы попадались чаще, чем можно было ожидать. Морской лед неровный,—видимо, и здесь он когда-то замерз торосами. Благодаря этому на дне образовались выбоины, налитые теперь водой, и возвышения.

Недалеко от берега гряда больших торосов нам преградила путь. От торосов шел свежий медвежий след. Медведь направлялся в сторону открытой воды. По следам было видно, что он долго ходил по высоким торосам, прежде чем выбрать направление.

Медвежьи следы пришли нам в помощь, мы ступаем по ним и таким образом тратим меньше усилий для своего продвижения.

Но все-таки наши ноги проваливаются глубже, чем ноги медведя. Хорошо у него устроены лапы для таких прогулок!

По медвежьему следу вышли на берег острова Средний.

Сухая узкая полоса прибрежной гальки и песка дали нам приют. Тут же валялось большое бревно плавника с сохранившимися метками архангельского Северолеса. Кругом было порядочное количество и другого плавника. Он, видимо, испытал очень много, прежде чем ему удалось попасть на берег: его бока почти отполированы в некоторых местах, в других же совсем размочалены. Часть плавника свежего происхождения, — вероятно, она приплыла уже с островов Каменева во время постройки зимовки.

Медвежий след нас очень интересует, здесь уже есть смысл поохотиться. От зимовки нас отделяют два-три перехода; в удобное время можно приехать сюда на собаках или лодке за шкурой и мясом.

Специально итти на охоту нам нельзя — надо сначала

добраться до зимовки. Но как выйти из затруднения, если медведь будет сам за нами охотиться, придя на дым нашего костра, — это вопрос. Держать вахту? Но тогда не будет настоящего отдыха. Переход может сорваться.

Решили оставить все в прежнем порядке.

— Едва ли медведь нападет на палатку. Кто будет просыпаться, тот будет осматривать горизонт.

Загорелся костер. Устроили очередную сушку одежды и сапог. Пеммикан на этот раз играет роль приправы для банки мясных консервов. Суп нам кажется превосходным.

На снегу мы с удивлением видим целую компанию маленьких черных насекомых. Они прыгают, как блохи, и вообще видом своим напоминают блох. Чувствуют себя они прекрасно. Пробуем устроить на них «охоту». «Блохи» очень увертливы. Несколько экземпляров все-таки у нас в руках, но куда их девать? Вероятно, североземельцы наловили нужное количество, если они представлют какой-либо научный интерес. Для нас же эти «блохи» — неудобный багаж, пусть живут они в своем снегу, вреда от этого никому нет. Мы отпустили их. Я вспоминаю, что на одной из остановок раздавил маленького паучка. Насекомый мир, очевидно, зашевелился. Весна идет в полном объеме. Нам надо торопиться, чтобы успеть попасть на остров Домашний, пока он окружен льдом, а не морем.

26 июня. Пять утра. Штиль. Солнце встало такое прекрасное, каким оно может казаться только на севере. Здесь можно стать солнцепоклонником или огнепоклонником. Приветливее выглядит наш плоский остров, разноцветные блестки горят на торосах. Глаз видит такие далекие горизонты, какие недоступны людям на «большой земле». Весело бегут ручьи, унося последние остатки снега. Виден даже мыс Кржижановского; кажется, что можно проследить все зигзаги нашего пути. Кромка подвижного льда уже недалека. Не более чем в пятнадцати километрах видны сплошные гряды торосов: результат постоянных натисков плавающего льда на неподвижный припай.

Трудно найти такой пароход, который мог бы выдержать это давление.

Под влиянием ли солнца или наступившего упадка сил, но сегодня нет настроения надевать лямку. В голове соблазнительная мысль—не устроить ли сегодня «выходной» день. Место уютное. Можно сходить к припаю по следам

медведя. Нет, нельзя итти на такую удочку. Весна идет, повидимому, дружная, сильная. Чем больше потеряем времени, тем тяжелее будет дорога. И, может быть, около самой цели море поставит нам непреодолимые преграды. Кроме того, прошло уже двенадцать дней, как мы пропали. С выходом на острова Каменева «цена нашим шкурам» стала побольше медного пятака, выражаясь словами капитана Смагина. Надо итти, не поддаваясь ни физической, ни душевной слабости. Не надо увлекаться и достигнутыми успехами. В настоящих условиях даже последний шаг может оказаться роковым.

Надеваем лямки и идем посредине Среднего острова. Здесь больше снега, и потому легче итти нашим саням. Дорога идет в гору, снег рыхлый. Прощай, надежда на более легкий путь по островам! Нам то и дело преграждают путь такие же балки и озера, как и на Восточном острове. Больше того, снег часто прерывается голой землей, приходится брать вещи на плечи и переносить их за два раза, а затем снова итти лямками. Так повторяется несколько раз.

Дорога тяжела — это нормально. но сегодня сани почему-то невыносимо плохо идут. Их осмотр показал, что от них требовать больше ничего нельзя: вдоль саней тянется большая трещина; поперечные крепления задерживают снег; он набился в сани в таком количестве, что мы везем больше снега, чем груза. Ледяная корка в некоторых местах вклинилась в трещины и, как плугом, пашет снег. Немудрено, что нам так тяжело. Надо расставаться с санями и частью вещей, теперь это неизбежно.

Быстро перебираем вещи. Оставили тяжелую собачью доху Линделя, магнето, бензиновый бак, еще ряд мелких вещей, все крепко затюковали, спрятали в сухом месте. Остальное разбито на четыре тюка. В общем у нас не более тридцати килограммов вместе с палаткой.

По сравнению с тяжестью саней тюки кажутся нам если не совсем легкими, то во всяком случае приемлемыми. Мы теперь выбираем дорогу и более прямую, и более сухую, это тоже плюс. Скоро ледяное море виднеется с обеих сторон. Начинается узкая полоса острова. Пролив Красной армии покрыт невзломанным льдом, но на нем местами видны торосы. Иногда вскрывается и он, но в ред-

кие годы. Припай со стороны моря становится меньше и меньше, плавучие льды видны совершенно отчетливо.

Скоро остров превратился в узкую груду беспорядочно наваленных камней. Это — остатки разрушившихся известковых пород. Итти по ним неприятно, но легче, чем по льду и воде. Здесь мы имеем право сделать очередной отдых, после чего нужно штурмовать последний остров архипелага.

На карте названия он не имеет. Мы его зовем «Кишкой» за его длину и узость. «Полкишки» мы намерены сегодня пройти. От него нас отделяет очень небольшая бухточка, не имеющая для нас значения, хотя она и полна воды.

Перед выходом в маршрут взяли по последней паре папирос. Линдель, оказывается, их выкурил дорогой. Теперь он с завистью смотрит, как я отправил в трубку первую папиросу.

— Линдель, продаю одну папиросу.

— Я куплю. Сколько надо?

— Я потерял вчера в воде свой охотничий ножик.

— На пароходе у меня есть еще ножик. Согласен на обмен.

Так состоялась наша сделка. Мы выкурили по последней папиросе.

К сожалению, придя на зимовку, Линдель заявил, что ножик слишком дорогая цена за одну папиросу, и квалифицировал сделку как «кабальную».

Одной папиросы слишком мало. Зная неизбежность кризиса, мы дорогой собрали несколько сортов мха. Не даст ли какой-нибудь из них хотя бы маленькой иллюзии курения?

Закурили. Пахнет жженой тряпкой и больше ничего.

— Попробуем чай. У нас есть запас.

С чаем дело пошло немного лучше, но это конечно слишком плохая и для нас дорогая замена.

После отдыха немедленно двинулись дальше по «Кишке». Остановка намечена у морского знака, это уже рядом с островом Домашним, до него останется тогда всего семь-восемь километров. Мало шансов на хорошую дорогу. Переход на «Кишку» через остров нас не затруднил, он был короток. Воды было только по колено, притом почти без снега, но зато на самом острове мы встретились с жирной красной глиной почти на всем пути. Она так крепко держа-

ла ноги, что иногда казалась началом трясины, из которой невозможно выбраться. Тяжелые тюки на плечах уменьшали ловкость движения и утяжеляли ход. Балки здесь глубже, чем на соседних островах, и обильнее наполнены водой.

Немудрено, что через час мы сбросили тюки с плеч и сели на них для десятиминутного отдыха.

Вдали виднелась та же картина: горные ледники на далеком горизонте и ровная поверхность моря по обе стороны от нас. Взломанный лед все ближе и ближе подвигается к острову. Что, если остров Домашний уже в районе взломанного льда?.. Тогда... тогда дело кончится обычной в таких случаях арктической трагедией.

Эта мысль заставляет нас торопиться. Но странное ощущение! Чем дольше мы идем по этой безжизненной стране, тем больше мы привыкаем к мысли об этом возможном конце.

Это тоже логический конец. Мы сделали в Арктике ту работу, которую надо было сделать. Случилась авария, от этого здесь никто не застрахован. Истощение и общий упадок физических сил может положить конец нашей дальнейшей работе. Конечно, мы будем еще бороться до последних сил за другой исход, сдаваться нам рано.

— Аэроплан летит, — вдруг сказал Линдель. Он смотрит на ледник Кржижановского.

Первое чувство, охватившее нас,— разочарование. К чему же мы сделали такой мучительный путь?

Я не вижу аэроплана. Линдель показывает маленькую точку на фоне гор; она быстро приближается к нам. Формой похожа на аэроплан, но шум еще не слышен.

— Московские товарищи действительно хорошие ребята, — продолжает Линдель. — Здесь есть место посадки. Нас увидят.

Мы ожидаем, стоя на возвышенном месте и приготовив все для дымового сигнала.

— Что же. В конце концов это все-таки хорошо. По крайней мере завтра будем на мысе Челюскина, а затем выручим наш аэроплан.

Однако что-то медленно подходит к нам «аэроплан»; неужели он возьмет курс сразу на остров Домашний и не заглянет по дороге на этот остров?

Летящая точка в это время вылетела в район какого-то особого освещения. Иллюзия кончилась. Это была большая

Остановка около морского знака на островах Каменева.

темная чайка, летевшая над взломанным льдом вдоль излома.

— Дойдем и сами... Помощь невозможна.

Поздно ночью подошли к морскому знаку.

Он стоял на самом высоком изгибе «Кишки». Остров почти под прямым углом уходил от него на норд, затем снова вытягивался на вест еще более тонкой линией.

Знак построен из дерева. Подножье его завалено высокой кучей камней. Наверху знака — деревяные доски. На нем нет никаких пометок. Нам хочется узнать, где наша обетованная земля — остров Домашний — и в каком он положении.

Мы взбираемся на темную груду камней знака, смотрим и ничего не видим на горизонте, кроме бесчисленных торосов, увеличенных рефракцией до всевозможных размеров и форм. Солнце на норд-вест, оно бьет нам прямо в глаза. От этого еще труднее что-либо рассмотреть в этом хаосе.

Остров слился с общим белым фоном.

Момент для наблюдений выбран неудачный. Совершенно бесцельно итти сейчас на зимовку, хотя нас и отделяет от нее только семь-восемь километров.

— Эх, и надоело же ставить палатку и курить чай с мхом, — загрустил Линдель.

По льдам к зимовке Северной Земли.

Мне это не менее надоело. Все же палатку ставим.

— Может быть, в последний раз!..

27 июня. Четыре часа утра. Число предполагаемое, но утро — бесспорное. Так говорят и компас и солнце. Пора итти на поиски затерянного острова, а на затерянном острове найти маленький, спрятавшийся от всех домик. Там живут четыре человека и двадцать собак, которые уже два года не видели ни одного постороннего человека. Предстоит тяжелый переход по снегу и воде. Не надо брать вещей, они замедлят наш путь. Нам же сегодня нужна быстрота.

Берем с собой оружие и последнюю провизию: две банки консервов, четыре галеты и две плитки шоколада. Палатку оставляем несвернутой. Она должна быть готова к нашему обратному приему. Если мы вернемся к ней, то вернемся уставшими до последней степени. Спускаемся вниз с крутого берега на снег. Сразу же становится видно, что будет тяжелая дорога. Приходится и здесь пробивать двойную корку снега и пресного льда, прежде чем нога упрется в неровный морской лед.

Мы чередуемся для торения дороги. Это экономит расход сил. У нас два перехода: первый около полутора километров — на узкую часть острова «Кишки», и второй, около трех километров, — с «Кишки» на остров Домашний, к зимовке.

Сделанная первая половина пути открывает нам остров Домашний — поразительно неуютный. Он плоский, темно-желтый; со стороны моря к нему вплотную подошли торосы.

Но конечно не требованиями эстетики приходится здесь руководствоваться.

Остров найден, и это главное. Значит, скоро «цена на наши шкуры» достигнет нормального уровня.

Узкая «Кишка» встречает нас не очень приветливо. Проваливаясь по пояс в снег, с трудом выбираемся на ее крутые берега.

Наша работа на этот раз щедро вознаграждена. С берега отчетливо видны две мачты радиостанции. Около мачт виден маленький серый домик.

Он стоит, как какой-то нелепый нарост этого плоского острова, жалкий и одинокий на фоне широкого безлюдного пространства.

Это теперь наш «дом» и, может быть, на долгое время, но это и наше спасенье. Мы достигли своей цели, не сделавши ни одной тяжелой ошибки. Опыт предыдущих полярных скитаний оказал нам большую услугу.

Ноги идут торопливее, то по неровной каменистой почве, то по вязкой глине, то по скользким балкам.

Теперь уже можно не так расчетливо тратить силы. Нужно одно сильное напряжение. Чем оно будет сильнее, тем скорее мы будем у цели. Там радио — это главное. Там мы снова приобретем человеческие права и человеческий вид.

Мы подходим по берегу до конечного пункта, откуда надо опять, но уже действительно в последний раз, спуститься в снежную воду.

Домик виден совершенно отчетливо. Он посерел от непогод Севера и сливается по фону с каменистым низменным мысом острова Домашнего.

Около дома не видно никакой жизни. Все спит.

Перед трудным переходом мы сделали остановку — отдых на десять минут.

На жидкой красной глине видны отпечатки собачьих лап

и человеческой ноги, ясно прослеживается их путь и на снегу.

Но это было когда-то, до таяния снега, теперь на снегу остались от них только небольшие углубления.

По этим следам берем себе направление.

Дорога обычная — снег и вода. Состояние сапог и брюк обычное, они стали мокрыми, как и всегда. Однако наше продвижение идет гораздо быстрее, чем раньше. Инстинкт дает самое большое напряжение всем мышцам.

Зимовка попрежнему спит. Мы уже от нее не далее чем в четверти километра. Теперь уже видны занесенные снегом лодки, разбросанные бочки, какая-то маленькая будка и т. д. Серые камни, галька — фундамент домика.

Но вот выскочила откуда-то на камни собака, слышен ее лай. На лай сбегаются еще собаки. Видно, как в большом возбуждении они мечутся по острову, но навстречу к нам еще не бегут.

Вероятно, около домика поднялся адский шум. Из дверей показалась человеческая фигура, закутанная в длинную малицу, в руках винтовка.

— «Дикари» проснулись. За два года мы первые люди, да и то аварийные.

Человеческая фигура исчезает в дверях дома, появляется вновь, но вместо винтовки что-то длинное в ее руках.

— Это нам несут лыжи для облегчения перехода.

— Поздно. Мы уже ступаем по более мелкому снегу.

Появляются другая и третья фигуры.

Собаки дружной стаей бросаются к нам. Окрик хозяев — они останавливаются.

Чувствуется некоторое волнение.

Встретились. Взволнованные лица, крепкие пожатия.

— Товарищи Лавров и Линдель, как хорошо, что вы добрались.

— А как поиски? Аэропланы еще не вылетали?

— Ничего еще нет. В Москве идет подготовка.

— А зимовщики на Челюскине?

— Они отправили упряжку собак, но, без сомнения, она скоро вернется.

Быстро, на ходу рассказываем о месте и причине нашей аварии. Они передают нам содержание радиограмм, относящихся к нашей судьбе.

Собаки внимательно нас осматривают, обнюхивают и приветливо виляют хвостами. Они напоминают нам лучшую

Встреча на Северной Земле с товарищем Демме.

собаку мыса Челюскина — Волка. Та же шерсть, узкий разрез глаз. Они очень лохматы, в свалявшейся шерсти, среднего роста. Прекрасные ездовики.

Двери дома раскрыты перед нами. Каким уютом веет оттуда!

Кромка льдов нами прослежена до западного конца острова Каменева, нехватает только разведки на мысе Молотова — самой северной оконечности архипелага Северной Земли.

Спали мы, вероятно, очень долго. В это время по радио уже были получены приветственные радиограммы от наших близких и друзей из Москвы, Ленинграда и почти всех полярных станций. На Севере люди становятся ближе друг к другу. Зимовщики Ленской экспедиции немедленно ввели нас в полный курс всех событий. Они были уверены, что Линдель не разобьет самолета и сделает правильную посадку, но, оказывается, выражали большое сомнение относительно его талантов по пешему хождению. Соединенными усилиями двух поэтов по случаю нашего возвращения было написано довольно длинное стихотворение. Оно несколько нас сконфузило, когда было по радио нам передано:

За проливом, за горою
Самолет исчез вдали,
И унес он двух героев
В дебри Северной Земли.

Для «У-2» полет опасный,
Страшно врезаться в туман,
Хоть не видно тучек грозных,
Хоть спокоен океан.

Связь мы с Северной держали,
Целый день костер горел.
Понапрасну вести ждали —
Самолет, мол, долетел.

Истекли давно все сроки,
Самолет не прилетел.
Путь далекий, путь тяжелый, —
Где-то наш «У-2» засел?

Сел он в сотнях километров
От ближайшего жилья...
Ожидать ли здесь спасенья?
Все надежды на себя.

Самолетам нет посадки.
Это летчики учли.
Путь проложив, пошагали
В дебри Северной Земли.

Шли они в воде по пояс,
Выбивалися из сил,
Голодали, холодали,
А «У-2» на льдине плыл.

Дней двенадцать пролетело,
Два пропавших все ж идут:
Ноги босы, грязно тело
И едва прикрыта грудь.

На пятнадцатые сутки,
Волей скованы стальной,
Подошли они к избушке,
Там нашли приют родной.

Называлось это стихотворение «Опять среди нас». Его сочинили тот же Рузов и механик парохода Семенов.

Нам надо было найти приложение своих сил, чтобы благополучно дождаться прихода парохода или аэроплана. Наш самолет был нами безвозвратно потерян. Льды вскоре после нашего прихода пришли в движение. Осталось одно — надеяться, что прилетит новый самолет, который вновь унесет нас на мыс Челюскина, где оставался еще один самолет — брат нашего погибшего «воробья». К сожалению, эти надежды осуществились только через два с половиной месяца, когда уже надо было проститься с Арктикой до следующей встречи с ней.

НА СЕВЕРНОЙ ЗЕМЛЕ

Маленький домик, чуть побольше деревенской бани, стоит на песчаной низкой отмели острова Домашнего. С одной стороны домика виден широкий пролив, покрытый льдом, за которым протянулась узкая полоса оголенной земли. С другой — только возвышенный берег самого острова и поставленные там радиомачта и ветряк.

Остальные постройки состоят из незрачного фанерного склада и магнитной будки. Все они залиты водой. Дощатый собачник занесен слежавшимся грязным снегом. Поэтому собаки там не живут.

Около дома разбросаны груды заржавленных банок из-под разных консервов, зола из печи, щепки от разбитых ящиков и остатки вышедшей в тираж одежды и упаковки.

Нет ни бани, ни уборной.

Собаки считают для себя необязательным соблюдение санитарных правил, и, вследствие этого, ручьи растаявшего снега зловонны и мутны.

В домике только одна комната и небольшой уголок для радиостанции. Четыре деревянные койки, по две около стен, одна над другой. Полки, заставленные книгами. Обеденный, он же и рабочий, стол и четыре стула.

Этот дом построен экспедицией Ушакова, Урванцева, Журавлева и Ходова в 1930 году. Два года подряд вели они здесь напряженную работу по описи и составлению карты Северной Земли, по определению ее астрономических пунктов и т. д.

Работа эта дала свои результаты. Немного мест в высоких широтах советской Арктики, которые бы имели такую точную карту, как Северная Земля.

В 1932 году эту экспедицию сменила другая четверка зимовщиков — одна женщина и трое мужчин. Вероятно,

Зимовка Северной Земли.

впервые в истории Арктики с ними приехали на зимовку три кошки.

Первый год зимовки прошел нормально. Ездили в маршруты к проливу Красной армии, к мысу Кржижановского. Вели метеоработу. Радио аккуратно сообщало ее показатели «большой земле». Охота была неудачной. За зиму поймали несколько тощих песцов и еще меньше убили медведей.

Наступило лето. У зимовщиков пробудилось желание покинуть небольшой домик и вернуться к культурной жизни. Их желание было учтено. На смену им должна была приехать новая группа зимовщиков.

Навигация 1933 года, по ледовым условиям, была очень тяжелой. Пароход «Седов» пытался подойти к зимовке хотя бы с какой-нибудь стороны, но в конце концов вынужден был отступить. Он ушел обратно на остров Диксон, увозя с собой приехавшую смену.

Четверо людей остались на вторую, уже вынужденную зимовку. Они храбро боролись и преодолели упадок настроения. Была составлена новая программа работ на время второй зимовки.

Но обстоятельства продолжали складываться неблагоприятно. Льды прочно обложили остров. Морской зверь, а за ним и медведь откочевали в далекие, неизвестные пространства. Собаки остались без корма. Необходимо было выполнить самую тяжелую для полярников обязанность — перебить часть собак, чтобы на голодном пайке сохранить остальных.

Часть собак была перебита. Из приговоренных к смерти уцелела только одна. Это был Козел, самый мощный пес из всей стаи, с прекрасной шерстью и умными глазами. Он был идеальной полярной собакой. Его хотели убить лишь потому, что на чрезвычайно тяжелой работе он перетер сухожилия на лапах и мог ходить в упряжке только на короткие расстояния.

Когда к нему подошли с винтовками, он глядел на людей такими умными и понимающими глазами, что ни у кого не поднялась рука застрелить его.

— Пусть живет, если не подохнет с голоду...

Весь остаток времени до наступления полярной ночи был посвящен сборке и подвозке плавника для отопления, учету остатка продовольствия, поискам зверя и т. д.

Пришла полярная ночь, и вместе с нею вступила в маленький домик страшная гостья Севера — цынга. Сначала она была не очень заметна. Немного припухли десны, чувствовалась усталость от работы — и только.

Исправно продолжали работать каюр Мирович и метеоролог Зенков, который до прибытия на остров Домашний провел семь лет на Новой Земле. Регулярно слал нужные сведения радист Ивлев.

Длинную полярную ночь скоротали за работой. По вечерам пересказывали друг другу содержание ранее прочитанных книг. Особенно талантливо рассказывал Мирович.

С наступлением весны положение на зимовке ухудшилось. Начальник этого маленького мирка товарищ Демме сообщила на мыс Челюскина, что Мирович уже не может ходить, что у Зенкова прогрессирует опухание десен. Радист Ивлев заболел острым приступом апендицита. Осталась здорова только она.

Решено было сменить их. На островах Самуила и на мысе Челюскина нашлись добровольцы, которые готовы были проделать тяжелую дорогу и остаться на острове Домашнем.

Но оттуда пришел отказ:

На Северной Земле. После удачной охоты.

— Зимовка еще может держаться!..

Доктор Ринейский с мыса Челюскина по радио консультировал больных.

Голодные собаки непрерывно дрались между собой. Одна из них съела ремни упряжек вместе с металлическими кольцами и подохла. Другая взбесилась, но ее успели во-время пристрелить.

С появлением солнца начали показываться медведи. Три зверя подошли к самой зимовке и были убиты. Люди получили свежее мясо — одно из действенных средств против цынги. Больные встали на ноги.

Козел ушел на соседние острова промышлять лемминга. За ним потянулось еще несколько собак. Они немного откормились на этом. Остальных собак подкармливали через день мучной болтушкой и порченными консервами.

Весна шла дружная и сильная. Дожди и туманы распустили снег на льду и оголили от него острова. Приливно-отливное течение вызвало многочисленные трещины. Где-то далеко от Северной Земли пронесся сильный шторм. До Северной Земли он не дошел. Однако инерция приведенных в движение льдов сказалась и здесь.

Припай был взломан на большом пространстве. Подувший северный ветер отжал его далеко в море. За пятикилометровой полосой льда зачернела на всем горизонте давно невиданная темная вода.

Около трещин в больших количествах появились нерпы. В воде виднелись черные блестящие туловища морских зайцев. В воздухе закружились большие стаи разнообразных чаек.

С морским зверем пришел и медведь. Собаки перестали охотиться за леммингом и, взобравшись на высокое место острова, терпеливо и зорко осматривали ледяное пространство.

Мелькнет между торосами громадное желтоватое туловище, и вся стая с лаем и воем бросается туда. Редкому медведю удавалось уходить от стаи. Подоспевший охотник прекращал борьбу зверя с собаками, укладывая его с одного-двух выстрелов. Лучшим стрелком был метеоролог Зенков.

С весной окрепли люди и собаки. Только Мировичу не принесла весна пользы. Состояние его ухудшилось. Цынга пустила глубокие корни.

12 июня вылетел с мысе Челюскина самолет. Он вез с собой немного антицынготных продуктов. Но уже через день на мысе поняли, что самолет потерпел аварию.

«Надо искать летчиков», говорили радиограммы Рузова.

Но как могли североземельцы организовать спасательную экспедицию, когда из четырех человек трое были неспособны на более или менее длительное физическое напряжение?

Через пятнадцать дней летчики пришли сами. Теперь в маленькой комнате зимовки на острове Домашнем поселилось уже шесть человек, три кошки и новорожденный котенок.

Четверо «старожилов» имели свою, хотя и небольшую, но плановую нагрузку. Я же и Линдель, невольные «пришельцы», нагрузки не имели. Надо было изобрести ее, так как Арктика не терпит бездельников.

Самолет наш пропал безвозвратно. Гидрологических приборов на зимовке не оказалось. Оставалось одно — охота. Но для постоянной охоты не было самого существенного — сапог. Наши же сапоги во время похода к Северной Земле превратились в лохмотья кожи. Пришлось деквалифици-

На зимовке Северной Земли.

роваться и превратиться в чернорабочих, тем более, что физически мы оба нисколько не были ослаблены.

Чистили территорию зимовки, чистили и собачник, готовя его к сдаче в хорошем виде новым зимовщикам. Иногда выходил на помощь, еле двигая ногами, Мирович.

— Скорее бы приходил пароход... Не доживу...

— Доживешь, батько. Работай.

Но для всех было ясно, что конец приближается к нему с большой быстротой. Однажды, поднявшись на остров к радиомачте, он долго осматривал голую мокрую землю, и наконец, найдя удобное место, остановился около него.

— Здесь меня похороните... Веселее около моря...

В комнате стало неприятно душно. Больной разлагался при жизни.

— Встань, Мирович, походи... Скоро «Садко» придет...

— Не могу... Скорее бы приходил «Садко».

1 августа «Садко» был уже на острове Диксон. Но быстро пройдя чистую воду, этот прекрасный ледокольный пароход вскоре ударился о тяжелые льды в районе острова Визе. Надежды на приход «Садко» ослабевали с каждым днем.

— Надо батьке дать больше воздуха, — решила Демме и одного из нас отправила в магнитную будку, другого на чердак. Туда же переместились и кошки с котенком.

Скоро к коренным обитателям дома присоединились три голубоватых пушистых птенца белой полярной чайки. Мы принесли их после набега на «птичий базар», найденный на Голомянном — самом крайнем острове Северной Земли.

Там стояла охотничья избушка из фанеры. Она была расположена на очень удобном месте. Медведи нередко посещали ее. Мы обнаружили, что один из них не так давно выломал одну стенку избушки для входа, а другую для выхода. Широкие следы лап этого визитера уводили в плавучий лед.

Идя вдоль острова, мы скоро подверглись нападению чаек. Они круто падали с высоты, стараясь носом ударить нежеланных посетителей прямо по голове.

— Как великолепно пикируют, — залюбовался Линдель, когда одна из чаек заставила его пригнуться к земле.

Мы оказались в центре многочисленных гнезд, спрятанных между камнями. Оттуда торопливо бежали голубоватые шарики, стараясь как можно глубже укрыться в камнях и мху. Но обычно птенцы прятали только головы. Более маленькие и несмышленые продолжали сидеть на месте.

Демме, поймав чайчат разного возраста, свернула одному за другим головы и положила их в свою походную сумку.

— Какая польза науке от этих чайчат? Они давно всем известны!..

Для зоопарка мы, с своей стороны, подобрали трех, как нам показалось, «беспризорных» чайчат.

Молодые чайки жили на крыше домика. Они охотно ели из рук медвежье мясо и очень быстро вырастали.

Один из оперившихся птенцов слетел с крыши и, покружившись над домом, сел на землю. Его немедленно разорвали собаки. Судьба другого была более счастливой. Скоро он улетел и сел на льдину. К нему прилетели взрослые чайки и увели с собой.

— Они его усыновили,—решила зимовка, довольная удачным вылетом птенца.

«Садко» продолжал пробиваться через льды, держась принятого курса.

— Как «Садко»? — спрашивал умирающий Мирович.

— Ветер сменится, тогда придет.

Сменившийся ветер расчистил ото льда огромное пространство около островов и оставил припай не более ста—ста пятидесяти метров. Но в то же время он крепко зажал «Садко» во льдах, заставив его дрейфовать вместе с ними.

Над обитателями острова Домашнего нависла реальная угроза третьей зимовки. Нельзя сказать, чтобы такая перспектива была принята хладнокровно. Каждый реагировал сообразно своему темпераменту.

Подсчитали запас продовольствия. Оказалось, что его хватит только до февраля. Одежды и сапог не было. Угля оставалось на несколько топок. Керосин вышел весь еще раньше.

Нам пришлось еще раз переквалифицироваться. На этот раз мы сделались плотниками. Строили себе комнату в тамбуре и собачьи будки.

— На чердаке и в магнитной будке зимой не проживешь.

Чтобы растянуть запас продовольствия на целый год, я и Линдель решили перебраться после смерзания льдов в избушку на проливе Шокальского, где в 1930 году был оставлен порядочный запас продуктов.

«Садко» продолжал дрейфовать на север. «Ермак» спешил ему на выручку, но надеяться на приход «Садко» к Северной Земле уже было нельзя. В борьбе со льдами он сжег почти весь свой уголь.

— К вам вылетит самолет, — сообщили на зимовку с мыса Челюскина.— Подготовьте посадочную площадку.

— Если не придет нордовый ветер, самолет сюда не полетит, — было единодушное мнение всей зимовки после долгих поисков посадочной площадки.

Положение было ясно и для Мировича. Он сделал устное завещание.

— Да не ерунди, батько, — смущенно утешали его товарищи.

Но им уже трудно было скрывать истину. На них смотрели глаза умирающего.

Подул нордовый ветер, и далеко отошли от припая льды. Заголубела под солнцем вода, и заискрились торосы на остатках припая. Черные туловища морских зайцев, плавающих на этом просторе, стали заметнее.

Прекрасная посадочная площадка теперь была налицо.

Пришла новая радиотелеграмма: «К вам вылетел пилот Алексеев на «Дорнье-Валь».

Через три часа после вылета мы с удовольствием рас-

сматривали китообразное туловище аэроплана, пришвартовавшегося к большому торосу на ледяном припае бухты.

После годовой разлуки перед нами стояли давно знакомые полярные летчики Алексеев, Побежимов, Жуков...

Мы предполагали, что самолет сделает сюда два рейса, чтобы забрать все живое, и в соответствии с этим составили план эвакуации. Но нас постигло разочарование. Летчики решили ограничиться одним рейсом и лететь прямо на Диксон.

— Сколько же груза вы можете взять?

— Шесть человек и пятнадцать собак.

Двенадцать собак надо было бросить.

— Что же делать с собаками?.. Убить?..

Но в душе оставалась надежда. Не может быть, чтобы самая северная станция в этом районе была законсервирована на целый год. Новые самолеты на мысе Челюскина имеют полную возможность перебросить сюда одного радиста и метеоролога. Тогда оставшиеся собаки будут необходимы для новых хозяев.

— Так, кажется, и будет, — поддержали летчики.

В это время красавица Тайга, похожая на волчицу, с несколькими собаками охотилась за медведем, тщетно зовя на помощь охотников. Козел, спущенный с цепи, радостно побежал на зов Тайги. Передовик Торос лежал на песке, положив на лапы свою седую голову. Ему все равно пора умирать. Ощенившиеся Скромная и Серая решительно отказались выходить из тесной конуры, согревая своих щенков.

Отбор был закончен. Двенадцать собак останутся на острове в ожидании новых людей. Если они не придут, собак ждет длительная тяжелая смерть.

На нартах привезли Мировича, закутанного в теплое оленье одеяло. Его с трудом протолкнули в узкое горло кабины. Затем погрузили туда пятнадцать наиболее сильных собак. К самолету подошли нарты с небольшой связкой чемоданов.

— Вероятно, отчеты зимовки?

Брошенным собакам оставили мясо двух медведей, убитых накануне. Последнего чайчонка вынули из клетки и посадили в безопасное место на крыше.

— Можно лететь?

Самолет после долгого разбега поднялся вверх. С ледяного припая смотрели ему вслед брошенные собаки. В ка-

бине тяжело дышал Мирович, задыхаясь от запаха бензина. Смирно лежали перетрусившие собаки.

Мы расстались с маленьким домиком, куда авария забросила нас на два месяца, оторвав от привычной работы.

Под нами виднелась узкая лента воды. Она шла по направлению к мысу Молотова, куда мы хотели лететь с Линделем еще в июне. Такая же узкая полоса шла на юг, вдоль береговой линии Северной Земли.

Радиограмма с «Ермака», принятая на самолете, говорила об изменении направления льдов. Около мыса Челюскина было садиться безопаснее, чем на мысе Стерлигова — промежуточной станции между Северной Землей и островом Диксон.

Самолет изменил курс и пошел к мысу Челюскина. Подошли к хорошо знакомому мысу Гамарника. Там нет и в помине припая. Везде темная вода, прерываемая кое-где небольшим скоплением ледяных полей. Дальше пролив Шокальского. Вся его западная половина свободна от льда. Пролив Вилькицкого покрыт редкими ледяными полями.

Через три часа перед нами вырос знакомый берег мыса Челюскина. Он стал неузнаваем. Высилось много новых хороших зданий. Старый дом выглядел еще неуютнее и ниже.

К снизившемуся самолету подошла шлюпка с стоявшего на рейде «Сибирякова». В шлюпке — капитан Хлебников, с которым шли мы в походе 1-й Ленской экспедиции. Это один из лучших ледовых капитанов.

Команда «Сибирякова» бережно вынесла Мировича. Удивительно, как перенес он это тяжелое для него путешествие. Потом за шиворот вытащили собак, совсем растерявшихся от неожиданной перемены местности и положения.

— Остались на зимовке и ваши кошки, — соболезнует подошедшей товарищу Демме кто-то из команды «Сибирякова».

— Нет... кошки здесь...

Из приоткрытого чемодана несется заглушенное мяуканье.

— Лучше бы вместо чемодана с кошками взяли еще одну собаку!

Мирович лежал в чистой, светлой каюте «Сибирякова». Перемена обстановки подействовала на него ободряюще.

— Теперь, наверное, увижу свою Украину и свою семью.

Но надежде его не суждено было сбыться. На другой день он умер.

Снова шли мы небольшой группой, как когда-то перед наступлением полярной ночи, готовить могилу близкому товарищу.

Оттаявшая сверху земля позволила приготовить ровную каменную площадку. Бережно поставили на нее открытый гроб. Печально и искренно звучат прощальные речи. Остроухие собаки Северной Земли молчаливым кругом сидят около трупа своего каюра. Казалось, что они тоже прощаются с ним. Залп из винтовок, заунывный похоронный гудок «Сибирякова», — похороны полярника окончены. На ровном пустынном месте поднялся холм, сложенный из черных плоских камней.

— Прощай, Мирович... Постараемся сделать так, чтобы эта первая могила на мысе Челюскина была и последней.

К борту «Сибирякова» подошел «Володарский», успевший за это время еще раз сходить в устье Лены за углем для пароходов 2-й Ленской экспедиции. Он прекрасно выглядит, как будто вышел из ремонта в настоящем порту.

Попрежнему бодро и жизнерадостно выглядят капитан Смагин и вся его команда. Полярная ночь, вторая зимовка словно прошли мимо них.

— Наша программа работ вся выполнена. Остров Самуила заснят, морские знаки на месте. Мортехникум своевременно закончил выпускные экзамены. Советский флот получил семь хорошо подготовленных штурманов и четырнадцать механиков. Комсомольцы собрали гербарий и передали его доктору Диденко.

— А где Урванцев и его группа?

— На «Правде». Только вряд ли он там останется.

Действительно, весь состав зимовки острова Самуила скоро перешел с «Правды» на «Сибирякова».

— Атмосфера там совсем не товарищеская. Не хочется ссориться напоследок.

Пароход «Сталин» давно ушел вместе с «Литке».

С запада подходил «Ермак». Он стал для бункеровки около «Володарского».

Весело смеется синоптик В. А. Самойлова:

— Погоду в этом году сделали такую, что можно еще ходить и ходить!

Кругом широко раскинулось водное пространство. Только плавающие, разреженные льдины как бы предупреждают:

— Уходите, пока целы...

Начальник 2-й Ленской экспедиции Орловский — давнишний полярный работник. Вместе с ним мы прокладывали дорогу через Карское море в устья Оби и Енисея. Теперь судьба свели нас на новом этапе работы в Северном Ледовитом океане.

Двумя ленскими экспедициями проторен путь на восток, к устью Лены. Якутская республика имеет теперь наиболее дешевый путь для своих грузов. Безлюдная тайга и тундра скоро оживут и отдадут свои богатства на службу Стране советов.

«Ермак» дает призывный гудок. На него откликаются стоящие в разных местах пароходы. Они выстраиваются в стройную кильватерную линию, идя на запад, к острову Диксон.

Мыс Челюскина постепенно скрывается вдали. Исчез знак Амундсена, могила Мировича. Только высокая мачта радиостанции и новый ветряк еще долго видны в бинокль на горизонте.

— А все-таки как-то жаль расставаться с этими местами, — задумчиво говорит стоящий рядом Рузов.

— Жаль, — подтверждают и другие зимовщики.

Пароходы быстро идут почти по чистой воде. Три дня пролетели незаметно. Показался остров Диксон, оставленный пятнадцать месяцев тому назад. На нем также идет усиленное строительство. Радостными гудками приветствуют его пароходы.

Поход и зимовка 1-й Ленской экспедиции окончились.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	5
Подготовка к экспедиции	14
Игарка	34
К острову Диксон	57
От острова Диксон к устью реки Лены	83
В бухте Тикси	101
В обратный путь	106
Зимовка на островах Самуила	115
Снова на мысе Челюскина	131
Полярная ночь	149
Конец полярной ночи	165
Гидрологические работы и охота	171
Экспедиция Урванцева на вездеходах к заливу Дика и мысу Челюскина	179
Расширение радиуса полетов. Приезд промышленников. Охота.	194
Полеты продолжаются	208
В бухте Прончищевой	217
На мысе Челюскина. Полет к Северной Земле. Авария	225
На Северной Земле	276

СОСТОЯНИЕ ЛЕДЯНОГО ПОКРОВА

У СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА ТАЙМЫРСКОГО ПОЛУОСТРОВА В 1933 Г.

ПО НАБЛЮДЕНИЯМ САМОЛЕТА ПЕРВОЙ ЛЕНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ПОД РУК. Б.В. ЛАВРОВА

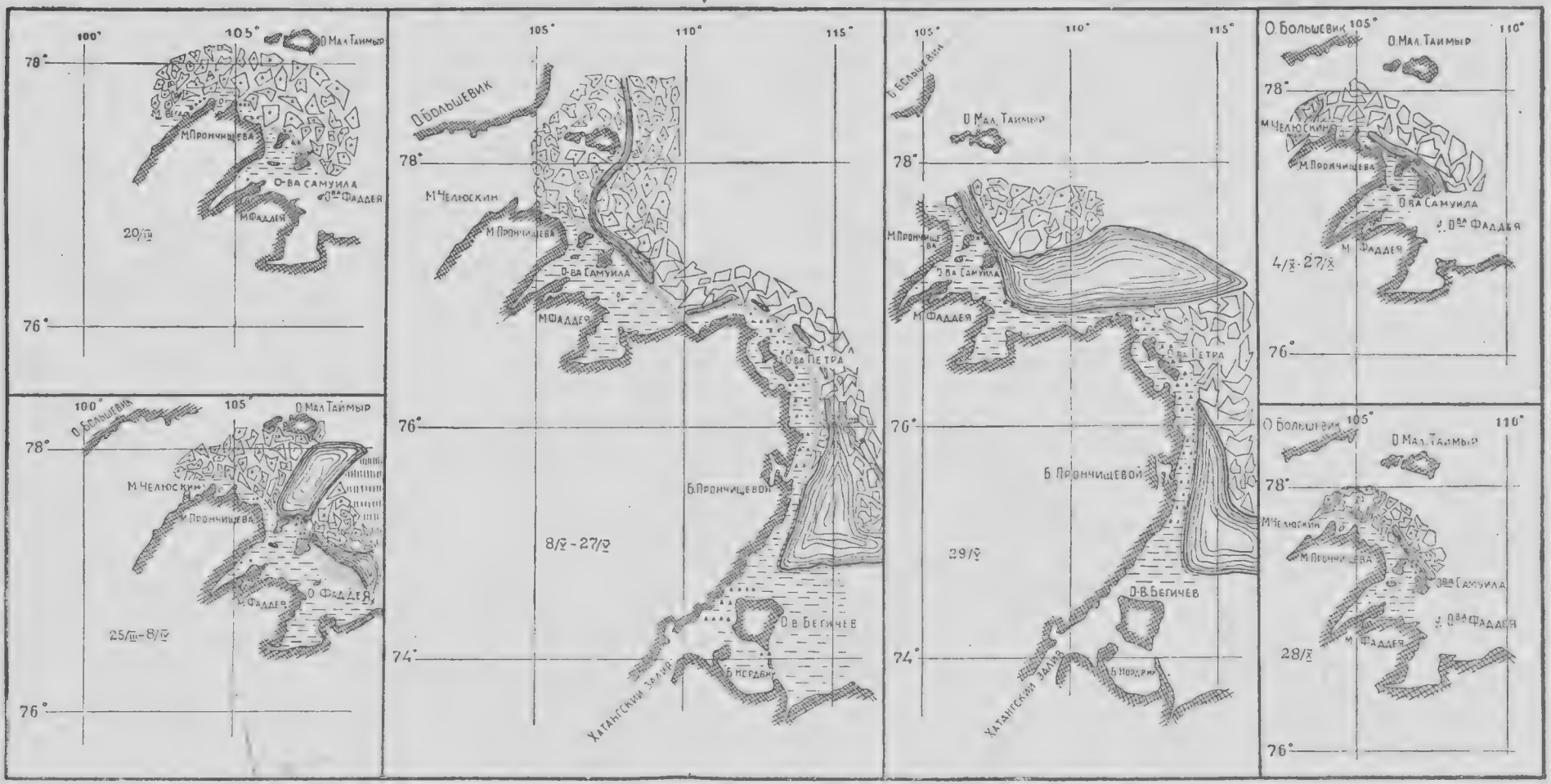
МАСШТАБ 1:6000000 ПО ПАРАЛЛЕЛИ 75°

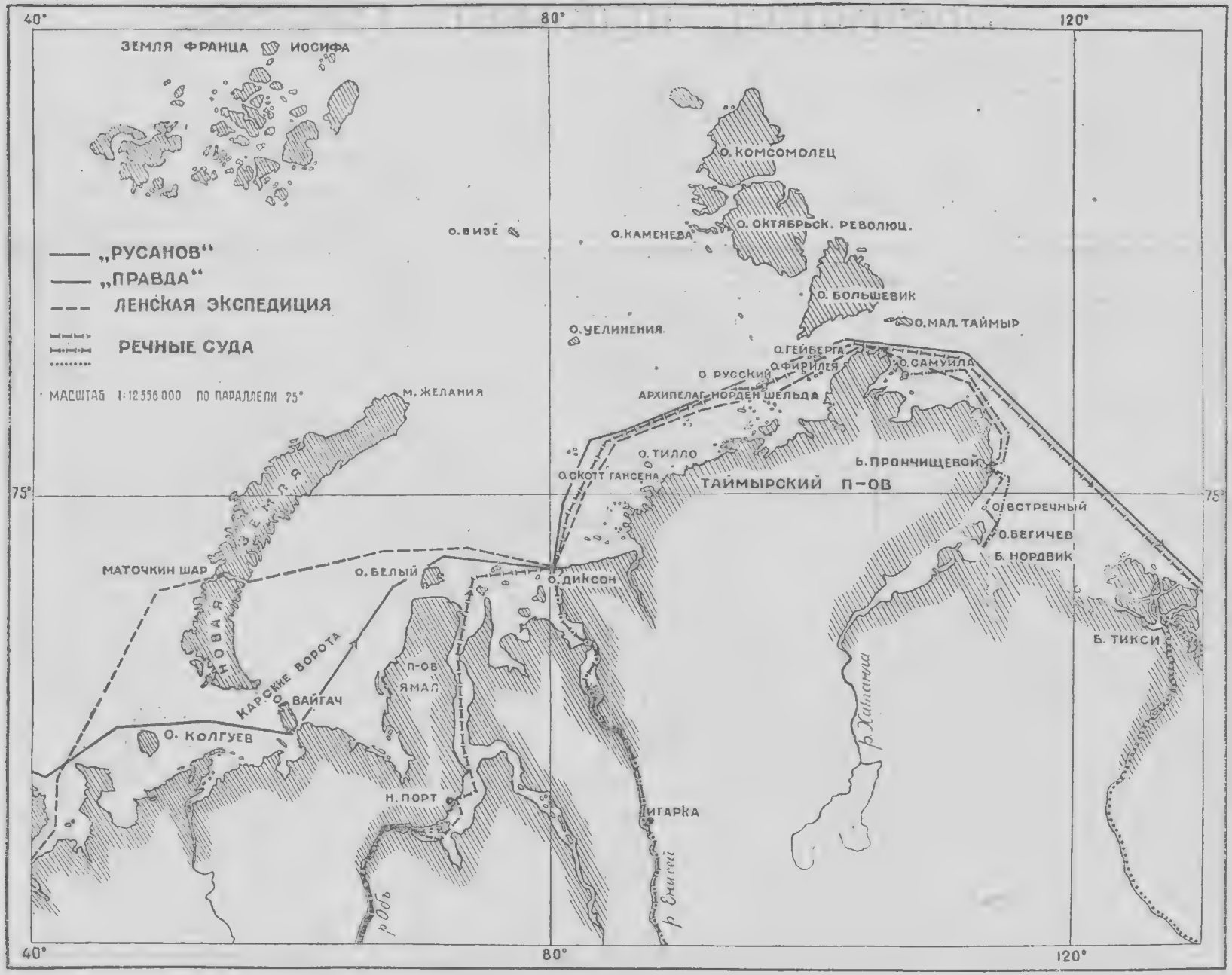
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

Неподвижной лед
- кромка
- невзломанный ровный

Плавучий лед
- кромка
- поля ровные
- поля торосистые
- молодой лед, иглы сало
- предполагаемые льды

Вспомогательные
- суша (обозначения)
- чистая вода
- полынья-промоина
- торос на льду




40°
80°
120°
ЗЕМЛЯ ФРАНЦА ИОСИФА
О. ВИЗЕ
„РУСАНОВ"
„ПРАВДА"
ЛЕНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
РЕЧНЫЕ СУДА
МАСШТАБ 1:12.556.000 ПО ПАРАЛЛЕЛИ 25°
М. ЖЕЛАНИЯ
О. КОМСОМОЛЕЦ
О. КАМЕНЕВА
О. ОКТЯБРЬСК. РЕВОЛЮЦ.
О. БОЛЬШЕВИК
О. МАЛ. ТАЙМЫР
О. УЕЛИНЕНИЯ
О. ГЕЙБЕРГА
О. ФИЛИЛЕЯ
О. САМУИЛА
О. РУССКИЙ
АРХИПЕЛАГ НОРДЕНШЕЛЬДА
О. ТИЛЛО
О. СКОТТ ГАНСЕНА
Б. ПРОНЧИЩЕВОЙ
ТАЙМЫРСКИЙ П-ОВ
75°
О. ВСТРЕЧНЫЙ
О. БЕГИЧЕВ
Б. НОРДВИК
Б. ТИКСИ
МАТОЧКИН ШАР
О. БЕЛЫЙ
О. ДИКСОН
НОВАЯ ЗЕМЛЯ
КАРСКИЕ ВОРОТА
О. ВАЙГАЧ
П-ОВ ЯМАЛ
О. КОЛГУЕВ
Н. ПОРТ
ИГАРКА
р. Обь
р. Енисей
р. Хатанга

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
110	5 сверху	готовяться	готовятся
132	11 »	мечатать	мечтать
159	9 »	и с ними.	и с нами.
176	10 снизу	его	ее
225	5 »	Ефрат	Евфрат

1002

120°

О. КОМСОМОЛЕЦ

О. ОКТЯБРЬСК. РЕВОЛЮЦ.

О. КАМЕНЕВА

О. БОЛЬШЕВИК

О. МАЛ. ТАЙМЫР

ИНЕНИЯ

О. ГЕЙБЕРГ

О. ФИРИЛЕЯ

О. РУССКИЙ

АРХИПЕЛАГ НОРДЕНШЕЛЬДА

О. ТИЛЛО

ГАНСЕНА

ТАЙМЫРСКИЙ

р. Хатанга

ИГАРКА

р. Енисей

120°

3

8 руб. 80 коп.

КГ Л13
П

КГ
4